

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

На правах рукописи

Плесканюк Татьяна Николаевна

**КОМПЛЕКСНЫЕ СРЕДСТВА
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СВЯЗНОСТИ
ТЕКСТА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Т.Б. Радбиль

Нижний Новгород – 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СВЯЗНОСТЬ ТЕКСТА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	12
1.1. Теоретические проблемы изучения текста	12
1.2. Текстовая категория связности и языковые средства ее выражения	20
1.3. Понятие словообразовательной текстовой связности: словообразовательная последовательность и текстокогерентная словообразовательная матрица	38
1.4. Национальный корпус русского языка как источник языкового материала для исследования.....	74
Глава 2. АНАЛИЗ СРЕДСТВ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СВЯЗНОСТИ В ТЕКСТАХ РАЗНЫХ СТИЛЕЙ	80
2.1. Словообразовательные последовательности разных типов как средство формирования текстовой связности	80
2.1.1. Однокорневые словообразовательные последовательности	80
2.1.2. Разнокорневые (однодельные) словообразовательные последовательности	94
2.2. Текстокогерентные словообразовательные матрицы как средство формирования текстовой связности	103
2.2.1. Особенности системно-структурной организации текстокогерентных словообразовательных матриц: горизонтальный, вертикальный и интегрирующий уровни словообразовательной связности текста	104
2.2.2. Сравнительный структурно-семантический количественно- качественный анализ параметров текстокогерентной словообразовательной матрицы в текстах разных стилей.....	122
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	156
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	162

ВВЕДЕНИЕ

Всестороннее изучение и анализ категорий текста, и, в частности, возможно более полное описание набора языковых средств, которые используются для их выражения, является одной из важнейших задач лингвистики текста. В формировании текстовой связности участвует комплекс единиц разных уровней языковой системы. Выявление особенностей их взаимодействия невозможно без описания особенностей единиц каждого уровня языка: лексического, словообразовательного, грамматического, участвующих в организации связности текста. Поэтому исследование средств текстовой словообразовательной связности, которые изучены в гораздо меньшей степени, чем лексические и грамматические средства, представляет особый научный интерес в плане познания механизмов текстопорождения и особенностей структурно-семантической организации его базовых категорий – целостности и связности.

Актуальность исследования обусловлена значимостью изучения роли словообразовательных механизмов языка в формировании основных категорий текста как моделей его порождения и понимания в аспекте комплексного, структурно-семантического и функционально-семантического подхода к анализу текста.

Под текстом в современной лингвистике обычно понимают связную последовательность знаков, оформленную в соответствии с основными способами и правилами функционирования данной языковой системы. Текст характеризуется целостностью и связностью. Связность текста рассматривается в исследовании как его функциональная характеристика, представляющая собой «связь частей внутри целого» [Валгина, 1998; Гальперин, 2004; Кубрякова, 1981 и др.]. Текстовая связность имеет как экстралингвистический, так и лингвистический характер, поскольку язы-

ковые средства, в том числе и словообразовательные, значимы не сами по себе, а в силу того, что они обеспечивают доступ к различным структурам знаний. Связность текста реализуется на смысловом, коммуникативном и структурном уровнях текстовой организации. В ее формировании принимают участие лексические, грамматические и словообразовательные единицы языковой системы.

Объектом исследования является словообразовательная связность в текстах современного русского языка. Непосредственным **предметом исследования** выступают комплексные средства словообразовательной связности – словообразовательные последовательности и текстокогерентные словообразовательные матрицы в текстах художественного, научного и публицистического стилей.

Для наиболее адекватного описания особенностей функционирования комплексных единиц словообразования в роли средств словообразовательной связности в работе предлагается новый, обобщающий термин *словообразовательная последовательность*, которая включает в себя элементы разных в структурном или семантическом отношении словообразовательных единиц, объединенных по принципу участия в формировании текстовой связности (независимо от того, компонентами каких именно комплексных словообразовательных единиц они выступают). Словообразовательные последовательности могут быть *однокорневыми*, если они представлены фрагментами словообразовательных цепочек, парадигм или гнезд, и *разнокорневыми* (одномоделными), если они представлены фрагментами словообразовательных типов, категорий, рядов или разрядов.

Словообразовательные последовательности в процессе функционирования в роли текстовой связности образуют смысловое и структурное целое, для обозначения которого в работе вводится понятие *текстокогерентной словообразовательной матрицы*. Текстокогерентная словообразовательная матрица включает в себя три аспекта словообразовательной

текстовой связности: горизонтальный, представляющий собой связи слов и словоформ – компонентов словообразовательной последовательности; вертикальный, представляющий собой непосредственные межпоследовательностные связи; интегрирующий, представляющий собой результат комбинации, наложения или пересечения комплексных словообразовательных средств связности текста.

Цель исследования – выявление особенностей реализации текстокогерентных словообразовательных матриц в художественных, публицистических и научных текстах современного русского языка посредством комплексного структурно-семантического количественно-качественного анализа.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

– дать теоретическое обоснование исходных понятий исследования: категория связности текста, текстовая словообразовательная связность текста и средства её формирования, словообразовательная последовательность, текстокогерентная словообразовательная матрица;

– на базе введенных в исследовательский обиход научных понятий *словообразовательная последовательность* и *текстокогерентная словообразовательная матрица* обосновать концепцию исследования;

– проанализировать структурно-семантические особенности функционирования однокорневых и разнокорневых одно модельных словообразовательных последовательностей в роли средств словообразовательной связности текстов разных стилей;

– охарактеризовать особенности системно-структурной организации текстокогерентных словообразовательных матриц, включающих горизонтальный, вертикальный и интегрирующий уровни текстовой словообразовательной связности, в текстах разных стилей;

– дать сравнительный структурно-семантический количественно-качественный анализ параметров текстокогерентной словообразовательной

матрицы (длина, ширина, плотность и концентрированность) в текстах художественного, публицистического и научного стилей.

Гипотеза исследования:

– числовые значения параметров длины, ширины, плотности и концентрированности текстокогерентной словообразовательной матрицы являются одним из диагностических показателей стилевой принадлежности того или иного текста.

Материалом для исследования являются образцы текстов художественного, научного и публицистического стилей, представленные в текстовом массиве Национального корпуса русского языка.

Объем исследованного материала составляет 530 текстовых фрагментов, полученных методом сплошной выборки из указанного текстового массива.

Научная новизна исследования. Проблема разных аспектов категории связности текста достаточно полно изучена в современной отечественной и зарубежной науке, в том числе исследования касались и проблемы словообразовательной связности [Апресян, 2004; Улуханов, 2007; Уфимцева, 1974 и многие другие]. Отмечается имплицитное включение в значение лексемы указания на отношения между словообразовательными единицами [Арутюнова, 1999; Бондарко, 1991; Гак, 1971 и др.].

Усиление личностного начала в современном языке дало толчок к изучению словообразовательных единиц как средств, отражающих определенный пласт человеческого опыта [Ахманова, 1980; Курилович, 1962; Шмелев, 2006]. Исследование семантических свойств единиц словообразования и особенностей организации словообразовательной семантики служит установлению видов отношений слов в словообразовательном гнезде языковых единиц [Гак, 1971; Колшанский, 1980; Кубрякова, 1992; Улуханов, 2007 и др.].

Оценка семантической деривации как отношения производности и механизма, обеспечивающего решение определенных коммуникативных задач, способствует актуализации функционально-семантического сдвига словообразовательных единиц, отражающих их регулярность / нерегулярность, мотивированность / немотивированность [Земская, 2005; Кубрякова, 1981; Падучева, 1996 и др.].

Проблема непосредственного изучения средств текстовой словообразовательной связности так или иначе ставилась в работах [Иванова, 2000, Казак, 2004; Ноздрина, 1997; Орлова 2002 и др.]. Однако непосредственно проблема особенностей структурно-семантической организации комплексных средств словообразовательной связности в аспекте взаимодействия нескольких словообразовательных последовательностей в рамках единого целого, имеющего матричную структуру, применительно к квалификации стилевой принадлежности текста еще не была в полной мере представлена в перечисленных выше работах.

Научная новизна исследования заключается прежде всего во введении в научный обиход нового предмета для анализа и, соответственно, новых научных понятий *словообразовательной последовательности* и *текстокогерентной словообразовательной матрицы* в роли комплексных средств текстовой словообразовательной связности. Также практически не изучена роль свойств текстокогерентной словообразовательной матрицы в функционально-стилевой квалификации текстов разных стилей (художественного, публицистического, научного) в современном русском языке. В исследовании описаны модели наиболее частотных однокорневых и разнокорневых одномодельных словообразовательных последовательностей как средств текстовой словообразовательной связности и выявлены их структурные типы; охарактеризована роль числовых значений параметров длины, ширины, плотности и концентрированности текстокогерентной словообразовательной матрицы в определении стилевой принадлежности текста.

Теоретическая значимость исследования заключается в апробировании принципов комплексного структурно-семантического количественно-качественного анализа средств текстовой словообразовательной связности, основанном на использовании новых научных понятий *словообразовательной последовательности* и *текстокогерентной словообразовательной матрицы* и, в частности, на исчислении значений параметров длины, ширины, плотности и концентрированности текстокогерентной словообразовательной матрицы, что вносит вклад в современную теорию и практику русского синхронического словообразования и лингвистического анализа текста.

Практическая ценность исследования состоит в том, что его основные результаты могут быть использованы в вузовских курсах преподавания современного русского языка (раздел «Словообразование»), стилистики современного русского языка и лингвистического анализа текста.

Методологическая основа исследования базируется на теоретических положениях лингвистики текста, изложенных в работах И.Р. Гальперина, Г.А. Золотовой, Т.М. Николаевой, А.А. Леонтьева и др., на современной теории общего и русского синхронического словообразования, представленной в трудах Е. Куриловича, Е.С. Кубряковой, В.Г. Гака, Е.А. Земской, А.Н. Тихонова, И.С. Улуханова, В.Н. Немченко, В.В. Лопатина и др., а также на идеях современной стилистики текста, изложенные в работах В.В. Виноградова, А.И. Горшкова, Д.Н. Шмелева, Т.Г. Винокур, М.В. Кожиной, М.Я. Дымарского и др.

Методы исследования. В работе используются метод традиционного лингвистического описания, метод структурно-семантического словообразовательного анализа, метод функционального анализа текста, а также элементы стилистического анализа текста и вероятностно-статистической методики.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Средства текстовой словообразовательной связности занимают особое место в комплексе разноуровневых средств, формирующих категорию связности, потому что позволяют эксплицировать разнообразные семантические и структурные связи значимых фрагментов текста.

2. Минимальным средством текстовой словообразовательной связности является словообразовательная последовательность, которая включает в себя элементы разных в структурном или семантическом отношении словообразовательных единиц; словообразовательные последовательности могут быть однокорневыми, если они представлены фрагментами словообразовательных цепочек, парадигм или гнезд, и разнокорневыми (одномодельными), если они представлены фрагментами словообразовательных типов, категорий, рядов или разрядов.

3. Основным комплексным средством текстовой словообразовательной связности является текстокогерентная словообразовательная матрица, объединяющая словообразовательные последовательности текста в единое иерархически организованное смысловое и структурное целое; релевантными свойствами текстокогерентной словообразовательной матрицы выступают длина, ширина, плотность и концентрированность.

4. Сравнительный структурно-семантический количественно-качественный анализ параметров длины, ширины, плотности и концентрированности текстокогерентной словообразовательной матрицы в текстах разных стилей демонстрирует, что их числовые значения различны в текстах художественного, публицистического и научного стиля; это позволяет рассматривать параметры длины, ширины, плотности и концентрированности текстокогерентной словообразовательной матрицы в качестве одного из диагностических показателей стилевой принадлежности того или иного текста.

Апробация результатов исследования осуществлялась при обсуждении основных теоретических положений, направления и предваритель-

ных итогов научного поиска на заседании кафедры современного русского языка и общего языкознания Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Основные положения исследования представлены в докладах и сообщениях на международной научной конференции «Лингвистические основы межкультурной коммуникации» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Н. Новгород, 2005); на III межвузовской научно-практической конференции «Язык и межкультурная коммуникация» Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (Санкт-Петербург, 2006); на международной конференции «Русский язык: система и функционирование» Белорусского государственного университета (Минск, 2006); на всероссийской научной конференции молодых ученых «Проблема языковой картины мира на современном этапе» Нижегородского государственного педагогического университета (Н. Новгород, 2006); на международной научно-практической конференции «Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания» (Новосибирск, 2011); на международной научно-практической конференции «Наука и современность –2011» (Новосибирск, 2011). По материалам диссертации опубликовано 11 работ, в том числе три статьи в научных изданиях, аккредитованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

Во **введении** определяется цель и основные задачи исследования, подчеркиваются теоретическая значимость и практическая ценность работы, ее новизна, перечисляются методы исследования.

В первой главе «Словообразовательная связность текста как объект лингвистического исследования» рассматриваются общие теоретические положения лингвистики текста, обосновываются научные понятия словообразовательной последовательности и текстокогерентной словообразовательной матрицы, представлены методологические основы и концепту-

альный аппарат исследования, обоснована концепция работы.

Во второй главе «Анализ средств словообразовательной связности в текстах разных стилей» исследуются словообразовательные последовательности разных типов как средство формирования текстовой связности, дается сравнительный структурно-семантический количественно-качественный анализ свойств текстокогерентной словообразовательной матрицы в художественных, публицистических и научных текстах.

В заключении диссертации излагаются итоги проведенного исследования и основные выводы, намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Библиографический список содержит источники текстового материала, научную и учебно-методическую литературу по теме, словари и электронные ресурсы и включает в себя 252 наименования (из них 11 на иностранном языке).

Глава 1. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СВЯЗНОСТЬ ТЕКСТА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Теоретические проблемы изучения текста

Под текстом в современной лингвистике обычно понимают *связную последовательность знаков*, оформленную в соответствии с основными способами и правилами функционирования данной языковой системы. П. Хартманн утверждает, что язык изначально существует в форме текстов и что текст является «лингвистически значимым первичным знаком языка» [Хартманн, 1978: 205-220], тогда как другие языковые единицы лишь выделяются из него посредством лингвистического анализа.

Текст как система представляет собой развертывание и переключение внутреннего кода на внешнюю вербализацию в процессах порождения речи и ее интерпретации с учетом социально-психологических типов личностей и коммуникативных установок [Николаева 1978; Кубрякова 1981; Валгина 1998; Гальперин 2004].

Проблема текста как сверхпредложенческого единства еще в 30-40 гг. XX в. представлена Н.С. Поспеловым, И.А. Фигуровским [Поспелов, 1948; Фигуровский, 1961]. Изучению текста как сложного синтаксического целого посвящены труды В.Г. Гака, Г.А. Золотовой, Г.Я. Солганика; грамматики текста – Н.Д. Бурвиковой, Г.В. Колшанского, О.И. Москальской и др.

Три аспекта лингвистики текста. Текст структурирует (ставит в определенные отношения) три аспекта языковых единиц: *знаковый* (в данном случае словообразовательные единицы в функции связующих элементов текста), *смысловой*, или *семантический* (соотнесенность матери-

альной оболочки слова-термина с реалией объективной действительности) и *коммуникативный* (распределение коммуникативной силы элементов высказывания). При этом реалия часто называется предметом речи (референтом, денотатом), понятие об этой реалии – сигнификатом. Возможность представления в этой связи словообразовательной единицы вытекает из принятия в работе представления о том, что «текст - правила, регулирующие употребление лексических, морфологических, в том числе словообразовательных единиц, синтаксических конструкций в коммуникации [Кубрякова, 1996: 140].

Данные аспекты определяются содержанием (темой) высказывания, функционально-смысловым типом речи (оптимальной формой высказывания), письменным характером текста, стилистическими приемами (сознательным отбором языковых средств с целью оказать определенное воздействие на читателя и вызвать у него желаемую реакцию).

Знаковый аспект предполагает рассмотрение текста как совокупности языковых элементов (вещный, субстантивный подход), в том числе и словообразовательных единиц. Текст оценивается и как совокупность отношений между его элементами (структурный подход), и как связное целое, то есть согласованная совокупность элементов и отношений (системный подход).

На этом фоне формируется понимание текста как некой *инвариантной модели* текста, что связано в лингвистической науке с именами таких ученых, как И.Р. Гальперин, М.Я. Дымарский, Е.С. Кубрякова, О.И. Москальская, Е.В. Падучева, И.С. Улуханов и др. Под инвариантной моделью текста понимается «концептуальный каркас», отражающий всю совокупность существующих в языке текстов. Основными параметрами текста являются целостность, выраженность, единство смысла, связность, структурность, нормированность [Гальперин, 2004; Лотман, 1970 и 1972; Москальская, 1981].

В таком случае собственно текст представляет собой некоторое завершенное сообщение, обладающее своим содержанием, организованное по абстрактной модели одной из существующих в литературном языке форм сообщений (функционального стиля и его разновидностей) и характеризуемое своими дистинктивными признаками связности, целостности и др.

Собственно языковым аспектам изучения текста посвящена и *грамматика текста*, в рамках которой исследователи (Н.Д. Арутюнова, М.Я. Дымарский, С.Г. Ильенко и др.) исходят из плодотворной идеи, что текст как продукт и текст как процесс (порождение текста) – две тесно связанные между собой, но существенно различные стороны одного явления.

В таком случае текст, представляя собой системно-структурированное образование, как процесс обеспечивается изначальной установкой на создание некоего целого и как продукт определенными вербальными и невербальными средствами инициальную установку на создание завершенного целого [Дымарский, 2001: 24].

Основными признаками текста являются *связность* и *целостность*. По словам К. Бооста: «Нити, протянутые от одного предложения к другому, столь многочисленны, образуют такую плотную сетку, что можно говорить о переплетённости, о сплетении предложений в единую сетку, так что каждое отдельное предложение как бы неразрывно связано с остальными» [Boost, 1955: 65]. При этом указываются основные средства взаимной связи между предложениями: лексические повторы, местоимения, контекстуально обусловленный эллипсис, употребление глагольных времен и т.п.

Задачей **смыслового аспекта** лингвистики текста является выявление глубинных смыслов, содержащихся в одном каком-либо замкнутом тексте. В этом случае выявление принципов употребления языковых единиц помогает эти скрытые смыслы выделить, что сближает лингвистику с

герменевтикой как толкованием неясного смысла текста.

В исследовании учитывалось, что «содержание» применительно к тексту имеет терминологическое употребление, отличное от понятий «смысл» и «значение». «Содержание» как термин грамматики текста относится лишь к информации, заключенной в тексте в целом; «смысл» - к мысли, сообщению, заключенному в предложении или в сверхфразовом единстве; «значение» - к языковым единицам, морфемам, словам, словосочетаниям, синтаксическим конструкциям [Гальперин, 2004: 74].

Содержание конкретного текста относительно стабильно, смысл вариативен и зависит во многом от индивидуальных качеств воспринимающего. Содержание как суть изложения, содержательная информация, определенный набор, последовательность эпизодов, соответствующих объективной и «мыслимой» (для художественных произведений) действительности, подразумевает наличие определенной структуры содержательных элементов, или содержательной структуры, которые разными исследователями называются: автор, соавтор, читатель, текст и предмет; тема, подтема, супратема и макротема; денотат и сигнификат как представления о том, что обозначается языковым выражением.

Различается *языковое* и *глубинное* содержание текста. Так, по словам Б.М. Лейкиной, языковое (поверхностное) значение текста – это то, которое выводится на основе чисто языковых компонентов текста, а глубинное или неязыковое, ситуационное значение текста – то содержание, которое вкладывается в данный текст автором и которое выражается языковыми средствами (неязыковые знания, ассоциации, специфика предметной области, с которой связано высказывание, условия коммуникации, особенности автора, его представления о реальных или потенциальных реципиентах (макрокомпонент текста)) [Лейкина, 1961] .

В тексте как данности речи, в которой актуализируются и объективируются формы языка, выделяются две условные зоны – ядро, которое

составляют текстообразующие элементы, несущие информацию о воспроизводимой в тексте объективной ситуации, и периферия [Мороховская, 1989]. На выбор текстообразующих средств влияют условия, которые, согласно определению Р. Богранда и В. Дресслера, образуют главный признак текста – текстуальность; ему соответствуют такие содержательные признаки текста, как ситуативность, интенциональность, приемлемость, информативность, когезийность [Dressler, Beaugrande, 1981].

Разновидностью смыслового аспекта выступает понимание текста и как логической единицы [Т. Ван Дейк, Ф. Данеш, Н.В. Мещеряков], представляющей содержание в виде пропозиций. *Пропозиция* – это независимая в языковом плане и нейтральная по отношению к коммуникативному акту абстрактная структура предложения, текста или семантический инвариант, конкретным выражением которой является действительное положение дел. Совокупность пропозиций, лежащих в основе текста, образует текстуру текста.

На лингвистическом уровне пропозиция означает такой семантический инвариант, который сохраняется в случае изменения коммуникативного задания, то есть способен соединяться с любым «модусом коммуникативной цели»; изменяется лишь внешняя форма, скрывающая за собой единую глубинную структуру, неизменный семантический инвариант [Ваганова, 2006: 74]. Пропозиции существуют как связи или отношения к своему / своим аргументам, или же как отношения четырех главных типов: идентификации и тождества, номинации и характеристики [Арутюнова, 1976].

Широкое распространение получило представление о том, что пропозиции формируют «каркас» будущего предложения, текста, обеспечивают объективацию и вербализацию их содержания, в том числе и средствами словообразования. Отсюда внешние события, объекты, явления воспринимаются в их взаимодействии, взаимоотношениях, т.е. в их связях.

Коммуникативный аспект лингвистики текста предполагает изучение компонентов текста, связанных с обеспечением правильной коммуникации и тем самым – правильного построения текста вообще. Выявляемые смысловые различия языковых единиц относятся как к правилам семантического, так и прагматического характера, определяющим некоторый общий фонд знаний общающихся, общую «картину мира», без единства которой текст будет непонятен. Под текстом в данном случае понимается широкое контекстно-коммуникативное пространство, существующее, подразумеваемое или создаваемое автором при желании воздействовать на воспринимающего.

Речепроизводство текста призвано установить между говорящим / пишущим определённые отношения со слушающим / читающим. Соответственно в основе каждого текста лежат формальные и содержательные средства связи, во многом определяющие содержание и структуру коммуникативного контекста. Текст только тогда имеет определённый смысл, когда чётко прослеживается его коммуникативная функция.

Коммуникативный аспект анализа текста трактует понимание, порождение и интерпретацию текста на базе теории речевых актов (Дж. Остин, Дж. Р. Серль). Коммуникативный, или *речевой*, акт – целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принятыми в обществе нормами. Основы теории речевых актов составляют построение высказывания из слов данного языка по правилам его грамматики; наполнение высказывания смыслом, то есть референцией, или соотнесенностью с действительностью; выражение коммуникативной цели воздействовать на сознание или поведение адресата и др. В свете теории речевых актов текст является системой речевых актов как взаимосвязанных специализированных функций общения, познания и Коммуникативное содержание текста определяется главным образом контекстуальным фактором, то есть

коммуникативными намерениями и коммуникативными задачами, акцентированием того или иного текстуального содержания.

Структура текста и его основные единицы. Текст, если рассматривать его в системе обобщенных функциональных категорий, квалифицируется как высшая коммуникативная единица. Это целостная единица, состоящая из коммуникативно-функциональных элементов, организованных в систему для осуществления коммуникативного намерения автора текста соответственно речевой ситуации.

Если принять, что текст отражает некое коммуникативное событие, то, следовательно, элементы события должны быть соотнесены с отдельными компонентами (или единицами) текста. Поэтому выявление единиц текста и их иерархии в общей структуре текста помогает вскрыть существенные характеристики текста – содержательные, функциональные, коммуникативные. При этом надо иметь в виду, что единицы текста, представленные, в частности, в виде высказываний, отражают лишь значимые для данного текста элементы ситуации-события; остальные же элементы могут опускаться из-за их ясности, достаточной известности. То есть мы имеем дело с некоторым несоответствием между высказыванием и отраженной в нем ситуацией. Это ставит вопрос о семантической наполненности единиц текста и ее достаточности или недостаточности в рамках целого текста.

Текст имеет свою микро- и макросемантику, микро- и макроструктуру [Баранник, 1990]. Семантика текста обусловлена коммуникативной задачей передачи информации (текст – информационное целое); структура текста определяется особенностями внутренней организации единиц текста и закономерностями взаимосвязи этих единиц в рамках цельного сообщения (текста) (текст – структурное целое).

Единицами текста на семантико-структурном уровне являются: высказывание (реализованное предложение), межфразовое единство (ряд вы-

сказываний, объединенных семантически и синтаксически в единый фрагмент). Межфразовые единства в свою очередь объединяются в более крупные фрагменты-блоки, обеспечивающие тексту целостность благодаря реализации дистантных и контактных смысловых и грамматических связей. На уровне композиционном выделяются единицы качественно иного плана – абзацы, параграфы, главы, разделы, подглавки и др.

Единицы семантико-грамматического (синтаксического) и композиционного уровня находятся во взаимосвязи и взаимообусловленности, в частном случае они даже в «пространственном» отношении могут совпадать, накладываясь друг на друга, например, межфразовое единство и абзац, хотя при этом они сохраняют свои собственные отличительные признаки.

С семантической, грамматической и композиционной структурой текста тесно связаны его стилевые и стилистические характеристики. Каждый текст обнаруживает определенную более или менее выраженную функционально-стилевую ориентацию (научный текст, художественный и др.) и обладает стилистическими качествами, диктуемыми данной ориентацией и, к тому же, индивидуальностью автора. Стилистические качества текста подчинены тематической и общей стилевой доминанте, проявляющейся на протяжении всего текстового пространства.

Построение текста определяется темой, выражаемой информацией, условиями общения, задачей конкретного сообщения и избранным стилем изложения. Текст как речевое произведение состоит из последовательно объединенных вербальных средств (высказываний, межфразовых единств). Однако значения, заключенные в тексте, не всегда передаются только вербальными средствами. Для этого существуют и средства невербальные; в рамках высказывания и межфразового единства это может быть порядок слов, соположение частей, знаки препинания; для акцентирования значений – средства выделения (курсив, разрядка и др.) Например, при сочета-

нии высказываний *Сын пошел в школу. Дочка – в детский сад* сопоставительное значение не нашло для себя словесного выражения; кроме того, сказуемое пошла заменено знаком тире. В рамках более сложных компонентов текста таких невербализованных значений может оказаться значительно больше.

Таким образом, текст – это одна из форм коммуникации, в которой реализуется система языка, представляющего инвариантную модель сообщения информации, базирующуюся на семантической референции и кореференции языковых единиц и характеризующуюся признаками связности, целостности, выраженности, структурности и ограниченности. Текст – знаковая уровневая система, важными составляющими которой являются коммуникативная, семантическая и структурная связность.

1.2. Текстовая категория связности и языковые средства ее выражения

В настоящее время очевидно, что построение лингвистической теории текста невозможно без изучения связей предложений в тексте как единого целого. Именно связи языковых единиц в тексте объясняют отличие простого соположения предложений от связного текста. Текстовые связи – особые виды связи, обеспечивающие континуум, то есть логическую последовательность (темпоральную, пространственную; взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий) [Гальперин, 2004: 74].

Связность как базовая категория текста. Несмотря на неоднократное обращение лингвистической науки к таким категориям текста как связность и цельность, интерес к изучению этой проблемы в различных языках отнюдь не ослабевает, и вопрос установления видов связи между

высказываниями в тексте является одним из актуальных направлений функциональной лингвистики.

Среди исследователей нет единого мнения в определении сущности текстовых категорий и единиц, в подходе к их классификации. Однако в вопросах, касающихся деления этих категорий на структурные и содержательные, точки зрения большинства исследователей (Т.Н. Николаева, И.Р. Гальперин, О.Л. Каменская и др.) совпадают. Комплексное изучение плана содержания и плана выражения категорий текста прослеживается в работах таких лингвистов, как Т.А. Бочкарева, Н.Д. Зарубина Н.В. Малычева З.Я. Тураева и др. Категории текста описываются и преимущественно при опоре на сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, рассматриваемые как единицы языка.

Текстовая категория является одним из взаимосвязанных существенных признаков текста, представляющих собой отражение определенной части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (компаративными) средствами. Категории текста отражают его «наиболее общие и существенные признаки и представляют собой ступеньки в познании его онтологических, гносеологических и структурных признаков» [Тураева, 1986: 80]. Описание категорий текста и их взаимодействие нацелено на то, чтобы, «охарактеризовав каждую выявленную связь элементов системы отдельно, получить обобщенную характеристику всей системы, т.е. текста как целого, путем соединения знаний об этих элементах» [Воробьева, 1993: 18]. На наш взгляд наиболее убедительной дефиницией текстовой категории является дефиниция Т. В. Романовой, которая под категорией текста подразумевает «совокупность языковых средств для выражения определенных инвариантных семантико-функциональных значений, коррелирующихся отношениями объективной действительности (или денотативной ситуацией)» [Романова, 2003: 14].

Общепризнано, что базовой категорией текста является **связность**,

которая предполагает связь, объединение текстовых элементов в одно целое, затрагивая разные стороны организации речевого произведения. В кругу вопросов, связанных с характеристикой текста, предполагающей всестороннее освещение данного феномена, вопрос о связности считается одним из основных. Это объясняется тем, что текст как объект лингвистического исследования представляется прежде всего как информационное и структурное единство, как функционально завершенное речевое целое. Именно это качество текста в настоящее время определяет достаточно четкие закономерности текстообразования.

Связность, являющаяся основным конструктивным признаком текста, отражает содержательную и структурную сущность текста. При этом исследователи, в частности, различают локальную связность и глобальную связность. Локальная связность – это связность линейных последовательностей (высказываний, межфразовых единств). Глобальная связность – это то, что обеспечивает единство текста как смыслового целого, его внутреннюю цельность.

Локальная связность определяется межфразовыми синтаксическими связями (вводно-модальными и местоименными словами, видо-временными формами глаголов, лексическими повторами, порядком слов, союзами и др.).

Глобальная связность (она приводит к содержательной целостности текста) проявляется через ключевые слова, тематически и концептуально объединяющие текст в целом или его фрагменты.

Связующим элементом текста на уровне содержания является и авторская оценка и осмысление отображенных предметов, связь авторского замысла и композиции, авторская позиция. Все это связано с целеустановкой текста и ее реализацией в стиле, в формах представленности в тексте авторства. Авторская модальность скрепляет все элементы содержания текста. Для художественного текста это «образ автора» (по терминологии

В.В. Виноградова), для текста нехудожественного – это авторская концепция, точка зрения. Нет этого – нет и смыслового единства текста, его цельности. Организация речевых средств для передачи содержания под углом зрения, отражающего авторскую позицию, и определяет целостность текста.

Связность – это явление не только смысловое. Связность текста проявляется через внешние структурные показатели, через формальную зависимость компонентов текста. Она «проявляется одновременно в виде структурной, смысловой и коммуникативной целостности, которые соотносятся между собой как форма, содержание и функция» [Москальская, 1981:17]

Когезия и когерентность. Для обозначения связности текста в лингвистической литературе употребляются также термины *когезия* и *когерентность*. Под *когезией* обычно понимают связь частей внутри целого, в том числе языковых единиц внутри высказывания, текста. При этом когезия понимается как вид связи между элементами текста, тогда как когерентность – свойство связности текста в целом.

Под *когерентностью* понимается «смысловая связь предложений, в то время как показатели структурной связности в тексте могут не всегда проявляться» [Dobzynska, 1983: 24]. Термин «когерентность» закрепился во многих трудах отечественных исследователей, хотя М.Л. Макаров считает, что данный термин является неточным употреблением, так как в русской терминологической традиции для латинской основы этого типа нормативным будет слово, оканчивающееся на *-енция*, что подтверждается и параллелями из новых европейских языков (англ. coherence, conference, audience, нем. Kohärenz, Konferenz, Audienz и др.). Однако, как показал анализ отечественной лингвистической литературы в русском языке чаще употребляется термин *когерентность*, нежели *когеренция* [Макаров, 2003: 23].

Понятию когерентности как глобальной связности должно быть

противопоставлено понятие когезии (от лат. *cohaesi* – «быть связным») как связности локальной. Локальная связность – это связность линейных последовательностей (высказываний, межфразовых единств), которая определяется межфразовыми синтаксическими связями и осуществляется при помощи ряда элементов связи на уровне микроструктур, под которыми Т. Ван Дейк понимает «элементы, осуществляющие семантическую связь между двумя или несколькими соседними предложениями» [Dijk, 1977: 57]. Так, категория локальной связности текста может быть выражена при помощи повтора элементов текста с одинаковым объектом референции, но различными формами лексической реализации (субституции), дословного повтора однажды упомянутого элемента в последующем тексте (рекуррентии), дейктических элементов, конъюнкции, эллиптических структур и синтаксического параллелизма.

В широком смысле слова, когезия есть семантическая категория, «она относится к соотношению значений, существующих в тексте и определяющих текст... Когезия представляет собой набор связей значения, общий для всех типов текстов, то, что отличает текст от «не-текста» и соотносит, связывает отдельные значения текста друг с другом» [Холлидей, 1976: 99]. И.Р. Гальперин определял когезию как «особые виды связи, обеспечивающие континуум, т.е. логическую последовательность, (темпоральную и/или пространственную) взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и пр.» [Гальперин, 1981: 138].

В более узком понимании, когезия есть только локальная связность, – связность линейного типа, выражаемая формально, преимущественно языковыми средствами. Она базируется на местоименной субституции, лексических повторах, наличии союзов, соотнесенности грамматических форм и др. Одной из основных функций когезии в тексте является установление последовательности различных языковых знаков, их смыслов и форм; когезия скрепляет такую последовательность в одно отдельное це-

лое.

Понятия когезия и когерентность принадлежат к основным понятиям теории текста. Они считаются определяющими, строительными характеристиками текста, необходимым условием текстуальности. Однако подход к данным понятиям, их определение и применение в разных концепциях расходятся. В одних работах эти понятия употребляются в качестве синонимов, в других им свойственны дифференциальные признаки. Говоря о соотношении когезии и когерентности в структуре текста, чешский исследователь Л. Воборжил отмечает, что понятие когерентности, по большей части, применяется к содержательной (тематической) стороне текста, это глобальная организация содержания текста, для которой особое значение имеет коммуникативная ситуация и набор знаний отправителя и получателя текста. Когезия же, наоборот, является глобальной организацией выражения текста, это «видимое» сцепление единиц текста с помощью средств отдельных языковых уровней. Когезия вторична по отношению к когерентности, так как последняя может формально не проявляться «на поверхности» [Воборжил, 1998: 5]. Другой исследователь, Ф. Данеш, на мнение которого ссылается Л. Воборжил, рекомендует использовать термин когезия в связи со средствами выражения, а когерентность по отношению к широкому кругу семантических связей. По мнению О.И. Москальской, когерентность текста есть результат взаимодействия логико-семантического, синтаксического и стилистического видов когезии [Москальская, 1981:46].

Итак, категория связности как один из основных признаков текста проявляется на уровне как когерентности, так и когезии, благодаря чему все компоненты текста непосредственно или опосредованно взаимосвязаны и структурированы в единое целое.

Смысловая, коммуникативная и структурная связность текста. Смысловой уровень связности текста выражается, прежде всего,

единством его темы (отношения знака к объекту, к референции). Под темой в науке принято понимать смысловое ядро, «обобщенный концентрат», всего текста [Москальская, 1981: 17]. В лингвистической литературе такое понятие чаще всего называется *гипертемой*. Гипертема складывается из подтем, но не представляет собой их суммы. Развитие гипертемы дает развертывание и побочных тем, нередко выступающих как детализация, конкретизация основной темы.

Содержание темы складывается из набора семантических признаков повторяющихся слов в отношении дополнительности. Так, во фрагменте текста И.С. Тургенева: *Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром; она разливается кротким румянцем. Солнце – не огнистое, не раскаленное, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно-лучезарное – мирно всплывает над узкой и длинной тучкой, свежо просияет и погрузится в лиловый ее туман,* – отношением дополнительности связаны тема текста: *прекрасный июльский день* и средства ее развития: *раннее утро ясно; утренняя заря разливается кротким румянцем; солнце – не огнистое, не раскаленное, не тускло-багровое, но светлое и приветно-лучезарное.* Детализация темы наряду с синтаксическими средствами языка (противопоставление определений, словосочетания) передается и словообразовательными единицами *утро, утренняя (заря), тускло-багровое, приветливо-лучезарное.* В такой трактовке тема есть смысл, составные компоненты которого актуализируются на протяжении всего текста или его фрагмента. Детализация и конкретизация темы нередко фиксируется синтаксическими средствами. Синтаксическая сигнализация, как правило, служит актуализации локально значимой информации.

Одним из способов выражения темы являются сигналы смены темы, то есть перехода от одной темы к другой. Маркерами смены темы могут

выступать языковые средства, обозначающие изменение события, состояния, изменение времени, места, ввод новых участников ситуации, вторичный ввод уже известных участников ситуации, изменение перспективы изложения, точки зрения и т.п. Связи таких единиц могут выражаться с помощью коннекторов – наречий, частиц, составных предлогов.

Например, во фрагменте текста: *...на солнце все оживает: и трава, и лес, и человеки тоже...Да-а, я вон деранул из хазы одной, совсем доходил на вокзалишках. Дуба дал бы, да попал в один поезд. Он повез меня, повез и в Крым привез. А там солнца-а! Народу-у! С ходу два скачка сделал. Нашамался – во!...Лафа!* (В. Астафьев) – языковыми средствами, обозначающими изменение темы «на солнце все оживает», являются глагол *доходил* и фразеологизм *дуба дал бы*, наречное нечленимое предложение *Лафа!* (*Поезд*) *повез, повез и в Крым привез* – повтор одноосновных глаголов и коннектора – имени собственного – передают изменение места пребывания персонажа. В создании речевой характеристики героя автор широко использует и словообразовательные средства *вокзалишки, нашамался*.

Основная тема, или гипертема, обычно формулируется в виде семантического ввода. Контекст, как правило, сигнализирует о предполагаемых выводах. В исследовании учитывалось, что поскольку пользование языком предполагает внесение говорящим различных знаний, убеждений, то в процессе интерпретации темы могут быть сделаны различные выводы. Для ограничения таких личностных вариаций говорящих используются специальные средства. Прежде всего, это эксплицитное выражение темы текста, которое может быть в его начале, конце или в начале и конце соответствующих эпизодов и абзацев.

Тематические выражения могут иметь различную протяженность от последовательности предложений до отдельных предложений, фраз или слов. Расположение тематических выражений зависит от их семантических функций. В начале фрагмента текста они помогают читателю сформиро-

вать гипотезу относительно темы текста или эпизода, чтобы последующие предложения были интерпретированы по отношению к этой теме. В конце абзаца тематические выражения служат для проверки, припоминания и коррекции уже выведенной читателем темы.

Тематическая прогрессия, как проявление текстовой структуры, является комплексом ключевых слов, которые представляют собой основу построения текста. При этом референция (обозначение предмета речи) является условием для существования кореферентности, которая понимается как референциальное тождество, с помощью которого именные фразы соотносятся с одним и тем же внеязыковым объектом или явлением реальности. Способы кореференции – самые различные.

Кореференция относительно одного объекта:

Портрет в овальной золоченой раме. Очень молодая женщина в черном глухом платье, с чудесными волосами красноватого каштана. На тонком бледном лице большие голубые глаза в радостном блеске: весеннее переливается в них, как новое после грозы небо, тихий восторг просыпающейся женщины. И порыв, и наивно-детское, чего не назовешь словом.
(И. Шмелев)

Кореференция множества объектов:

Птицы у нас везде. В передней чижик, в спальне канарейки, в проходной комнате скворчик, в спальне отца канарейка и черный дроздик, в зале два соловья, в кабинете жавороночек, и даже в кухне у Марьюшки живет на покое, весь лысый, чижик, который пищит – «чулки – чулки – паголенки», когда застучат посудой. В чулане у нас множество всяких клеток с костяными шишечками, от прежних птиц. Отец любит возиться с птичками и зажигать лампадки, когда он дома. (И. Шмелев)

Различительная кореференция относительно отдельных явлений:

Перед обработкой грибы очищают от мусора, отрезают ножки, вырезают места, поврежденные червями. При обрезке лучше пользоваться

ся ножами из **нержавеющей** стали, так как от обычных ножей мякоть чернеет. Наиболее распространенными способами переработки и хранения грибов являются сушка, засолка, **маринование**, изготовление порошков и экстрактов. (И. Шмелев)

Кореференция включения при разграничении отдельных объектов, явлений:

*Да ведь и работать-то приходилось между делом, в **неурочное**, может быть, **время**, после боронования и сеяния, покоса и жнитва, возки снопов и молотбы, пахоты и копания картошки.* (И. Шмелев)

Объединяющая кореференция:

*В базарной, если так можно выразиться, **натуре** сплелись самые разнообразные аспекты и свойства.*

*Есть в ней и вполне понятная заинтересованность земледельца во взаимном обмене, есть и жажда прохвоста из чисто спортивного интереса любым путем **объегорить** кого-нибудь, и не важно кого. Имеется добротная совесть оседлого частника и циничное нахальство кочующего проходимца, нередко представляющего целую торгово-самодельную фирму. Старческое скопидомство одинокого пенсионера и бесшабашие равнодушного к торговле юноши. Мудрая бережливость многосемейной хозяйки и скупость глупой женщины, которая из ложно понимаемой экономии покупает завалящий товар. Все тут есть, в этой натуре.* (В. Белов)

По способу тематической организации различаются тексты с простой темой (линейное развитие темы); с развернутой темой (модификация темы); с расчлененной темой (развитие главной темы перебивается побочными темами).

Примером *линейного* развития темы может служить следующий текст:

Я путешествовал недурно: русский край оригинальности имеет

отпечаток; не то чтоб в деревнях трактиры были – рай, не то чтоб в городах писцы не брали взяток – природа нравится громадностью своей. Такой громадности не встретите нигде вы: пространство широко раскинутых степей лугами здесь зовут; начнутся ли посевы – не ждите им конца! Подобно островам, зеленые леса и серые селенья пестрят равнину их, и любо видеть вам картину сельского движенья... Подобно муравью, трудолюбив мужик: ни грубости их рук, ни лицам загорелых я больше не дивлюсь: я видеть их привык в работах полевых чуть не по суткам целым, не только мужики здесь преданы труду, но даже дети их, беременные бабы – все терпят общую, по их словам «страду». И грустно видеть, как иные бледны и слабы! Я думаю, земель избыток и лесов способствует к труду всегдашней их охоте, но должно б вразумлять корыстных мужиков, что изнурительно излишество в работе. (Н.А. Некрасов)

Тема «русский край» в восприятии графа Гаранского получает последовательное «развертывание» его оригинальности как громадности природы: *пространств степей, лесов; сельского движенья; страды; трудолюбия мужика и избытка земель.*

Текст Н. Сладкова представляет собой модель *развернутой* (модифицированной) темы. Референт текста «соловей» оценивается с точки зрения разных субъектов ситуации:

***Соловей** поет, а вокруг все думают, думают.*

***Сосед-соловей** думает: «Лучше нос к нему не совать, а то выщиплет или в макушку клюнет!»*

***Соловьяха** думает: «Раз поет – значит место для гнезда облюбовал! Слетать посмотреть что ли?»*

***Птицелов** думает: «Хорошо поет, шельмец! Пора западню готовить!»*

***Прохожий** думает: «Вот и еще одна зима позади...»*

А соловей поет и поет.

А все вокруг думают, думают... (Н. Сладков)

Производные слова текста, с одной стороны, являются единицами с определенным лексическим значением («наименование птицы» – *сосед-соловей*; «наименование женской особи этой птицы» – *соловьиха*; «наименование лица, занимающегося ловлей птиц» – *птицелов* и «размышляющего лица»). С другой стороны, это структуры, обладающие также деривационным значением: *сосед-соловей* (приложение, обозначающее особь мужского пола) – *соловьиха* (особь женского рода) – показателям этого смысла является аффикс; *птицелов* – сложное слово, обозначает человека, который ловит птиц, *прохожий* (субстантивная модель). Соответственно языковые данные структуры осуществляют текстовые связи двояко: по линии конкретного лексического значения слова и по линии обобщенного словообразовательного значения.

Разветвленную модель представляет собой, например, текст И. Шмелева, гипертема которого обозначена именем собственным – Христос. Перебивами гипертемы являются представления рассказчика (мальчика) о бессмертии (*Танька, Горкин, Васька, Зола встретятся там*) и о барках и плотах на реке, которым скучно:

Ночь. Смотрю на образ, и все во мне связывается с Христом: иллюминация, свечки, вертящиеся яички, молитвы. Ганька, старичок Горкин, который, пожалуй, умрет скоро...Но он воскреснет! И я когда-то умру, и все. И потом встретимся все...и Васька, который умер зимой от скарлатины, и сапожник Зола, певший с мальчиками про волхвов, все мы встретимся там. И Горкин будет вырезать винограды на пасочках, но какой-то другой, светлый, как беленькие души, которые я видел в поминанье. Стоит Плащаница в церкви одна, горят лампы. Он теперь сошел в ад и всех выводит из огненной реенны. И Это для Него Ганька полез на крест, и отец в кремле лазит на колокольню, и Василь Васильевич, и все наши ребята – все для Него это! Барки брошены на реке, на якорях, там

только по сторожу осталось. И плоты вчера подошли. Скучно им на темной реке одним. Но и с ними Христос, везде... (И. Шмелев)

Итак, языковые средства, в том числе и словообразовательные, выстраивая текст, могут обозначать референт текста по-разному. Тема проявляется на уровне одинаковости (изотопии) (*весеннее – новое – обновление природы*); две или более цепочек семем в различных текстах того же текста связываются через семантическую эквивалентность (*базарная натура – циничное нахальство*), повторяемость (*от-резают, вы-резают*) и/или коннексию между текстами (*старческое скопидомство, бесшабашие юноши, скупость глупой женщины*). Тема может содержать уже знакомую, упомянутую ранее информацию, может быть носителем наименьшей коммуникативной динамики и может представлять собой логический субъект предложения или быть составной частью глубинной структуры текста.

Смысловая связность базируется на семантической референции и кореференции языковых единиц, конституирующих текст, и соответствующих синтаксических (порядок слов, порядок следования предложений), лексических (выбор слов), средствах ее выражения.

Коммуникативная связность находит свое воплощение в организации текстовой перспективы с точки зрения значимости, актуальности выражаемой информации. В тексте обычно что-то изображается или предполагается, что в определенном актуальном контексте выступает как предмет речи, сообщаемое, следовательно, различается то, о чем говорится (тема) и то, что об этом говорится (рема). Тема-рематическое членение высказывания, или *актуальное членение предложения*, во многом основывается на теории о младограмматическом психологизме лингвистики второй половины девятнадцатого века, представителями которого являются А. Вейль, Г. Пауль, В. Вундт, Г. Штайнтал. Свое дальнейшее развитие данная теория получила в работах чешских лингвистов В. Матезиуса, Э. Бенеша, Ф. Да-

неша. В отечественной науке структура тема-рематических цепочек подробно исследована учеными В. Адмони, О.И. Москальской, И.П. Распоповым.

Тема-рематическое членение характеризуется следующими признаками:

- Тема и рема – компоненты актуального членения предложения, высказывания. При этом тема – исходный пункт сообщения, рема – то, что утверждается или спрашивается об исходном пункте сообщения. Тема в большей степени, чем рема, «скрепляет» текст. Рема имеет наибольшую степень коммуникативного динамизма.
- Развертываемость части предшествующего предложения в последующем осуществляется главным образом именем, обладающим денотатом. Однако полнота информации создается динамичным описанием и темы и ремы.
- Основными средствами выражения тема-рематического членения являются перифразы, повторения, номинация, паузы, порядок слов, синтаксический параллелизм и др.

Текст представляет линейную цепочку предложений. Для коммуникативной организации текста характерна относительная коммуникативная завершенность составляющих. Каждое предложение – составляющая текста – имеет тему и ремю и образует новый шаг в развитии коммуникативной прогрессии в тексте.

Структурный уровень связности текста является внешним выражением его смысловой и коммуникативной целостности. Структурная связность выступает в разнообразных разновидностях, которые выделяются на разных основаниях.

Структурная связь может быть *эксплицитной* и *имплицитной*. Эксплицитная связь – связь, обозначенная сигналами связи (союзами, вводными словами и сочетаниями; плавным переходом от темы к реме и т.п.).

Имплицитная связь обнаруживается соположением речевых единиц, их смысловым и позиционным соотношением (без специальных словесных сигналов связи). Например: *Стало душно. И поэтому мы вышли на улицу* (связь эксплицитная – выражена союзом и местоименным наречием). – *Стало душно. Мы вышли на улицу* (причинно-следственная связь только логико-интонационными средствами).

Структурная связь может быть *левосторонней* и *правосторонней*, в зависимости от места расположения сигналов связи в компонентах текста:

1) *Юность – это своего рода дар не уставать, не знать скуки, все воспринимать с воодушевлением. Но дар этот, если его понимать как естественный интерес к жизни, можно с годами и утратить, а можно и умножить* (сигналы левосторонней связи – *но дар этот, его*);

2) *Есть еще одна причина, почему я не вправе молчать. Количество публикаций, в том числе зарубежных, росло. Моя рукопись устаревала, не сходя с письменного стола. И я понял: от меня ждут не информации, а жизнеописания. Тогда я бросился в другую крайность. Начал писать биографический очерк* (там же) (сочетание *есть еще одна причина* указывает на правостороннюю связь; сочетание *бросился в другую крайность* тоже ориентирует на последующее разъяснение – правосторонняя связь).

Таким образом, левосторонняя связь – это указание в тексте на ранее сказанное (анафора); правосторонняя связь – это указание на последующее (катафора).

Уровень структурной связности текста находит свое выражение в функционировании в тексте языковых средств формирования текстовой связности. К этим средствам относятся единицы и категории следующих уровней языковой системы: а) синтаксические; б) морфологические; в) лексические; г) словообразовательные.

По терминологии И.К. Кардовича, все связующие средства подразделяются на 2 группы: соотносящие и зацепляющие [Кардович, 2001: 13].

К соотносящим связям относятся лексические, понятийно близкие, культурологические номинации, а также синтаксическое согласование, управление, примыкание, сочинение, подчинение и соподчинение. Зацепляющие – осуществляющиеся посредством называния логических отношений между смыслами отдельных предложений, и выразителями которых служат союзы, вводные слова, синтаксические частицы и др.

По принципу семантического веса средства связности единиц текста делятся на автосемантические (обладающие самостоятельным номинативным значением) и синсемантические (не обладающие самостоятельным номинативным значением)). Синсемантические средства связи в данном исследовании не рассматриваются.

Различаются *специализированные* и *неспециализированные* (вторичные) средства связи: морфологизированные и неморфологизированные средства связи.

По месту положения одних и тех же средств связей в высказывании – связующие единицы языка называются анафорическими или катафорическими.

По реализации коммуникативной перспективы различаются проспективные, ретроспективные и двунаправленные средства связи. Особо выделяются рефранные, или *сквозные*, проходящие по всему тексту связи.

Важнейшим условием связующей функции языковых единиц также является семантическая сочетаемость слов. В таком случае связность обеспечивается повторяемостью самих слов, семантических компонентов в словах, предложениях, взаимообусловленных друг другом. Языковую последовательность считают семантически связанной, «если в лексических значениях синтаксически связанных слов, предложений имеются повторяющиеся смысловые компоненты» [Апресян, 1995: 14- 15].

Семантическая (смысловая) эквивалентность слов, предложений в тексте реализуется разными модификациями *лексико-семантического по-*

втора, который, по мнению многих ученых, прогнозирует смысловую близость предложений. Лексико-семантический повтор считается в науке основным механизмом связности. В этом аспекте рассматриваются отношения синонимии, антонимии, родо-видовые и некоторые виды ассоциативных отношений.

Особой разновидностью повторяющейся последовательности семантических компонентов слов в составе высказывания, текста является *изотопия*. Под изотопией обычно понимают особую разновидность семной комбинаторики, а именно рекуррентную последовательность семантических компонентов в составе высказывания или текста [Бочкарев, 2008: 78].

Например, лексемы «солнце», «светить» образуют минимальную изотопию «свет». Минимальная изотопия – последовательность двух семем («раскаленная звезда» и «излучать тепло») с идентичным семантическим признаком «огонь». Отношение эквивалентности между разными семемами устанавливается, таким образом, на основе отношения близости или тождества между отдельными их семами. Минимальным контекстом, позволяющим установить изотопию, является синтагма. В целях описания изотопных отношений в данном исследовании принята типология, предложенная Ф. Растье [Rastier, F, 1996: 360].

По форме средства связи неоднородны и подразделяются на группы. Они могут быть словами (глаголы, существительные, союзы, предлоги), сложными словами (сложные союзы, наречия), словосочетаниями (стереотипные высказывания, идиомы), синтаксическими средствами (порядок слов), суперсегментными средствами (интонация, ударение).

Во фрагменте текста В. Распутина: *Кузьма ездит редко и всякий раз чувствует себя в дороге беспокойно, будто он **потерял** все, что у него в жизни было и теперь ищет другое, но неизвестно ещё, **найдет** ли или нет. В этот раз особенно: он знает, что надо ехать, и всё-таки ехать боится!* – четыре семантические линии:

1. *Кузьма (лицо) – ездит – чувствует себя – он потерял – у него – ищет – найдёт – он знает – боится.*

Связь между текстовыми единицами со значением лица и действием, состоянием осуществляется глагольными формами с указанием на лицо мужского рода и возвратным местоимением, местоимением третьего лица в именительном и родительном падежах.

2. *Ездит – время: редко, всякий раз – теперь – в этот раз. Временная связь между единицами текста выражена наречиями, определительными и указательными местоимениями с именем существительным.*

3. *Состояние лица обозначено лексемами: **непокойно** – (будто) **потерял ищет** – (неизвестно) **найдёт ли** – (надо)**ехать** – **ехать боится**.*

4. *Что-то* – неопределенное местоимение, *все* – другое указывают на что-то потерянное.

Важнейшим средством формирования тестовой связности являются единицы и категории словообразовательной системы языка. Так, например, наиболее простой случай осуществления связности в тексте наблюдается в текстовом использовании словообразовательных пар производящее — производное:

*Натурально, я понимал, что около меня целый вагон кишит **фрондёррами**, и только ожидал отвала из Эйдткунена, чтоб увидеть цветение этого **фрондёрства** в самом его разгаре. (М.Е. Салтыков-Щедрин)*

Словообразовательная пара *фрондёр* — *фрондёрство* представляет собой чистую транспозицию смысла от конкретного существительного со значением лица к абстрактному, транспозицию, организующую соединение простых предложений в составе сложного. Аналогично:

*Денег на наше образование **швырялось** с три пропасты, но знаний на эти деньги приобреталось на грош. Люди, которые занимались **швырянием** денег, не имели понятия ни о том, что такое знание, ни о том, для чего оно нужно (М.Е. Салтыков-Щедрин).*

Здесь словообразовательная пара *швырялось (швыряться)* — *швыряние* представляет собою словообразовательное средство выражения эксплицитной связности между предложениями, действующее одновременно с морфологическим, — в данном случае — с соотносительностью формы прошедшего времени других глаголов данного текста: *швырялось - приобреталось - занимались - не имели*.

Все вышеизложенное позволяет поставить вопрос о выделении словообразовательной связности в качестве особого типа в системе языковых средств выражения связности.

1.3. Понятие словообразовательной текстовой связности: словообразовательная последовательность и текстокогерентная словообразовательная матрица

Выделение словообразовательной связности в качестве отдельного вида связности далеко не очевидно, в сравнении с другими, интуитивно ясными и традиционно выделяемыми видами связности, такими, как лексическая или грамматическая (синтаксическая) связность.

Однако теоретическим основанием для такого выделения может послужить **изоморфизм** единиц и уровней языковой системы, благодаря которому единицы словообразования способны выполнять те же функции в формировании связности текста, что и лексемы или синтаксические модели.

Во-первых, словообразование самым непосредственным образом связано с лексическим уровнем, ибо в принципе каждое слово, в том числе производное, является частью словарного состава языка. Если самым яр-

ким и определяющим фактором в развитии лексики является постоянное ее пополнение за счет новых единиц, то словообразование, будучи «совершенно специфическим средством создания новых наименований и важнейшим способом развития и обогащения словарного запаса», может тем самым рассматриваться как одна из ономаσιологических дисциплин и составляет по этой же причине важную часть учения о слове. Образование главных лексико-грамматических разрядов слов происходит, как правило, с опорой на определенные словообразовательные модели и, во всяком случае, при их непременном участии. В связи с этим актуализируется систематизирующая роль словообразования по отношению к лексике языка.

Во-вторых, исключительно органичны связи словообразования с грамматикой. Так, в сфере морфологии слова, содержащие словообразовательные приметы, нередко несут указание на их принадлежность не только к определенному лексическому разряду, но и разряду грамматическому, включая информацию о типе склонения или спряжения, родовой принадлежности, видовой характеристике и т.п. Преобладание внутри определенной части речи словообразовательной модели характерно именно для данной части речи: для имени существительного – сложение основ, для глагола – префиксальная модель, для прилагательного – эксплицитная деривация. В сфере синтаксиса имеется возможность указать на определенное сходство свободного словосочетания и сложного слова (*детский сад* – *детсад*). Кроме того, для словообразовательных моделей по типу конверсии первостепенным фактором является синтаксическое окружение единицы или ее синтаксическая позиция.

Словообразование, занимаясь структурой производного слова, смыкается с морфологией в установлении общих принципов строения слов и формальной классификацией последних, а с синтаксисом в установлении принципов соединения элементов смысла для выражения некоего единого содержания.

Разумеется, необходимо учитывать, что в реальном тексте все средства связи выступают в комплексе, подчиняясь единой коммуникативной и смысловой задаче. Однако в исследовательских целях все же возможно выделять один из видов, чтобы дать его полноценное описание, абстрагируясь от соприсутствия в тексте элементов связности другого вида. При этом мы будем помнить об известной условности выделения какого-либо одного вида связности в комплексе разноуровневых единиц, организующих целостность текста.

Таким образом, наряду с существительными, глаголами, местоимениями, местоименными наречиями, союзами и другими языковыми средствами, в создании структурной связности текста активно участвуют и словообразовательные единицы и категории. Они функционируют как эксплицитные средства создания связности текста, а также выражают имплицитную логическую связь его глубинных пропозиций.

По сравнению с лексическими или синтаксическими, словообразовательные средства даже обладают существенным преимуществом. Связующая функция словообразовательных единиц реализуется не только их лексической семантикой, но и самой структурой лексемы [Степанова, 1966: 48-59]. При этом внешними сигналами, текстообразующими элементами словообразовательной структуры, могут быть либо общая основа ряда слов, либо общие аффиксы или сходные модели образования.

С функциональной точки зрения словообразовательные единицы делятся на участвующие в наименовании предметов деятельности человека или человека как деятеля; в образовании производных вещных наименований, в том числе узуальных, в образовании окказиональных наименований.

Принцип квалификации словообразовательных единиц как номинативно-конструктивных средств позволяет оценить их различные возможности связи при употреблении в тексте. Полнозначная единица языка, в том числе словообразовательная, выполняет а) собственно номинативную

(денотативно-репрезентативную), б) сигнификативную (формирование понятий об именуемом классе предметов), а также функцию определенным образом оформленной единицей речи в соответствии с ее коммуникативным заданием.

Определенные (но не любые) производные слова в тексте связаны *по содержанию*. В предложении: *Будет так же светить светило на запыленный шар земной!* (Н. Рубцов) – лексемы *светить* и *светило* связаны отношением изотопии, то есть отношением эквивалентности на основе тождества семантического компонента «свет», входящего в данные лексемы. В предложении: *Закатился закат.* (Н. Рубцов) – приемом изотопии актуализируется метафорический признак глагольной лексемы. При этом существительное *закат* образовано от глагола *закатиться* бессуффиксальным способом. Точно так же могут быть связаны разнокорневые слова, образованные по одной модели.

Связаны по содержанию могут быть слова, находящиеся в коррелятивных отношениях по виду, например, *смотреть* → *посмотреть*:

*Ты сказала еще: – **Посмотри** на меня!*

***Посмотри** – мол, и мне нелегко.*

*Я ответил, что лучше на звезды **смотреть**,*

*Надоело **смотреть** на тебя!* (Н. Рубцов)

Также в формировании текстовой связности могут участвовать формы слова, находящиеся в отношениях формообразования. В стихотворении В. Федорова в формировании дистантной словообразовательной связности текста участвуют формы краткого и полного прилагательного – в первом случае подчеркиваются переносные значения хрупкости, незащитности, во втором – стойкости:

Мне даже страшно –

*Так **тонка**,*

*Так **высока**,*

Придет гроза

И буря налетит,

Всю до земли согнет

При каждом резком звуке

Дрожит,

И от любого ветерка

Вся гнется

И заламывает руки.

(В. Федоров)

И распластает...

Гром отгремит,

Громада туч истает.

Взгляну в окно:

А тонкая стоит!

Каждая такая связка характеризуется 1) свойственной ей коннотацией (эмотивным содержанием); 2) принадлежностью к определенному функциональному стилю; 3) парадигматическими связями в лексико-семантической системе языка; 4) синтагматическими связями в системе языка (валентностно-дистрибутивными характеристиками по признаку связанности); 5) частотностью. Иными словами, связующую функцию словообразовательных единиц на уровне слова можно определить как схему содержательных, системных и функциональных характеристик.

Основным конститутивным признаком словообразовательной единицы на семантическом уровне выступает *словообразовательное значение*.

Словообразовательное значение. Специфика словообразовательного значения, как и принципы его описания, во многом остаются дискуссионными.

Принято определять словообразовательное значение как значение, возникающее при взаимодействии категориальных значений производных и производящих, причем оно описывается в терминах категориального значения. «Словообразовательное значение, – пишет В.Н. Хохлачева, – значение, обусловленное семантическим (категориальным) взаимодействием единиц, производных и производящих, специфическое для каждого словообразовательного типа, но единое с точки зрения общих принципов своей обусловленности» [Хохлачева, 1969:46].

В том же русле описывает словообразовательное значение П.А. Соболева. В качестве элементарной единицы словообразовательного уровня

П.А. Соболева использует деривационный шаг (отношение производящего и производного), а в плане содержания каждому деривационному шагу соответствует общее словообразовательное значение, которое формулируется в категориальных терминах. Фактически общее словообразовательное значение определяется через отношение категориальных значений, и это позволило П.А. Соболевой исчислить количество таких значений.

Описывая словообразовательную систему с помощью аппликативной грамматики, П.А. Соболева обнаружила невозможность втиснуть в 16 общих словообразовательных значений все богатство и разнообразие семантических отношений производных и производящих и вынуждена была ввести понятие частного словообразовательного значения, в котором реализуется общее словообразовательное значение [Соболева, 1970: 11].

В терминах категориального значения описывает словообразовательное значение Е.С. Кубрякова: «... обобщенные категориальные значения, имеющие специальное выражение, но не являющиеся обязательными, мы и называем словообразовательными значениями» [Кубрякова, 1974: 148]. Определив место словообразовательного значения между индивидуальным лексическим и в высшей степени обобщенным грамматическим, Е.С. Кубрякова отметила его системный, обобщающий характер. Описывая словообразовательные значения, Е.С. Кубрякова замечает, что «...оно подстраивается под грамматическое значение, так как имеет обобщенно-категориальный характер, и выражается в языке деривационными аффиксами» [Кубрякова, 1974: 148].

В.И. Максимов определяет словообразовательное значение следующим образом: «общее значение, придаваемое суффиксом целой группе однотипных слов, следует называть словообразовательным (или деривационным, классифицирующим)» [Максимов, 1975: 25]. Анализируя слова *смелость*, *храбрость*, *решительность*, В.И. Максимов выявляет у них

это общее значение – отвлеченный признак, который объединяет в один разряд все производные и отличает их от производящих прилагательных. Из этого определения следует, что словообразовательное значение выявляется в производных словах, а следовательно, является компонентом семантической структуры слова [Максимов, 1975: 24].

В.В. Лопатин пишет: «Складывая семантику производящей основы с семантикой суффикса -ист-, наблюдаем за семантикой производного слова: *трактор* «машина» + -ист- «лицо» = *тракторист* «лицо, которое водит трактор»; *баян* «музыкальный инструмент» + -ист- «лицо» = *баянист* «лицо, которое играет на баяне».

В семантике производных слов обнаруживаются семантические компоненты, которых не было ни в производящей основе, ни в аффиксе, в толковании производных слов они передаются словами *водит, играет*. Эти компоненты являются специфической принадлежностью производных слов, а так как они взаимодействуют со значением лица, то последнее также свойственно производному слову, оно функционирует и выявляется в производном слове. Разница между дополнительным компонентом и словообразовательным значением в том, что последнее выражается аффиксом, а первое не имеет формальных средств в выражении» [Лопатин, 1977: 12].

Г.О. Винокур определяет словообразовательное значение как «... значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основой» [Винокур, 1959: 425].

Сопоставление значений производных и производящих основ и является собственно лингвистической задачей в изучении значений слов, в этом сопоставлении и определяется значение аффикса, которое принципиально отличается от значений основ: его особенность в том, что оно способно вносить в значение производящей основы ту или иную модифика-

цию, тем самым оно становится компонентом значения производной основы. Развивая эти положения Г.О. Винокура, его последователи внесли в трактовку словообразовательного значения ряд существенных уточнений.

По мнению Е.А. Земской, «словообразовательное значение...является общим для производных данного типа» [Земская, 1981: 184], то есть выявляется не в одном производном и не в группе производных, а в производных, построенных по формуле одного словообразовательного типа.

Вслед за Е.А. Земской М.Я. Гловинская считает собственно словообразовательным значением значение аффикса плюс значение производящей основы. Анализируя слово *нахлебник* «тот, кто живет на чужих хлебах», она выделила в его семантике две части: 1) собственно словообразовательное значение – «тот, кто» (значение *-ник*), «средства к существованию» (значение *хлеб*) и «с помощью» (значение *на-*); 2) фразеологическое наращение – смысл «чужие» и смысл «жить» [Гловинская, 1975: 23]. М.Я. Главинской словообразовательное значение толкуется неоднозначно: под ним понимается то значение аффикса и производящей основы, то только «словообразовательное значение суффикса» [Гловинская, 1975: 34]. Фразеологические наращения появляются только в семантике производного слова, тем не менее они выводятся за пределы словообразовательного значения, а семантика производящей основы в него включается. Фразеологические наращения, видимо, выполняют какую-то связующую функцию между значением производящей основы и значением аффиксов.

В теории И.С. Улуханова словообразовательное значение выявляется в производном слове и закрепляется за аффиксом. Впоследствии И.С. Улуханов пересмотрел соотношение между формантной частью значения и дополнительными семантическими компонентами в сторону большей нагруженности формантной части. Введя понятие вариантных / неинва-

риантных формантов, он выявил специфику каждого из них [Улуханов, 1974: 76].

На основании вышеизложенного материала можно сделать вывод о том, что словообразовательное значение – это переходное явление между лексическим и грамматическим значением, которое формируется обобщенной семантикой производных слов одного словообразовательного типа. Именно особенности словообразовательной семантики слов позволяют единицам словообразования быть полноценными средствами выражения текстовой связности.

В роли словообразовательных единиц, формирующих текстовую связность, участвуют *сегментные единицы словообразования* (основы и аффиксы), *словесные единицы* (структурно равные слову – производные слова) и *комплексные единицы словообразования* (объединяющие целые группы слов).

Сегментные единицы словообразования. *Аффикс* (буквально «прикрепленный») – минимальный строительный элемент языка, присоединенный к корню и служащий для выражения грамматических и/или словообразовательных значений. Аффикс – служебная морфема, которая имеет место не в каждой словоформе (в отличие от корня, без которого слово не существует). «Аффиксальная морфема есть средство передачи отношений производности как в структурном (формальном), так и семантическом аспектах производности. С этой точки зрения она лишена собственных значений, и роль ее заключается в функции, обуславливающей *единство словообразовательного типа...*» [Хохлачева, 1976: 37].

Классификация аффиксов может быть произведена по разным признакам. В числе таких признаков – функция аффикса (слово или формообразующий) и его место по отношению к корню. По последнему признаку аффиксы делятся на префиксы, постфиксы, интерфиксы и инфиксы (находящиеся перед, после, внутри корня и между корнями). Постфиксы (в ука-

занном выше значении) разделяются на суффиксы и постфиксы в узком значении (постфлексийные морфемы). Вместе с тем суффикс обладает более или менее определенным смысловым содержанием, которое может быть вычленено из общего значения производного слова с учетом той роли, которую он играет в выражении существующей в языке словообразовательной семантики. Это утверждение основывается на признании того, что 1) суффикс есть двусторонняя единица языка, обладающая как формой, так и содержанием; 2) особенностью суффиксальной семантики является ее абсолютная связанность, т. е. способность проявляться в языке только в сочетании с другими единицами языка; 3) значение суффикса органично связано с условиями его функционирования.

С точки зрения сферы функционирования суффиксы делятся на 3 большие группы: 1) межкатегориальные суффиксы; 2) внутрикатегориальные суффиксы и 3) суффиксы, функционирующие в одних и тех же значениях как межкатегориально, так и внутрикатегориально (межкатегориально-внутрикатегориальные) [Улуханов, 1974: 62].

Первые (1), функционируя между разными частями речи, способствуют оформлению «новой» грамматической формы слова (переводят мотивирующую единицу в другую часть речи), которая совмещается с сохранением имеющегося в языке вещественного значения (транспозиционные суффиксы) или с созданием нового референтного значения (мутационные суффиксы).

Транспозиционными могут быть прежде всего субстантивные (приглагольные и приадективные) суффиксы (например, *-ниј* – *подтягивание*; *-ость* – *мудрость*), а также глагольные (приадективные) и адъективные (присубстантивные и приглагольные) суффиксы (см. – *е-* : *болеть*, *зеленеть* где-либо; *-н-* : *лесной*; – *л-* : *горелый*); мутационными могут быть в равной мере суффиксы всех частей речи, при полном использовании всего многообразия мотивирующих единиц (*-к-* : *отвёртка*; –

ец- : *мудрец*; – *аст-* : *глазастый*; – *ирова-* : *пилотировать*; – *-и-* : *острить*).

Вторые (2), «сохраняя» общекатегориальный статус (принадлежность к части речи) мотивирующей единицы, создают новое референтное значение (мутационные суффиксы) или лишь видоизменяют вещественное значение или какие-либо лексико-грамматические показатели мотивирующего слова (модификационные суффиксы) [Улуханов, 1974: 64].

Внутрикатегориальными мутационными могут быть только субстантивные суффиксы (*-чик-*: *пулемётчик*), что объясняется самим характером субстантивных значений, которые отражают объективные субстанции, способные через признаки и действия вступать в различного рода взаимные отношения.

Модификационные суффиксы наблюдаются в любой части речи (*-ик-*: *домик*; *еньк-* : *хорошенький*; – *ечко* : *немножечко*; – *ыва-* : *рассказывать*).

«Смешанную» группу (3) составляют лишь субстантивные суффиксы мутационного назначения, создающие предпосылки для лексико-грамматического преобразования исходного слова при меж- и внутрикатегориальном функционировании (напр., суффиксы – *ак-*: *чужак*, *гусак*, *лежак*; – *ач-*: *лихач*, *ткач*, *циркач*; – *ист-*: *пейзажист*, *субъективист*; – *ун-*: *молчун*, *слепун*; – *чик-*: *газетчик*, *ответчик*). Эта группа не является принципиально новой, по сравнению с двумя первыми, так как каждый из ее суффиксов может быть отнесен к первой или второй группе без нарушения основного принципа их выявления. Состоящая из субстантивных суффиксов, она лишь ещё раз (ср. выделение мутационных субстантивных суффиксов во внутрикатегориальной группе) подчёркивает специфику субстантивного словообразования.

Суффиксальная морфема, являясь средством производности как в структурном, так и в семантическом аспектах, есть средство передачи от-

ношений существующей в тексте словообразовательной семантики. Суффикс обладает более или менее определенным смысловым содержанием, которое вычленяется в нашем исследовании на признании 1) суффикса двусторонней единицей языка, обладающей как формой, так и содержанием; 2) абсолютной связанности суффиксальной семантики, проявляющейся в сочетании с другими единицами языка и 3) органической связи значения суффикса с условиями его функционирования.

Приставка, как и слово, – значимая единица языка. Приставки по происхождению связаны с предлогами и далее – со знаменательными словами наречного типа. Длительная история многих префиксов обусловила развитие их семантики, появление производных значений и «разветвленность» семантической структуры приставки. В силу этого каждая приставка имеет семантическое устройство, включающее серию денотативных и коннотативных сем и предполагающее возможность компонентного анализа. Многообразие своих значений приставка выявляет в соединении с разными корнями.

Приставки, в отличие от флексий являются словообразовательными морфемами. С их помощью образуются новые слова разных частей речи (существительные, прилагательные, наречия), но особенно характерно префиксальное словообразование для глаголов.

В целом отметим, что употребление сегментных словообразовательных единиц в тексте порождает эффект ожидания, продолжения коммуникации в форме определенных элементов, осуществляющих тематическую и семантическую цепочку.

Словообразовательные единицы, структурно равные слову. К таким единицам относится **производное слово**. В концепции В.Н. Немченко, синхронически производное слово – это слово, выводимое семантически и структурно из исходного слова, которое осознается как база для формирования слова производного и его значения, что отличает его от диахрониче-

ски производного слова, т.е. слова, которое так или иначе реально порождено на базе другого слова в истории языка. Взаимоотношение основных элементов производного слова составляет его словообразовательную структуру, которая представляет собой отношение между основными элементами производного слова: производящей базой (основой) и словообразовательным формантом. В словообразовательную структуру входит также способ соединения основы и форманта. Другая сторона производного слова как единицы словообразования – его словообразовательное значение [Немченко, 1984].

Иными словами, производное слово – это прежде всего слово мотивированное. Так как понятие мотивированности знака в словообразовании отнюдь не тождественно представлениям о полной мотивированности и полной выводимости значений производного знака из значений его составляющих, определение отношений между производными словами, между отсылочной и формирующей частями зависят от разных факторов. В целях нашего исследования важно учитывать несводимость семантики производного слова к семантике ее составных частей.

Рассматривая производное слово в качестве составной части средств словообразовательной текстовой связности, мы делаем акцент на принципах восприятия производных слов и на тех выводах и умозаключениях, которые совершает говорящий при определении реальных значений производного слова, а также на влиянии самого производного слова на его ближайшее окружение. Членимость производного слова при этом понимается как способность говорящего установить вклад отдельных компонентов структуры слова в их содержание, а соотносительность – как особое свойство формы сигнализировать о своем содержании в соответствии с принятыми в языке правилами сочетания в одно целое [Кубрякова, 1981: 48].

Комплексные единицы словообразования. В формировании текстовой словообразовательной связности участвуют и комплексные единицы

словообразования, представляющие собой классы слов, сходных по значимому словообразовательному признаку.

Простейшая из комплексных единиц — словообразовательная пара: соотношение производной и производящей основ (*белый* — *белить*, *регулировать* — *регулировщик*, *пионер* — *пионерка*, *чернила* — *чернильница*, *писать* — *переписать*, *красавица* — *раскрасавица* и т. п.).

Комплексные единицы системы словообразования формируются противопоставлениями разного рода: соотношением однокоренных слов и соотношением слов, имеющих разные корни, но одно и то же словообразовательное строение. В связи с этим можно выделить однокорневые и разнокорневые (одномодельные) комплексные единицы словообразования [Немченко, 1984].

К однокорневым единицам относятся: словообразовательная пара, словообразовательная цепочка, словообразовательная парадигма и словообразовательное гнездо.

К разнокорневым (одномодельным) единицам относятся: словообразовательный тип, словообразовательная категория; словообразовательный ряд, словообразовательный разряд, словообразовательный класс.

I. Однокорневые единицы словообразования

2.1. Словообразовательная цепочка. Рассмотрим ряд однокоренных слов: *учи(ть)* — *учи-тель* — *учи-тель-ниц(а)*; *бел(ый)* — *бел-(ить)* — *побели(ть)* — *побел-к(а)* — *побелоч-н(ый)*; *готов(ый)* — *готов-и(ть)* — *заготов(ить)* — *заготов-к(а)* — *заготов-щик* — *заготовицк(ий)*. Эти ряды производных выстроены так, что каждая предыдущая единица является непосредственно производящей для последующей: глагол *учить* служит производящим для существительного *учитель*; от имени существительного *учитель* произведено имя лица женского пола — *учительница*. Совокупность производных, упорядоченная так, что каждая предыдущая единица является непосредственно производящей для последующей, называется

словообразовательной цепью (или цепочкой). Словообразовательная цепочка отражает ступенчатый характер русского словообразования: расстояние между членами словообразовательной цепи измеряется одним словообразовательным шагом. Она демонстрирует синтагматические отношения между однокоренными словами. Слова в цепочке связаны отношениями последовательной производности.

Конкретные словообразовательные цепочки образуют типовую цепочку. Ее составляют словообразовательные цепочки с одинаковым набором словообразовательных типов, занимающие одинаковые словообразовательные позиции. Например: *летать – налетать – налет*; *катать – накатать – накат*; *плавать – наплавать – наплав* и т.д. «Воспроизводимость таких структур в планах содержания и выражения, их повторяемость позволяет считать их самостоятельными, отдельными единицами в иерархической организации словообразования» [Тихонов, 1982: 18].

В разделе «Словообразование» «Русской грамматики» (1980) содержатся наблюдения над семантикой словообразовательных цепочек. Отмечается, в частности, что «слово второй, третьей и т.д. ступеней мотивированности может мотивироваться не только ближайшим из предшествующих ему слов цепочки, но и другими предшествующими словами» [Русская грамматика, 1980: 133].

О.П. Ермакова считает, что последовательное возрастание структурной сложности производных от начала к концу цепочки не всегда влечет за собой такое же возрастание смысловой сложности. Оно наблюдается только в цепочках, в которых отсутствуют синтаксические дериваты. Например: *плавать – поплавать – поплавок – поплавочный*. Наличие в цепи синтаксических дериватов ограничивает это возрастание, сдерживает его [Ермакова, 1982: 39-41].

И.А. Ширшов характеризует словообразовательные цепочки по следующим признакам: количество компонентов, лексико – грамматическая

отнесенность исходного слова и конечного звена цепочки, последовательное присоединение аффиксов или чересступенчатое, одна мотивация у конечного (или неконечного) звена или более [Ширшов, 1979: 91-95].

Словообразовательная цепочка в свою очередь входит в структуру более крупной единицы системы словообразования – словообразовательного гнезда.

2.2. Словообразовательная парадигма. Между однокоренными словами существуют не только отношения последовательной производности, но и отношения совместной производности (кодеривации). Иными словами, такие отношения можно назвать радиальными – от одного производящего образуются пучки производных: *снег – снеж-ок; снеж-н(ый); снежинк(а)*.

Совокупность производных, имеющих одну и ту же производящую основу и находящихся на одной ступени словопроизводства, называют словообразовательной парадигмой [Немченко, 1984]. Применение этого термина аналогично применению термина «морфологическая парадигма». Его введение способствует установлению изоморфизма между словообразованием и морфологией. Подобно тому, как словоформы склонения и спряжения образуют морфологические парадигмы, совокупность производных от одного и того же слова образует его словообразовательную парадигму.

Понятие словообразовательная парадигма – молодое в теории синхронного словообразования. Возникновение его связано с поисками изоморфизма между строением разных систем языка, стремлением выявить парадигматические отношения между единицами словообразования. Подобно морфологическим парадигмам словообразовательные парадигмы имеют постоянный член (производящая база) и переменные члены (деривационные аффиксы). В отличие от морфологических парадигм, которые объединяют словоформы одного слова, словообразовательные парадигмы

объединяют разные слова, в том числе слова разных частей речи, и не включают слово, служащее производящим для членов парадигмы.

Итак, словообразовательная парадигма — это класс однокоренных дериватов, находящихся в словообразовательном гнезде на одной и той же ступени производности и связанных между собой отношениями совместной производности, т. е. мотивированных одним и тем же производящим. Так, в словообразовательном гнезде с вершиной *здоровый* представлены следующие парадигмы: *здоровенький, здоровенный, нездоровый, выздороветь, оздоровить, здоровье* — дериваты I ступени производности, образованные от одного и того же производящего (в данном случае — непосредственно от вершины гнезда); *оздоравливать, оздоровление* — дериваты II ступени производности (образованы от глагола *оздоровить*); *выздоровление, выздоравливать* — дериваты III ступени производности (образованы от глагола *выздороветь*).

В русском языке словообразовательные парадигмы бывают разветвленными и могут насчитывать более 10 членов. Словообразовательные парадигмы распадаются на блоки, включающие производные одной части речи: субстантивный, глагольный, адъективный, наречный. В парадигме слов разных частей речи имеются черты сходства и различия. Наибольшее сходство наблюдается в парадигме слов, относящихся к одной части речи и к одной лексико-семантической группе.

2.3. Словообразовательное гнездо. Словообразовательное гнездо — это комплексная единица словообразовательной системы, представляющая собой упорядоченную совокупность всех однокоренных дериватов, связанных отношениями непосредственной или опосредованной производности с одним непроемным (базовым) словом, которое называется вершиной данного гнезда. Элементами словообразовательного гнезда, кроме его вершины, являются также словообразовательная цепочка и словообразовательная парадигма.

Поскольку словообразовательное гнездо представляет собой объединение однокорневых слов, корень является материальным выразителем того общего смыслового элемента (лексико-семантического варианта), который объединяет слова в словообразовательном гнезде [Тихонов, 1987: 6]. Например: *ходить, хаживать, хождение, ходка, ход, ходьба, ходимость, ходак, ходатай, ходок, ходень, ходилки, ходули, ходун, ходящий, ходкий* и т.д.

Гнездо однокорневых слов выступает как единица морфологической системы языка. В этом случае рассматривается «взаимодействие частей речи на уровне гнезд». В гнезде в качестве базовой морфологической единицы выступает слово, которое обладая определенными частеречными свойствами, не только является элементом морфологической системы, но и активно участвует в формировании комплексных единиц морфологии, представленных в гнезде, – частеречных пар, цепочек, парадигм, которые имеют свою частеречную структуру [Тихонов, 1987: 6-8].

В словообразовательном гнезде фактически сосредоточена вся информация о законах сложения смыслов, взаимодействия значений в процессе порождения производных слов [Ким, 1987:76].

А.И. Моисеев типизирует словообразовательные гнезда по разным основаниям. Во-первых, он рассматривает словообразовательные гнезда с точки зрения их объема. «Объемная типология должна выявить минимальный и максимальный состав гнезд и количественное соотношение гнезд разных составов» [Моисеев, 1987:32]. Для минимального состава исследователь определяет два слова: исходное, корневое производящее и его производное, но категорически он на этом настаивает, так как «можно признать и однословные, подобно тому, как в математике признаются одночленные (и даже пустые) множества» [Моисеев, 1987: 32].

А.И. Моисеев выделяет следующие структурные типы словообразовательного гнезда: 1) потенциальные гнезда (гнездо – слово): «корневые

одинокими словами, не ставшие производящими», например: *авеню, веко, виола* и т.п. ; 2) элементарные гнезда (гнездо – пара слов): *алыча – алычовый, гавань – гаванский* и др.; 3) линейные, или цепочечные гнезда (гнездо – цепочка слов): *арфа – арфист – арфистка*; 4) веерные гнезда (гнездо – веер, или пучок слов): *баян – баянист, баянный* и т.п.; 5) полный (комбинированный) тип (более 20 слов), имеющий многочисленные структурные разновидности [Моисеев, 1987:33].

Границы гнезда подвижны. Гнезда могут пополняться новыми словами, причем за сравнительно короткий промежуток времени (десятилетия) в него могут войти десятки и даже сотни новообразований (см., например, гнездо «электричество») [Тихонов,1990: 36].

II. Разнокорневые (однодельные) единицы

1.1. Словообразовательный тип. Под словообразовательным типом понимается класс дериватов, принадлежащих к одной части речи и характеризующихся одинаковыми словообразовательными свойствами: а) производностью от слов одной части речи; б) одинаковым словообразовательным формантом; в) общим способом словообразования; г) тождественным словообразовательным значением; д) одним и тем же средством выражения словообразовательного значения – дериватором.

Например, к одному и тому же словообразовательному типу относятся отсубстантивные существительные *лесник* и *печник*: они образованы в рамках номинативного словообразования от одной части речи (существительного) одним и тем же способом (суффиксацией), при этом имеют одинаковое словообразовательное значение «лицо, характеризующееся по отношению к предмету, названному производящей основой», которое выражено одним и тем же суффиксом *-ник*. К этому типу не относятся, например, дериваты: *работник* (существительное образовано не от существительного, а от глагола), *аптекарь, киоскёр* (словообразовательное значение выражено другими суффиксами: *-ар', -ор*).

Кроме того, при общей характеристике того или иного словообразовательного типа учитываются транспозиционный / нетранспозиционный вид отношений между дериватом и производящим, а также продуктивность / непродуктивность типа.

Транспозиционность / нетранспозиционность типа связана с частеречной принадлежностью производящего и производного слов. Для транспозиционных словообразовательных типов характерна отнесенность производного и производящего слов к разным частям речи (*петь* (гл.) – *певец* (сущ.); *белый* (прил.) – *белеть* (гл.)). Если члены словообразовательной пары принадлежат к одной части речи, то имеет место нетранспозиционный словообразовательный тип (*петь* – *спеть*; *белый* – *беленький*).

Транспозиционный или нетранспозиционный характер словообразовательного типа связан с видом словообразования. Для номинативного словообразования характерны как транспозиционные типы (*петь* – *певучий*; *учить* – *учитель*), так и нетранспозиционные (*петь* – *спеть*; *учитель* – *учительница*). Все типы конструктивного (синтаксического) словообразования являются транспозиционными (*петь* – *пение*; *белый* – *белеть*). Экспрессивное и стилистическое словообразование представлено нетранспозиционными типами (*старуха* – *старушенция*; *табурет* – *табуретка*). При компрессивном словообразовании, когда производящим является комплекс основ, обычно принадлежащих к различным частям речи (*МХАТ* – *Московский Художественный академический театр*), разграничение транспозиционных и нетранспозиционных типов лишено смысла.

Продуктивность / непродуктивность словообразовательного типа выражается в том, может ли он пополняться новыми дериватами. Продуктивны, например, типы отадъективных прилагательных с суффиксом *-ск-/-еск-* (ср. неологизмы: *аэрофлотский*, *биоакустический*, *индуистский*) или с префиксом *анти-* (*антиколониальный*, *антипатриотический*, *античеловеческий*). Непродуктивные словообразовательные типы представлены за-

крытыми списками дериватов: они не пополняются новыми словами. К числу непродуктивных словообразовательных типов относятся, например, типы собирательных существительных с суффиксом *-няк* (*дубняк, ивняк*), отсубстантивных прилагательных с суффиксом *-ав-* (*кровавый, дырявый*).

Для словообразования характерно выделение разных семантических разновидностей одного и того же словообразовательного типа, или разных словообразовательных семантических образцов. Это выделение основывается на вариантах одного и того же словообразовательного значения. Так, отсубстантивные существительные *секретарша* и *генеральша* относятся к одному и тому же словообразовательному типу, но к разным семантическим разновидностям, поскольку суффикс *-ш-* в *секретарша* обозначает просто женскость («женщина – секретарь»), а в слове *генеральша* указывает на определенные родственные отношения (не «женщина-генерал», а «жена генерала»). К разным семантическим разновидностям словообразовательного типа отглагольных существительных относятся также дериваты типа *читатель, выключатель* (обозначающие «лицо или же предмет в его отношении к действию, названному производящей основой»).

1.2. Словообразовательная категория. Словообразовательная категория – единица более абстрактная и сложная, чем словообразовательный тип; она формируется совокупностью словообразовательных типов, объединяемых общностью деривационного значения в отвлечении от формальных средств выражения данного значения. Например, значение «признак в отвлечении от носителя» может быть выражено с помощью суффиксов *-ость* (*фиолетовость*), *-изн(а)* (*белизна*), *-от(а)* (*чернота*), *-ев/-св(а)* (*синева*); значение «самка животного» может быть выражено с помощью суффиксов *-их(а)* и *-иц(а)*; значение «свойственный, относящийся к ..» – прилагательными с суффиксами *-ов-, -ни-, -j-* (*слоновй, тигринй, волчий*) [Немченко, 1984].

Словообразовательная категория выделяется на основании единства

деривационного значения, в то время как средства выражения этого значения могут быть различными. В качестве примера словообразовательной категории можно привести категорию имен существительных, обладающих значением «производитель действия, названного производящей основой», образуемых разными суффиксами от основ глагола. В эту категорию входят существительные с суффиксами *-тель*: *отправи-тель, получа-тель*; *-ец*: *бор-ец, твор-ец*; *-ун*: *бег-ун, крик-ун*; *-щик*: *нормиров-щик, сортиров-щик* и т. п.

Словообразование каждой части речи целесообразно описывать исходя из того, какие словообразовательные категории в ней действуют в пределах одного и разных способов словообразования. Примером словообразовательной категории является совокупность словообразовательных типов, объединяющая все формально различные дериваты с одним и тем же деривационным значением «лицо, характеризующее по его отношению к предмету, названному производящим» (*автомобилист, пулемётчик, табунщик, фабрикант, гусяр, аптекарь, киоскёр*).

Перечислим некоторые словообразовательные категории современного русского языка (более детально соответствующие группировки дериватов рассмотрены в работах Е. А. Земской, В.В. Лопатина, Р. С. Мануچارяна, И. С. Улуханова и др.).

1. Категория отсубстантивных существительных с модификационным словообразовательным значением «увеличительность» (указание на значительное превышение по сравнению с нормой одного из существенных параметров предмета, названного производящим): префиксальные существительные типа *сверхчеловек, супертанкер*; суффиксальные дериваты типа *домина, лапища, человечище*.

2. Категория отсубстантивных существительных с модификационным словообразовательным значением «уменьшительность» (указание на реализацию одного из параметров предмета, названного производящим, в

незначительной степени, ниже нормы) включает только суффиксальные дериваты типа *городок, садик, костюмчик, шубка, гнёздышко, болотце, часики*.

3. Категория отадъективных существительных с мутационным словообразовательным значением «предмет или лицо – носитель признака, названного производящим»: суффиксальные существительные типа *старик, хищник, парусник, мудрец, бедняк, синяк, крепьш, документалист, вчёрка* (разг. вечерняя газета), *неженка, раскладушка, жадина, тупица, симпатия, дорогуша, грязнуля*; субстантиваты типа *будущее, производное, производящее*.

4. Категория отадъективных прилагательных с модификационным словообразовательным значением «очень высокая степень проявления признака»: *препротивный, наиважней*; книжн. *архиопасный*; разг. *развесёлый, хитрющий, толстенный*; *полнёхонький, новёшенький*; *умный-умный, красивый-прекрасивый, читаный-перечитаный*.

5. Категория отсубстантивных прилагательных с мутационным словообразовательным значением «обладающий свойством, характерным для предмета, названного производящим»: *трубчатый, крючковатый, сиротливый, серебристый, золотой; шаровидный*.

6. Категория отглагольных глаголов с модификационным словообразовательным значением «довести действие до чрезмерного результата»: *пережарить, перезаниматься*.

7. Категория отглагольных глаголов с модификационным словообразовательным значением «не довести действие до результата или нормы» (значение неполноты действия): *недоделать, недобежать*.

8. Категория отсубстантивных глаголов с мутационным словообразовательным значением «совершать действие с помощью предмета, названного производящим»: *боронить, бом бить, шприцевать, разг. прикнопить* и др.

1.3. Словообразовательный ряд. Словообразовательный ряд в лингвистике трактуется по-разному. Имеется так называемое «формальное» понимание словообразовательного ряда, согласно которому словообразовательный ряд – это совокупность звеньев, формально и семантически соотносящихся со своими производящими и образующих на этом основании определенную последовательность, а наличие одного из производных такого ряда, делает возможным появление других производных [Катагощина, 2006: 72]. Выделяются следующие типы словообразовательных рядов: «двузвенные и многозвенные словообразовательные ряды, которые, в свою очередь, включают веерообразные, последовательные и смешанные словообразовательные ряды» [Катагощина 2006: 72]. Данная типология словообразовательных рядов отражает: а) количественную характеристику ряда (двузвенные, многозвенные); б) последовательность построения производных – звеньев многозвенных словообразовательных рядов: веерообразные, последовательные и смешанные словообразовательные ряды.

Двузвенный словообразовательный ряд – ряд, включающий в свой состав два звена: лексическую единицу, выступившую в качестве производящей основы, и производное, от нее образованное. Например, производящее слово *амбразура*: *амбразур* (а) → *амбразур* + *н* + *ый*. Производящая основа является по своей категориальной принадлежности номинативной и дает адъективное производное с помощью суффиксального форманта -н-. Слово «амбразурный» имеет заимствованную производящую основу. Многозвенный словообразовательный ряд – ряд, включающий в себя более двух звеньев [Катагощина 2006: 72].

Веерообразные словообразовательные ряды – «ряды, связанные общностью производящей основы и семантической общностью» [Катагощина 2006: 92]. Последовательные словообразовательные ряды – ряды с усложняющейся производящей основой, у которых «каждое производное, в свою очередь, становится производящей основой» [Катагощина 2006:

92]. Смешанные словообразовательные ряды – ряды, одни звенья которых связаны структурно и семантически с первым звеном словообразовательного ряда, другие же звенья, являясь производными, выступают в качестве производящей основы для последующих.

Нетрудно видеть, что так понимаемый словообразовательный ряд смешивает воедино разные типы структурных и семантических отношений между словами.

В нашей работе принята трактовка В.Н. Немченко, согласно которой, если в основу объединения кладется формант и способ словообразования без учета общности значения, то слова разных словообразовательных типов объединяются в словообразовательный ряд: все существительные от существительного с помощью суффикса *-ист*, все префиксально-суффиксальные прилагательные с *без-* и *-н-* от существительного и пр.

1.4. Словообразовательный разряд. Словообразовательные ряды объединяются в словообразовательные разряды – все слова данной части речи, образованные одним способом словообразования: суффиксальные существительные, префиксальные прилагательные [Немченко, 1984].

Словообразовательный разряд охватывает «всю совокупность семантически однородных словообразовательных типов, т.е. ряд словообразовательных типов, родственных лексико-семантической единством». Например, «все словообразовательные типы, которые означают названия места, о соединяются в словообразовательный разряд названий места, совокупность всех словообразовательных типов для определения орудия действия представляет собой словообразовательный разряд названий орудия действия, сумма всех словообразовательных типов, означающие исполнителей действия, образует словообразовательный разряд названий деятелей, все словообразовательные типы, означающие названия лиц по их внешним признакам или их внутренними качествами, группируются в словообразовательные разряде атрибутивных названий» [Ковалик, 1958: 10-11].

1.5. Словообразовательный класс. Самые общие образования, выделяемые по общности значения (категория) и по общности способа образования (разряды) на более высоком уровне обобщаются в единую единицу – словообразовательный класс. Это предельно общая единица словообразования, объединяющая все производные слова данной части речи: класс производных существительных, производных прилагательных и пр. [Немченко 1984].

Понятие словообразовательной последовательности. Охарактеризованные выше единицы словообразования выделяются в системе языка, в отрыве от их речевой реализации. В реальном же тексте мы встречаем разнообразные комбинации словообразовательных единиц языка, которые участвуют в формировании текстовой связности. Так, наш материал показывает, что в одном фрагменте текста могут, например, соседствовать элементы цепочки и парадигмы, словообразовательного типа и словообразовательной категории, единицы однокорневые комбинируются с разнокорневыми, также могут сочетаться рефлексы слово- и формообразования (наряду с самостоятельными производными словами в формировании текстовой связности могут участвовать и разные формы слов).

Поэтому у нас возникла необходимость в введении нового, интегрирующего термина, который позволил бы объединить разноплановые в структурном и семантическом отношении единицы словообразования, которые совместно участвуют в формировании текстовой связности в том или ином фрагменте текста. Мы предлагаем именовать такие единицы *словообразовательная последовательность*, которая включает в себя элементы разных в структурном или семантическом отношении словообразовательных единиц, объединенных по принципу участия в формировании текстовой связности (независимо от того, компонентами каких именно словообразовательных единиц они выступают). Единицы словообразовательной последовательности могут характеризоваться как формальной связью

элементов, входящих в их состав, так и семантико-словообразовательной связью между ними.

Словообразовательные последовательности могут быть **однокорневыми**, если включают в себя элементы однокорневых комплексных единиц словообразования: *Синеватый рассвет белеет. Снежное кружево деревьев легко, как воздух. **Плавает** гул церковный, и в этом морозном гуле шаром **всплывает** солнце. Пламенное оно, густое, больше обыкновенного: солнце на Рождество. **Выплывает** огнем за садом* (И. Шмелев).

В данном фрагменте словообразовательная последовательность реализована элементом словообразовательной парадигмы: *плавает – всплывает* (солнце) – *выплывает* (за садом). Она представляет последовательное развитие ситуации: *плавает* (гул) – «актуально-длительное действие»; *всплывает* – «действие, направленное вверх»; *выплывает* – «действие, распространяющееся в пространстве из какого-то источника».

В следующем фрагменте: *Иней зарозовел; розово зачернелись галочки, проснулись; брызнуло розоватой пылью, березы позлатились, и огненно-золотые пятна пали на белый снег.* (И. Шмелев) – в словообразовательную последовательность объединены элементы словообразовательного гнезда с центром *розовый*: Внутритекстовая связность реализует последовательное разворачивание образа: в первом случае начало такого действия, (розоветь – «приобретать признак чего-то»), во втором – «дополнительность признака», в третьем – «неполнота признака».

Словообразовательные последовательности могут быть **разнокорневыми**, если в организации текстовой связности выступают разнокорневые (одномодельные) комплексные единицы словообразования:

Безлошадники не могли вывести чистокровного орловского рысака, которым мы и теперь продолжаем гордиться, за которого и теперь получаем за границей чистое золото. Или владимирских битюгов. Безовечники не могли бы создать чистую породу романовской овцы. Безкоровни-

ки не могли бы создать сорта русского масла и вологодского масла, которыми бесконкурентно был завален мировой рынок. (В. Солоухин).

В этом фрагменте словообразовательная последовательность формируется элементами словообразовательного типа: производные слова образованы аффиксами «без» со значением «не имеющие» и «ник» – со значением «лица».

Текстокогерентная словообразовательная матрица. Словообразовательные последовательности разных типов могут объединяться в тексте в роли комплексного средства словообразовательной текстовой связности в пределах одного фрагмента.

Так, в тексте Ю. Бондарева выделенные пары производных слов, являясь связующими компонентами фрагмента текста, передают сопоставительно-оценочное значение понятий «предметности» (*постыдное, бездуховность*), «признаковости» (*постыдна, духовной (жажды)*); наличия и отсутствия понимания «прекрасного» и самого себя:

*В отсутствии эстетической подготовки ничего **постыдного** нет. **Постыдно** презрительная самонадеянность, нежелание преодолеть свое непонимание музыки, живописи, поэтического слова. Совершенно наивное невежество не страдает от своей **бездуховности**. И напротив: чем больше знает человек, чем больше развито его «шестое чувство» – чувство прекрасного, тем больше томит его **духовная жажда**. Но тем наполненнее, содержательнее его жизнь: от любви до высочайшего понимания, кто он и что он на этой Земле.* (Ю. Бондарев).

Здесь мы можем видеть объединение производных слов в две однокорневые последовательности (*постыдного — постыдно* и *духовная — бездуховность*). Таким образом, снова перед нами встает необходимость во введении обобщающего термина, который уточняет суть функционирования разнотипных словообразовательных единиц как связующих элементов в единстве их разнообразных внутритекстовых связей и отношений.

В отечественной и зарубежной лингвистике опыт создания подобного объединяющего термина связан с введением в научный обиход понятия «сетка / сеть». Определяя «семантические группировки слов в тексте» Х. Вайнрих одним из первых употребил термин «сетка». Им упоминаются словарные сетки пространства, времени, смысла, в которые включены не только лексемы, но и морфемы, осуществляющие «вспомогательную» функцию [Вайнрих, 1993: 51]. Однако, термин «сетка» он часто заменяет на слова «ряд», «изотопия», что свидетельствует о синонимичном с точки зрения автора значении данных терминов.

Понятие «текстовая сетка», под которым понимается «реализация функционально-семантического поля в конкретном тексте», разработано Л.А. Ноздриной. По ее мнению, текстовая сетка «представляет собой совокупность существующих в данном языке средств выражения некоторого семантического содержания» и включает в себя лишь те языковые средства, которые содержит данный конкретный текст [Ноздрина, 1997: 47]. Автором анализируются параметры текстовой сетки, представляется классификация сеток, описываются языковые средства текстовых актуализаторов (темпоральных, локальных, персональных, референтных и модальных структур текста).

Особый тип текстовой сетки – лексико-тематический, а также ассоциативные связи единиц, ее формирующих, – изучен Е.И. Ивановой. Исследователем принимается во внимание лишь смысловая целостность текста. На основе объединения по тематическому признаку лексических единиц в структурное единство – лексико-тематическую сетку – «может быть выявлен смысл текста, т.к. смысловая целостность текста заключается в единстве его темы» [Иванова, 2000: 5].

Новый термин «текстокогерентная словообразовательная сетка» был введен в исследовании О.А. Орловой для обозначения модели словообразовательного аспекта общетекстовой целостности. По её мнению «тексто-

когерентная словообразовательная сетка является не простой суммой всех словообразовательных цепочек текста, а качественно новым образованием, обладающим определенными свойствами и выполняющим конкретные функции» [Орлова, 2002: 133].

На наш взгляд, понятие «сеть / сетка» недостаточно корректно освещает суть возникающих в тексте текстокогерентных отношений между словообразовательными единицами, так как покрывает только один тип словообразовательных последовательностей – однокорневые. Нам же необходимо понятие, которое свяжет воедино «вертикальный» (одномодельный) и горизонтальный (однокорневой) ряды словообразовательных единиц, а также объединяет разные словообразовательные последовательности в роли текстовой связности в пределах одного фрагмента текста. В качестве такого термина мы предлагаем термин *текстокогерентная словообразовательная матрица*.

Матрица – многозначный термин, используемый как в науке, так и в технике. По определению Большого Энциклопедического словаря, матрица – в математике – математический объект, записываемый в виде прямоугольной таблицы чисел (или элементов кольца) и допускающий алгебраические операции (сложение, вычитание, умножение и др.) между ним и другими подобными объектами [Академик.ру: БЭС 2000]. В словаре русских синонимов матрица объясняется как сетка, (многомерная) таблица [Академик.ру: Словарь русских синонимов]. В словаре бизнес-терминов матрица характеризуется как пространственная совокупность числовых значений, расположенных в узлах условной решетки [Академик.ру: Словарь бизнес-терминов].

С философской точки зрения матрица – это система, которая представлена в уме каждого человека набором шаблонов. Они образуются путем информации – через воспитание, обучение, СМИ. Матрица – абстрактна, и она не существует без людей, и контролируют её сами же лю-

ди, подключенные к ней. Этот процесс уже полностью автоматизирован. Человек, подключенный к матрице (почти все люди), имеет ограниченное линейное мышление, построенное на причинно-следственной модели, и такое мышление делает диапазон восприятия людей очень узким. Никакой человек не создает новую информацию в причинно-следственном мышлении, он лишь меняет ее. Размышляя, он анализирует уже имеющуюся информацию. В результате мнение – лишь результат обработки информации. Шаблоны матрицы записываются на «зеркало», которое есть у каждого рожденного человека. [Четырехмерная математика и ее применение: <http://www.winglion.ru/physics/matrix.htm>]

В лингвистической науке, в частности в сфере словообразования, предпринимались попытки использовать термин «матрица»: так, Е.А. Земская, указывая на системный характер словообразовательной парадигмы и то, что, между отдельными её членами существуют отношения взаимозависимости, объясняет словообразовательную парадигму «матрицей, заполнение клеток которой воплощает действие механизма словообразования» [Земская, 2005: 17].

В работе М.Ю. Казак о дифференциации частей речи на примарные (непроизводные) и вторичные (производные), которая осуществляется в классификационной сетке словообразовательных гнезд, выражается мнение о том, что «наложение на частеречную иерархию словообразовательного критерия дает матрицу словообразовательных гнезд, и, напротив, при наложении гнезд на систему частей речи происходит распределение знаменательных классов по принципу первичности/вторичности. Совмещение двух языковых матриц организует знаменательные части речи в два иерархических круга: предметных и признаковых слов, а в пределах каждого из классов – разделение слов на первичные/вторичные [Казак, 2004: 25].

Текстокогерентная словообразовательная матрица является не просто совокупностью всех словообразовательных единиц текста – она высту-

пает как система, обладающая только ей присущими свойствами и выполняющая определенные функции. Составляющими данной матрицы являются языковые единицы **одного уровня** – словообразовательного, участвующие в организации семантической, коммуникативной и структурной текстовой связности. С точки зрения функционирования словообразовательных единиц в тексте текстокогерентная словообразовательная матрица объединяет разные словообразовательные последовательности в пределах данного фрагмента текста или целого текста и, соответственно, актуализирует три уровня словообразовательной связности: горизонтальный, вертикальный и интегрирующий компоненты словообразовательных связей.

Горизонтальный компонент представляет собой текстовые связи **внутри** словообразовательных последовательностей. Его роль в коммуникативной и тематической организации текста значительна. Он способствует более монолитному построению текста. *Вертикальным* компонентом является **межпоследовательностные** связи словообразовательных единиц. Наложение или пересечение горизонтальных и вертикальных словообразовательных связей через единство их элементов обеспечивает образование *интегрирующего* компонента текстовой связи.

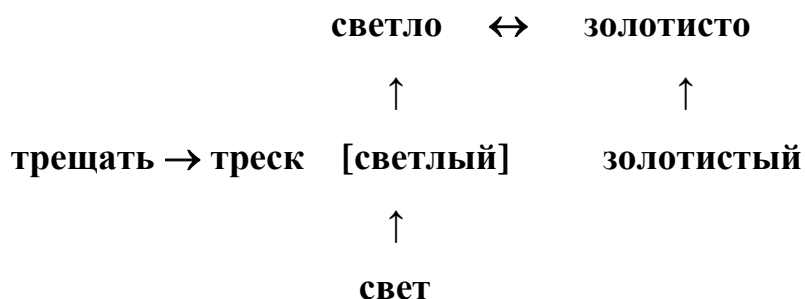
Ниже в качестве примера приводится фрагмент матрицы из текста И. Шмелева, который демонстрирует сложное иерархическое устройство матричного средства текстовой словообразовательной связности:

*В саду необыкновенно **светло, золотисто**: лето сухое, деревья поределели и подсохли, много подсолнухов по забору, кисло **трещат** кузнечики, и кажется, что и от этого **треска** исходит **свет** – **золотистый**, жаркий.*

Здесь начальная разнокорневая словообразовательная последовательность – фрагмент словообразовательного типа *светло – золотисто* организует горизонтальные текстовые связи. Также параллельные горизонтальные связи имеются в однокорневых последовательностях: фрагмент цепочки *свет* → *светло* (с пропущенным элементом *светлый*) и словооб-

разовательная пара *золотистый* → *золотисто*: эти две однокорневые словообразовательные последовательности объединяются в межпоследовательностную вертикальную связь за счет элементов первой, разнокоренной последовательности *светло* – *золотисто*. А между первыми и последними компонентами однокорневых последовательностей вклинивается изолированная однокорневая последовательность **трещать** → **треск**.

В результате получается довольно сложная схема матричной организации текстовой словообразовательной связности (в квадратных скобках дается опущенное звено в словообразовательной цепочке):

Текстокогерентная словообразовательная матрица обычно имеет неоднородную структуру. В некоторых случаях фрагмент текста представляет одну словообразовательную последовательность, в других случаях количество последовательностей увеличивается, «узлы» пересекаются, сплетаются, образуют сложные комбинации. В результате такие комбинации участвуют в формировании тематической и коммуникативной прогрессии текста.

Итак, структурными составляющими текстокогерентной словообразовательной матрицы текста являются словообразовательные единицы, которые участвуют в однокорневой и разнокорневой одномодельной связи словообразовательных последовательностей. Эти последовательности различны по протяженности, количеству и качественной наполняемости.

Текстокогерентная словообразовательная матрица характеризуется определенными свойствами. Указанные свойства имеют статистический характер: они являются важным диагностическим показателем, который

отражает насыщенность текста средствами выражения именно словообразовательной связности, которая, разумеется, выступает реально в комплексе единиц текстовой связности другого уровня.

Однако в целях нашего исследования, мы из всей совокупности средств тестовой связности как бы «вырезаем» отдельный сегмент связности словообразовательной. Опираясь на работу Е.А. Орловой, мы выделяем такие свойства текстокогерентной словообразовательной матрицы, как когерентная словообразовательная *длина, ширина, плотность и концентрированность* [Орлова, 2002].

Длина определяется наибольшим объемом звеньев словообразовательной последовательности, т.е. под длиной подразумевается самая длинная словообразовательная последовательность определенного фрагмента текста. Этот показатель характеризует возможность словообразовательных единиц участвовать в формировании текстовой прогрессии.

Ширина сводится к общему количеству словообразовательных последовательностей, выделенных в данном фрагменте текста. Этот показатель характеризует общий (высокий, средний или низкий) уровень представленности в тексте словообразовательных последовательностей как комплексных средств словообразовательной связности.

Плотность словообразовательной матрицы обеспечивается количеством связующих однокоренных слов или словообразовательных единиц, образующихся от других слов по аналогичной модели, т.е. слов, входящих в состав словообразовательных последовательностей текста. Под когерентной словообразовательной плотностью понимается величина, отражающая отношение количества этих единиц к общему количеству слов фрагмента текста. Этот показатель характеризует общий (высокий, средний или низкий) уровень представленности в тексте слов и словоформ в роли элементарных единиц словообразования (производных слов, словообразовательных пар, фрагментов однокорневых и разнокорневых словообразова-

тельных последовательностей) в пределах комплексных средств словообразовательной связности. Естественно, что каждый фрагмент текста при этом обладает своей плотностью.

Концентрированность словообразовательной матрицы проявляется в степени активности объединения производных слов и словоформ как элементарных единиц словообразования в состав словообразовательных последовательностей. Концентрированность определяется установлением отношения общего числа словообразовательных последовательностей («ширины») и общего числа производных слов и словоформ. Этот показатель характеризует уровень внутренней системной организации словообразовательных средств текстовой связности, т.е. меру структурированности элементарных словообразовательных единиц (слов и словоформ), объединяемых в состав словообразовательных последовательностей.

Длина, ширина, плотность и концентрированность матрицы – это статистические параметры уровня сложности и насыщенности словообразовательных единиц в пределах анализируемого фрагмента текста, и потому они являются объективными показателями, которые можно установить количественно. Примеры расчетов приводятся ниже, в подразделе 2.2.2 раздела 2.2 второй главы настоящего исследования.

В целом исследование количественных параметров текстокогерентной словообразовательной матрицы (длины, ширины, плотности и концентрированности) позволяет дать объективную характеристику высокому, среднему или низкому уровню представленности средств словообразовательной связности, особенностей их внутренней структурной организации. Мера насыщенности текста средствами выражения словообразовательной связности – достаточно стабильный показатель, который при этом варьируется в текстах разных стилей: следовательно, уровень представленности средств словообразовательной связности в тексте может служить важным

диагностическим средством для функционально-стилевой квалификации текста в целом.

Обоснование концепции исследования. На основе анализа теоретической литературы по теме мы можем наметить концепцию нашего исследования. Концепция исследования определяется его целью и задачами, которые заключаются в системно-структурном описании средств словообразовательной связности в текстах художественного, публицистического и научного стилей с использованием введенного нами понятия *текстокогерентной словообразовательной матрицы*.

На предварительном этапе работы была осуществлена выборка 500 текстовых фрагментов художественного, научного и публицистического стилей из текстового массива Национального корпуса русского языка.

Концепция работы заключается в сравнительном анализе основных видов и способов словообразовательной связности, представленных разными типами словообразовательных последовательностей, в текстах разных стилей, который состоит в качественном и количественном сопоставлении характеристик текстокогерентных словообразовательных матриц.

Концепция исследования опирается на описание субъективных и объективных факторов, от которых зависит место словообразовательных единиц в рамках текстокогерентной матрицы:

1) авторский стиль (субъективный) – насыщенность текста однокорневыми, одно модельными образованиями, сложными словами, субстантивами и пр.;

2) функциональный жанр текста (объективный). Прогностический потенциал относительно словообразовательных связей состоит в наложении текстокогерентной словообразовательной матрицы определенного стиля на фрагмент текста, в результате чего определяется общее и различное в текстах разных стилей.

Итоги исследования обобщаются в табличной форме, представляю-

щей собой результаты количественного сопоставления текстов разных стилей по свойствам представленной в них текстокогерентной словообразовательной матрицы – по критериям длины, ширины, плотности и концентрированности.

1.4. Национальный корпус русского языка как источник языкового материала для исследования

Важным источником языковых данных для описания словообразовательных единиц как связующих компонентов текста послужил Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Именно на фрагменты текстов русского языка художественного, научного и публицистического стилей, взятых с сайта НКРЯ, мы опираемся в нашей работе для анализа связующих компонентов текста на смысловом, структурном и коммуникативном уровнях текстовой связности.

Национальный корпус русского языка — это информационно-справочная система, основанная на собрании русских текстов в электронной форме, снабженная особой системой поиска. Национальный корпус представляет язык во всём многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов [Плунгян, 2005].

По мнению А.М. Молдована, «создание Национального корпуса русского языка является задачей поистине национального значения, поскольку большинство крупных языков мира уже располагают своими национальными корпусами текстов. Решение этой задачи восполняет лакуну в отечественном языкознании и переводит изучение и преподавание русского языка в качественно новые условия. Без преувеличения можно сказать, что с появлением Корпуса мы впервые получаем материальную базу

для объективных и достоверных суждений о современном состоянии и путях развития русского языка» [Яндекс компания. Пресс-релизы, 2004 http://company.yandex.ru/press_releases/2004/0428/] .

Современные компьютерные технологии многократно упрощают и ускоряют процедуры лингвистической обработки больших массивов текстов. Это сказывается на развитии наших знаний о языке: возможность массовой – в том числе статистической – обработки текстов, недоступная прежде, позволила обнаружить в структуре и развитии языка такие закономерности, о существовании которых наука раньше или не подозревала, или лишь смутно догадывалась, но не могла строго обосновать.

Национальный корпус имеет две важные особенности. Во-первых, он характеризуется представительностью, или сбалансированным составом текстов. Это означает, что корпус содержит по возможности все типы письменных и устных текстов, представленные в данном языке (художественные разных жанров, публицистические, учебные, научные, деловые, разговорные, диалектные и т.п.), и что все эти тексты входят в корпус по возможности пропорционально их доле в языке соответствующего периода. Следует иметь в виду, что хорошая представительность достигается только при значительном объеме корпуса (десятки и сотни миллионов словоупотреблений). Национальный корпус русского языка охватывает, прежде всего, период от середины XVIII до начала XXI века: этот период представляет как язык предшествующих эпох, так и современный, в разных социолингвистических вариантах — литературном, разговорном, просторечном, отчасти диалектном. В настоящее время на сайте размещен только корпус современных текстов (второй половины XX–начала XXI в.).

Так, для нашего исследования интерес представили различные стили текстов, такие, как художественная проза разных жанров и направлений, современная драматургия, мемуарно-биографическая литература, жур-

нальная публицистика и литературная критика, газетная публицистика и новости, научные, научно-популярные и учебные тексты и т.п.

Во-вторых, корпус содержит особую дополнительную информацию о свойствах входящих в него текстов (так называемую разметку, или аннотацию). Разметка – главная характеристика корпуса; она отличает корпус от простых коллекций (или «библиотек») текстов, в изобилии представленных в современном интернете. Однако такие библиотеки в необработанном виде для научных исследований языка пригодны очень ограниченно. Не следует забывать также, что библиотеки создаются теми, кому интересно в большей степени содержание текстов, чем их языковые качества. Для составителей Национального корпуса такие факторы, как высокие художественные или научные достоинства книги являются важными, но не первостепенными. Национальный корпус, в отличие от электронной библиотеки, — это собрание текстов, интересных или полезных для изучения языка [Герд, Захаров, 2004: 12]. Чем богаче и разнообразнее разметка, тем выше научная и учебная ценность корпуса. В Национальном корпусе русского языка в настоящее время используется четыре типа разметки: метатекстовая, морфологическая, акцентная и семантическая.

Для нашего исследования особую ценность имеет представительный корпус современных текстов с морфологической и семантической разметками. Семантическая разметка позволяет не только искать, но и исключать из поиска какие-то примеры. Для быстрого и эффективного поиска слов в контексте, а чаще всего форм или конструкций мы пользовались морфологической разметкой для подбора словообразовательных единиц с учетом чередования или без, по типу морфемы: префиксу, корню, суффиксу, а также с учетом их позиции в текстах.

Итак, Национальный корпус русского языка является важным инструментом отбора и классификации языкового материала для нашего исследования. С помощью определенных параметров поиска можно выявить

наиболее распространенные и частотные словообразовательные единицы, являющиеся связующими компонентами текста. Использование корпуса позволяет нам в нашей работе не только изучать словообразовательные единицы текста, но и получать данные о частоте словоформ, о совместной встречаемости словообразовательных единиц, особенностях их сочетаемости, управления и т.д.

Таким образом, назначение использования национального корпуса текстов в нашем исследовании – показать функционирование словообразовательных единиц на большом «живом» языковом материале и в их естественном окружении – в контексте.

ВЫВОДЫ

Одной из наиболее значимых категорий текста является связность, под которой понимается объединение текстовых элементов в одно целое, являющееся результатом взаимодействия смыслового, коммуникативного и структурного аспекта. В формировании связности текста активно участвуют словообразовательные единицы, которые функционируют как эксплицитные средства создания связности текста, а также выражают имплицитную логическую связь его глубинных пропозиций.

В основном это комплексные единицы словообразования, представляющие собой классы слов, сходных по значимому словообразовательному признаку. Комплексные единицы системы словообразования формируются противопоставлениями разного рода: соотношением однокоренных слов (однокорневые) и соотношением слов, имеющих разные корни, но одно и то же словообразовательное строение (разнокорневые, одномодельные).

К разнокорневым единицам относятся: словообразовательный тип, словообразовательная категория, словообразовательный ряд, словообразовательный разряд, словообразовательный класс. К однокорневым едини-

цам относятся: словообразовательная пара, словообразовательная цепочка, словообразовательная парадигма и словообразовательное гнездо.

Поскольку в формировании текстовой связности участвуют разнообразные комбинации словообразовательных единиц языка, нам понадобилось обобщающее понятие, объединяющее элементы разных в структурном или семантическом отношении словообразовательных единиц по принципу участия в формировании текстовой связности данного фрагмента текста. В нашей работе для этого используется понятие *словообразовательная последовательность*.

Словообразовательные последовательности разных типов объединяются в тексте в роли комплексного средства словообразовательной текстовой связности в пределах одного фрагмента. В нашей работе для обозначения данного средства вводится термин *текстокогерентная словообразовательная матрица*.

Текстокогерентная *словообразовательная матрица* интегрирует «вертикальный» (одномоделный) и горизонтальный (однокорневой) ряды словообразовательных последовательностей. Текстокогерентная словообразовательная матрица характеризуется определенными свойствами, к числу которых относятся: когерентная словообразовательная длина, ширина, плотность и концентрированность.

Исследование количественных параметров текстокогерентной словообразовательной матрицы (длины, ширины, плотности и концентрированности) позволяет дать объективную характеристику мере насыщенности текста средствами выражения словообразовательной связности, которая, будучи достаточно стабильным показателем, при этом варьируется в текстах разных стилей: следовательно, уровень представленности средств словообразовательной связности в тексте может служить важным диагностическим средством для функционально-стилевой квалификации текста в целом.

Это позволило обосновать концепцию исследования, заключающуюся в сравнительном анализе основных видов и способов словообразовательной связности, представленных разными типами словообразовательных последовательностей, в текстах разных стилей, который состоит в качественном и количественном сопоставлении характеристик текстокогерентных словообразовательных матриц.

Для анализа средств словообразовательной текстовой связности на смысловом, структурном и коммуникативном уровнях были взяты фрагменты текстов русского языка художественного, научного и публицистического стилей из текстового массива Национального корпуса русского языка.

Глава 2. АНАЛИЗ СРЕДСТВ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СВЯЗНОСТИ В ТЕКСТАХ РАЗНЫХ СТИЛЕЙ

2.1. Словообразовательные последовательности разных типов как средство формирования текстовой связности

Словообразовательная последовательность включает в себя элементы разных в структурном или семантическом отношении словообразовательных единиц, объединенных по принципу участия в формировании текстовой связности. Единицы словообразовательной последовательности характеризуются как формальной связью элементов, входящих в их состав, так и семантико-словообразовательной связью между ними. Словообразовательные последовательности могут быть **однокорневыми и разнокорневыми (одномодельными)**. И те, и другие участвуют в организации текстовой связности разного типа.

2.1.1. Однокорневые словообразовательные последовательности

Однокорневые словообразовательные последовательности включают в себя элементы разных однокорневых комплексных единиц словообразования: это могут быть фрагменты цепочки и парадигмы, узла словообразовательного гнезда в разных комбинациях, включая и рефлексy формoобразования.

Кроме того, для целей нашего исследования важно, что в словообразовательные последовательности могут объединяться и лексемy, на син-

хроническом уровне утратившие мотивированность данным исходным словом, но этимологически сохраняющие с ними связь. Появление такой единицы в тексте, в контексте других однокоренных единиц, способствует **актуализации** внутренней формы слова.

Так, в известном тексте Д.С. Лихачева словообразовательную последовательность составляют слова с корнем «род» в разных его вариантах:

*И дальше мы стали вспоминать, сколько слов в русском языке с корнем «род»: **родной, родник, родинка, народ, природа, родина...** Слова эти как бы сами слагаются вместе! **Родники родной природы, прирожденность родникам родной природы!** Исповедь земле. Земля – это главное в природе. Земля **рождающая, земля урожая...** И у неба сияющий цвет, цвет неба, под которым зреют колосистые поля **ржи** (в этом слове тоже корень, связанный с ростом, урожаем, рождением; **рожь** – это то, что **рождает** земля! (Д. Лихачев).*

Очевидно, что не все из указанных слов сохранили синхронически мотивирующую связь с корнем РОД-. Но данный текст, тем не менее, актуализирует «этимологическую память» исторически родственных слов.

Минимальной словообразовательной последовательностью в роли текстовой связности является **словообразовательная пара**. В обследованном материале присутствуют разнообразные структурные типы таких минимальных последовательностей.

Так, часто встречается суффиксальная модель «существительное → производное прилагательное». Отношения между компонентами таких последовательностей, предопределенные синтагматическими связями, могут быть самыми разнообразными.

1) *Откуда у мальчишки, выросшего посреди полей и лесов, возникла необъяснимая любовь к **морю**? Впрочем, мечту о **морских** странствованиях мог пробудить в юном Рубцове опыт потешских земляков. (Н. Коняев).*

Здесь в паре *море – морские* прилагательное конкретизирует семан-

тику *море* применительно к внутреннему состоянию героя: любовь к морским странствиям.

2) *Два дня поочередно дежурили старшие на берегу ому́та. Рубцову удалось пережить горечь разочарования в своих надеждах, но и в его стихи плеснуло мертвой омутной водой.* (Н. Коняев).

Здесь пара *омут* – *омутная* (вода) – участвует в создании метафорической характеристики стихов поэта за счет возникновения индивидуально-авторского контекстуального переносного значения у производного прилагательного.

3) *В матовой колонной вазе голубые гортензии и две мрачных и знойных розы... Цветы – приношение верного Елениного поклонника, гвардии поручика Леонида Юрьевича Шервинского, друга продавицы в кондитерской знаменитой «Маркизе», друга продавицы в уютном цветочном магазине «Ницкая флора».* (М. Булгаков).

Здесь пара *цветы* – *цветочный* (магазин) служит детализации смысла происходящего, а именно — раскрывает причину появления цветов.

4) *Еще загадочнее выглядит взаимосвязь поэзии Рубцова и его жизни. По его стихам точнее, чем по документам и автобиографиям, можно проследить его жизненный путь.* (Н. Коняев).

Здесь словообразовательная пара участвует в образовании межуровневых контекстно-синонимических отношений *жизнь* – *жизненный (путь)* в функции конкретизации мысли на этапе ее дальнейшего развертывания.

5) *Отцу сообщили ночью, что он свободен. Ему писем насовали, чтоб передал на свободе родственникам.* (Н. Рубцов).

Здесь за счет употребления элементов пары *свободен* ← *свобода* возникает смысловая многоплановость ‘выйти на свободу из заключения’ и ‘быть свободным в своих действиях’.

Также частотна суффиксальная модель «прилагательное → производное отадъективное существительное»:

1) *С какой-то затаенной, еле заметной грустью без конца роптала одинокая сосна. Вероятно, жалуясь на свое одиночество, как будто человеческой речью старалась рассказать все накопившееся на душе за эти долгие годы бесконечного молчания.* (Н. Рубцов).

Здесь за счет употребления слов *одинокая* и *одиночество* (‘состояние одинокого человека’) осуществляется переход от изобразительного ряда (образ сосны) к отображению жизни человека.

2) *И если мы говорим о «промежуточном» смысле, который порождается рубцовским синтаксисом, то следует помнить, что эта «промежуточность» лишь отражение особого бытия лирического героя стихов Рубцова.* (Н. Коняев).

Здесь словообразовательная пара *Рубцов – рубцовский* осуществляет тематическое единство микротекста, а пара *промежуточный — промежуточность* включает в себя авторский словообразовательный неологизм (потенциальное слово *промежуточность*), который на фоне присутствия в тексте исходного «промежуточный» создает яркий образ неприкаянности героя как его «особого способа бытия».

Активна в нашем материале суффиксальная модель «глагол → производное отглагольное существительное».

1) *Я буду скакать, не нарушив ночное дыханье
И тайные сны неподвижных больших деревень.
Никто меж полей не услышит глухое скаканье,
Никто не окликнет мелькнувшую лёгкую тень* (Н. Рубцов).

В данном примере пара *скакать → скаканье* создает динамику повествования за счет перехода изображаемого действия из конкретного плана, реализованного глаголом, в обобщенно-отвлеченный план продолжительного состояния, воспринимаемого наблюдателем (*услышит*).

2) *И жизнь наша с тех пор озарилась тревожным светом надежд, ожиданий...Коля Рубцов тоже ждал.* (Н. Коняев). – Здесь можно видеть

обратный переход из обобщенного плана продолжительного состояния в план конкретного действия (синтагматически во фрагменте реализовано направление от существительного к глаголу);

3) *Но как **жить**? Как же жить?*

*Алексею Васильевичу Турбину, старшему, – молодому врачу – двадцать восемь лет. Елене – двадцать четыре. Мужу ее, капитану Тальбергу, – тридцать один, а Николке – семнадцать с половиной. **Жизнь**-то им как раз перебило на рассвете.* (М. Булгаков).

В данном примере словообразовательная пара *жизнь – жить* участвует в создании текстовой перспективы также по модели перехода из обобщенного плана в конкретный, но только обобщенный план задан инфинитивом (неопределенной формой глагола, не характеризующейся временной и модальной характеристиками), а не существительным.

Встречаются также модификационная суффиксальная модель «диминутивное существительное → производное диминутивное существительное» – *огонек → огонечек*:

И огонек светит...

А больше – ни звука!

Ни огонечка! (С. Есенин)

В данном примере употребление двух однокоренных диминутивных существительных значительно усиливает эмоциональную характеристику называемого предмета.

Широко представлены в нашем материале глагольные словообразовательные пары:

1) *Жил-был пескарь. И отец и мать у него были умные; помаленьку да полегоньку аридовы веки в реке **прожили** и ни в уху, ни к щуке в хайло не попали.* (М. Салтыков-Щедрин).

В данном примере словообразовательная пара создает динамику повествования путем перехода от общефактического плана изображения

действия (*жил-был*) к описанию его результативности;

2) Данный тип последовательности может выступать в разновидности чистовидовой пары, с использованием результатов словообразования, например, *ссориться* → *поссориться*:

*И они ссорились друг с другом и расставались. И снова сходились. В последний раз они **поссорились** перед новым 1971 годом...*(Н. Коняев).

Помимо словообразовательной пары, минимальную словообразовательную последовательность могут формировать элементы других, комплексных словообразовательных единиц – чаще всего это фрагмент **словообразовательной парадигмы**.

Такая парадигма может быть представлена словами одной части речи, например, глаголами:

1) *Покрестившись лихо на собор,*

Мимо волн Обводного канала

Поскакал бы я во весь опор!

Не простой, возвышенный в седле бы

Прискакал к тебе в конце концов! (Н. Рубцов).

Здесь глагольные образования одного (совершенного) вида на базе *скакать* создают описание последовательности движений в разном направлении;

2) *Река, петляя, отдавала свою благодать рассыпанным по равнине домам, рошицам, водопоям, гусиным затонам, мокрым лужам, синевшей в пойме капусте. Радуюсь этим извивам воды, мы вспоминали ретивых любителей «**выпрямлять** реки». Почти всегда **спрямить** реку – это значит оборвать землю...* (В. Лесков).

В данном примере члены парадигмы на базе прилагательного *прямой* – глаголы *выпрямлять* и *спрямить* создают картину разнообразия однотипных действия за счет комбинирования отношений аспектуальности (предельности / неопредельности) действия и разных оттенков значения,

привносимых приставками ВЫ- и С-.

3) Подобная последовательность может осложняться за счет появления третьего члена – рефлекса формообразования (например, вместо глагола используется причастие):

*Полетели мысли отдыхать.
Но очнись и **выйду** за поры,
И **пойду** на ветер, на откос,
О печали **пройденных** дорог,
Шелестеть остатками волос.* (Н. Рубцов).

В данном примере словообразовательная последовательность создает текстовую перспективу, связанную с панорамным изображением движения главного героя в разные направления, что подчеркивает образ бескрайности России и значительности его жизненного пути.

Фрагмент словообразовательной парадигмы в составе словообразовательной последовательности может быть представлен и словами **разных частей речи**:

*Привет, Россия – родина моя!
Как под твоей мне радостно листвою!
И **пенья** нет, но ясно слышу я
Незримых **певчих пенье** хоровое...* (Н. Рубцов).

Здесь словообразовательная последовательность представлена двумя элементами словообразовательной парадигмы на базе исходного *петь* – *пенье* и *певчий*. Здесь употребление именно этих лексем создает ассоциативно-смысловое поле, связанное с церковным пением, что значительно усиливает смысловую емкость и эмоционально-экспрессивный фон развернутого образа России.

Очень часто минимальная словообразовательная последовательность: словообразовательная пара или фрагмент словообразовательной парадигмы – участвует в организации разного рода повторов, что усиливает

ее роль как средства текстовой связности:

Я смотрю на окна – шары! Это мои шары гуляют, вьются за форточкой, другой уже день гуляют: я их выпустил погулять на воле, чтобы пожили подольше. (И. Шмелев).

В данном примере можно видеть, что словообразовательная последовательность выступает как средство словообразовательной связности в комплексе со средствами другого языкового уровня — лексического (лексический повтор *шары*), морфологического (анафорическое местоимение *это*).

Вообще говоря, средства текстовой словообразовательной связности не выступают в тексте изолированно, они всегда реализуются в единстве с другими. Чаще всего — это средства разнообразных повторов. Так, в следующем примере из текста И. Шмелева, как и в проанализированном выше фрагменте, словообразовательная последовательность в роли текстовой связности выступает вместе с лексическим повтором *день*:

Пахнет горячими ватрушками, по ветерку доносит. Я сижу на досках, у сада. День настояще летний. Я сижу высоко, ветки берез вьются у моего лица. Листочки до того сочные, что белая моя курточка обзеленилась, а на руках – как краска. Пахнет зеленой рощей. Я умываюсь листочками, тру лицо, и через свежую зелень их вижу я новый двор, новое лето вижу. Троицын день завтра. (И. Шмелев)

Здесь варьирование сочетаний со словом «день» (*Троицын день, день летний*) не только служит средством смысловой связности, но и привносит «приращение смысла» в текст: *день летний* – семантика «циклического времени», *Троицын день* – значение православного праздника. Ту же функцию выполняет и однокорневая словообразовательная последовательность, представленная фрагментом словообразовательного гнезда с вершиной *зеленый*, причем один из элементов — окказиональное слово *обзелениться*. Данная последовательность также создает приращение смысла

во фрагменте текста: *окрасилась; цвет листвы; весенняя, молодая зелень.*

Очевидно, что минимальные однокорневые словообразовательные последовательности, представленные словообразовательной парой, не только играют текстообразующую роль на содержательном уровне текста, но и участвуют в создании его экспрессивно-эмоционального фона:

*В Павлове у нас яблока...пятак мера! – говорит Трифоныч. – А яблоко- то какое...**па-в-лов-ское!***

Меры три собрали. Несут на шесте в корзине, продев в ушки. Выпрашивают плотники, выклянчивают мальчишки, прыгая на одной ноге:

***Крива-крива** ручка,*

Кто даст – тот князь,

*Кто не даст – тот **собачий** глаз.*

Собачий глаз! Собачий глаз!

Горкин отмахивается, лягается (И. Шмелев).

Словообразовательную последовательность: (в) *Павлове – па-в-лов-ское-* с восклицательным знаком и прилагательным, произносящимся нараспев – сопровождает повтор краткого прилагательного *крива-крива* с экспрессивно окрашенным существительным *ручка*; повтор сочетания слов *собачий глаз* в функции сказуемого полного двусоставного предложения и в функции неполного и уже восклицательного двусоставного предложения.

Возможен в качестве дополнительного средства словообразовательной текстовой связности и **повтор** самих однокорневых словообразовательных последовательностей. В приведенном ниже примере словообразовательная последовательность представлена фрагментом словообразовательного гнезда с опущенной вершиной *миндаль* — т.е. по сути, элемент словообразовательной парадигмы: *миндал-ик – миндальный*. Повтор здесь служит внешним сигналом ввода лейтмотива микротекста:

*В окнах, за рассветными ширмочками, искрится от мороза... Лампа плывет куда-то, светит внизу зеленовато, потолок валится на меня... Грызу **миндалик** – и вижу лицо отца. Я на руках у него... он меня тискает, я обнимаю его за шею... – какая горячая!*

*- Заснул? Не замерз, а? И что ты такой душистый... совсем **миндальный!** Я разжимаю ладошку и показываю **миндалик**. Он вбирает губами с моей ладошки, весело так похрустывает. Теперь и он **миндальный**. И отдается радостное, оставшееся во мне, – «**счастье мое миндальное!**»*

*Давно пора спать, но не хочется уходить. Отец несет меня в детскую, я прижимаюсь к его лицу, слышу миндальный запах... «**Счастье мое миндальное!**» (И. Шмелев).*

В данном фрагменте текста И. Шмелева это мотив ‘счастье миндальное’: *миндалик – миндальный*, повторенное дважды, усиливается еще двукратным повтором прилагательного *миндальный* в финальной части фрагмента.

Аналогично – в следующем примере словообразовательная пара *белый – белизна* выступает в роли текстовой связности совместно с повтором ключевых слов *белый, ослепительный* и *черный* и лексическим средством связности – антонимией *белый – черный*:

*Весь в **белом** и в **белом** шлеме, сижу в раскаленной лакированной колясочке, в маленькой двуколкой, в тонких оглоблях которой ровно и крупно, слегка подавшись вперед, мчится высокий и **черный**, весь блистающий своей могучей великолепной наготой тамил. Еду на вокзал, чтобы отправиться – ну, скажем, в Анарадхапуру.*

*И вот впереди уже площадь, пустая, **белая, ослепительная**, а за нею еще более **ослепительное белое** здание вокзала, – оно почти страшно своей **белизной** на белесом от зноя небе. Среди всей этой **белизны** и белого солнечного пламени **черное** тело и длинные **черные** волосы тамила режут глаз. (И. Бунин).*

Последовательности, представленные элементами словообразовательного гнезда, вообще очень частотны в обследованном материале. Например, в тексте В.П. Астафьева словообразовательная последовательность *наук – научий – паутина* представляет собой фрагмент словообразовательного гнезда с вершиной *наук*:

*Грибное предосенье. Липнет **паутина** к лицу. Заденешь, раздерешь **паутину** – в сырую траву горохом осыпаются **науки**. Путаясь в смятой **паутине**, они часто и беспомощно перебирают закорючинами лапок, а ведь в только что растянутой **паутине**, в сложных и мудрых хитросплетениях ее они жили, кого-то сторожили и чувствовали себя по-хозяйски дома. Нарушился порядок. Не стало гармонии. Рухнул **научий** мир, выпало звено из природной отлаженной жизни, лопнула еще одна ее тонкая струна. Я смотрю на железнодорожный мост, мерцающий сплетениями **паутины** над широкой рекой, и вижу, как быстро-быстро по его нитям пробирается многолапый и многорукий **наук**.* (В.П. Астафьев)

Прямое (*насекомое*) и переносное (*поезд*) значения слова «паук» создают метафорическую перспективу в смысловой структуре текста. Трансформация прямого значения *наук* в переносное значение производного слова *паутина* (сложные мудрые хитросплетения) участвует в поэтапном создании развернутого образа вместе с другими единицами текста: *липнет – заденешь, раздерешь – нарушился порядок, не стало гармонии, рухнул научий мир, выпало звено из природной жизни, лопнула тонкая струна*. В целом словообразовательная последовательность участвует в выражении микротемы текста, становится предупреждением, что гармонию природы легко разрушить.

Иной раз внутриязыковые системные связи в составе словообразовательной последовательности организованы достаточно сложно. Так, во фрагменте из текста Н. Коняева словообразовательная последовательность состоит из трех звеньев – *отъезд, заезжал, проездной*:

*Перед **отъездом** Николай Рубцов заезжал в Североморск к Валентину Сафонову, чтобы попрощаться.*

– Куда **проездной** выписываешь?

– *Еще не думал* (Н. Коняев)

Слово *отъезд* образовано безаффиксным способом; *заезжать* – суффиксальным способом; *проездной* (билет) – усечением одного из компонентов раздельнооформленного наименования. Первые два звена словообразовательной цепочки связаны отношением «передвижения в пространстве» и транспозицией прилагательного в существительное, которое выступает в качестве объекта.

Фрагмент словообразовательного гнезда здесь имеет сложную структуру (в квадратные скобки взяты отсутствующие в тексте структурные элементы):

[Ездить → отъезжать] → **отъезд**

→ **заезжать**

→ [проезжать → проезд → проездной (билет)] → **проездной**

Из схемы видно, как какие сложные иерархически-организованные структурно-смысловые отношения задают однокорневые лексемы в составе словообразовательной последовательности, когда они участвуют в формировании текстовой связности.

Пример четырехзвенной однокорневой словообразовательной последовательности встречаем в фрагменте текста из повести Н. Коняева: *Зато Николай Васильевич Беляков **разговорился** не сразу. Жизнь у него сложилась нелегко, изломанно, да и не очень-то он готов был к **разговору**... Ну, а нашел меня, и мы с ним частенько в этом парке сидели, **разговаривали**. Но больше всего он свои стихи **говорил**.*

Здесь словообразовательная последовательность *говорить* – *разговаривать* – *разговор* – *разговориться* также представлена фрагментом словообразовательного гнезда с вершиной *говорить*, который включает в

себя контаминацию двух цепочек: 1) *говорить* – *разговориться* и 2) *говорить* – *разговаривать* – *разговор*, в результате чего слова *разговориться* и *разговаривать* выступают как элементы словообразовательной парадигмы на базе *говорить*. Расположение звеньев словообразовательной последовательности является дистантным. Данная последовательность участвует в развитии микротемы фрагмента «жизнь у него сложилась нелегко, изломанно», при этом компонент *говорить* обогащает свое языковое значение за счет приращения смысла *говорить стихи* – ‘читать стихи’.

Четырехзвенные словообразовательные последовательности могут формироваться за счет оживления этимологических связей слов – актуализации внутренней формы, за счет чего в последовательность могут включаться слова, являющиеся синхронически непроизводными. Это особенно часто встречается в художественных (особенно – поэтических текстах):

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы,
*Они несут на флагах **черный крест,***
*Они **крестами** небо **закрестили,***
*И не леса мне видятся **окрест,***

*А лес **крестов** в **окрестностях** России* (Н. Рубцов)

Здесь фрагмент словообразовательного гнезда *крест* (осложненное формообразующим варьированием с *крестами*) – *окрест* – *закрестить* включает в ассоциативно-смысловой ряд лексему *окрестности*, актуализуя «этимологическую память» слова. При этом в одном ряду с общеязыковыми единицами выступает авторское новообразование *закрестить*, обозначающее интенсивное законченное действие по глаголу *крестить*. В целом парадигматические отношения между однокорневыми словами участвуют в создании картины давнего военного лихолетья – образ *креста* как

воплощение смерти создается не только на содержательном уровне, но и в самом, своего рода «крестообразном» расположении однокорневых единиц в тексте.

Еще более осложненной многоуровневой организацией обладают словообразовательные последовательности, использующие в качестве строевых элементов сложные слова: здесь появляется возможность повышенной смысловой емкости средств словообразовательной связности (за счет использования корневой семантики обеих основ) и структурного осложнения (за счет возможности включения в состав последовательности синтаксической единицы – словосочетания или сочетания однородных единиц в качестве производящей базы). За счет этого такие последовательности могут формировать как «горизонтальные», так и «вертикальные» ряды словообразовательной связности.

«Горизонтальный» ряд организуется элементами словообразовательной цепочки. Вот пример из текста научного стиля, где словообразовательная последовательность реализована на базе трехзвенной словообразовательной цепочки: *средние века – средневековая (философия) – средневековье*.

*Неверно было бы считать, что средневековье совсем не знало античности или целиком ее отвергало. Уже говорилось, какое большое влияние на средневековую философию оказал вначале платонизм, а позднее – аристотелизм. А **средние века** в Европе зачитывались Вергилием, цитировали Цицерона, Плиния, любили Сенеку. Но при этом было сильное различие в отношении к античности в **средние века** и в Возрождение (И.Т. Фролов).*

Словообразовательная цепочка из трех звеньев разворачивается на протяжении семи предикативных единиц. Расположение звеньев дистантное, сквозь весь текст, что обеспечивает их непосредственное участие в формировании перспективы текста.

«Вертикальный» ряд организуется сложными словами с повторяющимся первым компонентом сложного слова:

Нужно было пройти вдоль Тошмы тридцать пять километров лесом до лесопункта Гремячского, там сесть на лесовоз и по узкоколейке Монзенского леспромхоза добираться до станции Монза. (Н. Кунин).

Здесь повтор компонент *лес-* способствует детализации микротемы данного сложного синтаксического целого, а именно – уточнению места событий.

2.1.2. Разнокорневые (одноmodelьные) словообразовательные последовательности

Разнокорневые (одноmodelьные) словообразовательные последовательности включают в себя элементы различных разнокорневых комплексных единиц словообразования: чаще всего это фрагменты **словообразовательных типов**, но возможны и фрагменты **словообразовательных рядов** (формального объединения слов разных словообразовательных типов с одинаковым формантом и способом словообразования, без учета семантической общности – *води-тель, выключа-тель*), и фрагменты **словообразовательной категории** (объединения слов разных словообразовательных типов с общим словообразовательным значением, но разными формантами – *води-тель, груз-чик*).

Редко, но встречается объединение в разнокорневую последовательность единиц, представляющих предельно широкую комплексную разнокорневую единицу словообразования, например, **словообразовательный разряд** (совокупность всех слов одной и той же части речи, образованных одним способом):

*Ту тоску не заспать, не забыть
Ни в пути, ни в пристани,
Не **от**думать довеку* (И. Бунин).

Последовательность *заспать* и *обдумать* представляет собой минимальный фрагмент словообразовательного разряда всех производных приставочных глаголов.

По нашим наблюдениям, в основном в обследованном материале присутствуют следующие типы разнокорневых (одномодельных) словообразовательных последовательностей: 1) одномодельные словообразовательные последовательности слов с одинаковыми аффиксами; 2) одномодельные словообразовательные последовательности слов с синонимическими аффиксами; 3) одномодельные словообразовательные последовательности слов безаффиксного способа образования; 4) одномодельные словообразовательные последовательности сложных слов; 5) одномодельные словообразовательные последовательности слов, образованных с помощью конверсии.

I. Минимальной разнокорневой словообразовательной последовательностью **слов с одинаковыми аффиксами** является пара слов, принадлежащих к общему словообразовательному типу:

*На крашеном полу и на лежанке лежат золотые окна, совсем косые и узкие, и черные на них крестики скосились. И до того прозрачны, что даже пузырьки – глазочки видны и пятнышки ... и **зайчики**, голубой и красный. Но откуда же эти **зайчики** и почему так бьются? Да это совсем **не зайчики**, а как будто пасхальные **яички**, прозрачные, как дымок. Я смотрю на окна – шары! Это мои шары гуляют, вьются за форточкой, другой уже день гуляют: я их выпустил погулять на воле, чтобы пожили подольше* (И. Шмелев).

Здесь использована последовательность с одинаковыми уменьшительно-ласкательными суффиксами одушевленных имен существительных

яичко – зайчик, которая употребляется в комплексе с лексическими средствами связности текста – повторами ключевых слов (*зайчики* и *шары*), что в целом создает текстовую перспективу, развивающую и детализирующую изображения восприятия происходящего глазами ребенка.

Словообразовательная последовательность с одинаковыми суффиксами может быть многозвенной:

2) *Я понимаю, что сочетание всех частей лица, движение всех мышц лица могут складываться в ту или иную гримасу, в то или иное выражение. Брезгливость, радостная улыбка, огорчение, удивление, испуг, ужас и прочее* (НКРЯ).

В это примере словообразовательная последовательность пятизвенная (*сочетание – движение – выражение – огорчение – удивление*): это фрагмент словообразовательного типа отглагольных существительных с суффиксом –НИИ- / -ЕНИИ-.

Так же широко представлены одномодельные словообразовательные последовательности с одинаковой приставкой – они, как правило, многозвенные:

1) Четырехзвенная последовательность, представленная словами одного словообразовательного типа

<i>Нет, меня не порадует – что ты!-</i>	<i>Прогудели мои пароходы,</i>
<i>Одинокая странствий звезда.</i>	<i>Проскрипели телеги мои,-</i>
<i>Пролетели мои самолеты,</i>	<i>Я пришел к тебе в дни непогоды,</i>
<i>Просвистели мои поезда.</i>	<i>Так изволь, хоть водой напои!</i>

(Н. Рубцов).

Здесь слова с одинаковыми приставками участвуют в создании приемов анафоры и синтаксического параллелизма.

2) Пятизвенная последовательность, представленная, соответственно, рядом из двух слов с приставкой ЗА- и трех слов с приставкой ПО-:

<i>Эх, Русь, Россия,</i>	<i>Что звону мало,</i>
--------------------------	------------------------

*Что загрустила,
Что задремала.*

*Спокойной ночи,
Давай **по**мечтаем,
Давай **по**хохочем.*

*Давай **по**желаем*

(Н. Рубцов)

Здесь тоже слова с одинаковыми приставками участвуют в создании приемов анафоры и синтаксического параллелизма.

3) Четырехзвенная последовательность:

— *Сумочка у нее фартовая, — уточнил Бесик.*

— *Сорвать, — сказал Шахтер.*

— *Срезать, — уточнил Сверчок.*

— *Слямзить, — предложил Корешок (А. Приставкин).*

Здесь в ситуации из повести А. Приставкина «Кукушата, или жалобная песнь для успокоения сердца» активную связующую функцию выполняют глагольные приставочные образования со значением «мгновенности действия».

Обратим внимание, что здесь, в этом примере, за счет возникновения текстовых системных связей, в словообразовательную последовательность вовлекается синхронически немотивированное слово *слямзить*, которые на фоне других, производных слов с приставкой С- также воспринимается как членимое.

II. Разнокорневая словообразовательная последовательность с **синонимическими аффиксами** (это может сопровождаться варьированием рода производных существительных), как правило, представлена фрагментом словообразовательной категории или словообразовательного ряда. Такая последовательность чаще всего бывает многозвенной.

См. пример шестизвенной разнокорневой словообразовательной последовательности на основе словообразовательной категории:

*Птицы у нас везде. В передней **чижик**, в спальне канарейки, в проходной комнате **скворчик**, в спальне отца канарейка и черный **дроздик**, в зале два соловья, в кабинете **жавороночек**, и даже в кухне у **Марьюшки** живет на покое, весь лысый, **чижик**, который пищит – «чулки- чулки- паголенки», когда засту-*

чат посудой. В чулане у нас множество всяких клеток с костяными шишечками, от прежних птиц. Отец любит возиться с **птичками** и зажигать лампадки, когда он дома. (И. Шмелев)

Здесь три слова – представителя одного словообразовательного типа уменьшительно-ласкательных существительных с суффиксом –ИК: *чижик – скворчик – дроздик*, одно слово с –ЕК: *жавороночек*, и два слова с –К- женского рода (*Марьюшка – птичка*), но все они объединены общим словообразовательным значением уменьшительно-ласкательности.

А ниже приводится пример пятизвенной последовательности, включающей элементы и словообразовательной категории, и словообразовательного ряда:

*Но глаза... Зрачки и белки. Ничего они сами по себе выразить не могут. И, однако, глаза бывают то **стальными и холодными**, то **медовыми** и тяжёлыми, то сияющими, то потухшими, то веселыми, с прыгающими в них солнечными зайчиками, то **озорными**, с прыгающими в них черными точками, то восхищенными, то мертвыми, как **осенняя** вода в канаве... Что же освещает их изнутри, откуда берется этот свет и какова его природа?* (В. Солоухин).

Здесь разнокорневая одномодельная последовательность с синонимичными суффиксами представлена: а) фрагментом словообразовательной категории, образованной тремя словами из словообразовательного типа относительных прилагательных на базе существительного с суффиксом –Н- (*стальной, холодный, осенний*) и одним словом – прилагательным с суффиксом –ОВ- (*медовый*); б) фрагментом словообразовательного ряда, образованного теми же тремя словами с -Н- от существительного и одним словом – прилагательным с суффиксом –Н- на базе глагола (*озорной*) (это уже фрагмент **словообразовательного ряда**, совместно с прилагательными от существительных) .

III. Встречаются также одномодельные словообразовательные последовательности **слов безаффиксного способа образования**:

- 1) *Все, все, что гибелью грозит,
Топчут лапти по полю кукольной*

*Где- то ржанье и храп табуна,
И зовет их с большой колокольни
Гулкий **звон**, словно **зык** чугуна (С. Есенин).*

Здесь трехзвенная последовательность, представленная фрагментом словообразовательного типа производных отглагольных абстрактных существительных: *храп – звон – зык*, – обеспечивает, наряду со связующей функцией, определенный стилистический эффект – придает тексту сжатость, смысловую емкость и динамичность;

*2) Я просыпаюсь, радостный, меня ослепляет **блеском** и в этом **блеске** – веселый **звон**. Сразу я не могу понять, отчего такой **блеск** и **звон**. Будто еще во **сне** – звонкие золотые яблочки, как в волшебном саду, из сказки. Открываю опять глаза – и вдруг вспоминаю: да это Пасха!.. (И. Шмелев).*

Здесь трехзвенная разнокорневая одномодельная последовательность также образована фрагментом словообразовательного типа производных отглагольных абстрактных существительных: *блеск – сон – звон*. Данная последовательность, в комплексе со средствами лексического повтора слов *блеск, звон*, создает панорамное синестетическое (звуковое и зрительное) изображение, рисуя момент перехода из сна в явь героя. Сигналами этого перехода является параллельное встречное употребление варьирующихся рядов: *просыпаться → блеск → звон* и – в обратной перспективе: *блеск → звон → сон*.

IV. Одномодельные словообразовательные последовательности **сложных слов** представлены в обследованном материале редко:

*1) В научном стиле: Школьный курс **геометрии** состоит из двух частей: **планиметрии** и **стереометрии**. В **планиметрии**, которой мы занимались в VI – VIII классах, изучаются свойства геометрических фигур на плоскости. **Стереометрия** – это раздел **геометрии**, в котором изучаются свойства фигур в пространстве.*

Здесь в образовании трехзвенной разнокорневой одномодельной словообразовательной последовательности выступают иноязычные сложные термины – названия научных дисциплин. Они служат для создания такой важной

черты текста научного стиля, как точность, формируя детальное и подробное описание предмета изображения.

2) В художественном стиле:

Солнце – не огнистое, не раскаленное, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно-лучезарное – мирно всплывает над узкой и длинной тучкой, свежо просияет и погрузится в лиловый ее туман.

Здесь в образовании двухзвенной разнокорневой одномодельной словообразовательной последовательности участвуют сложные прилагательные цвета, образованные по одной модели чистого сложения. Они формируют цветовой ассоциативно-смысловой фон фрагмента текста.

V. Еще реже встречаются разнокорневые словообразовательные последовательности **слов, образованных с помощью конверсии**:

1) *Язык – величайшее наследие для всех поколений. Он - неделимый фонд у народа в **прошлом**, в **настоящем** и в самом отдаленном **будущем**. Засорять его, обеднять – значит обкрадывать не только самих себя...* (М. Алексеев).

Здесь последовательность образована словами одного словообразовательного типа: субстантиваты *прошлое – настоящее – будущее* образуют трехзвенную разнокорневую одномодельную последовательность, участвующую в формировании временной перспективы текста.

2) *Здесь Рюмкин схоронен, под Вакха знаменами*

Весь век он славно прослужил.

Прохожий, не кропи его ты прах слезами:

*Воды до крайности **усопший** не любил* (А.П. Бенитский)

Здесь субстантиваты *прохожий – усопший* участвуют в формировании стилистической фигуры антитезы, которая, в свою очередь, является смысловой перспективой текста.

Все проанализированные пять видов разнокорневых одномодельных последовательностей в пределах одного текста могут комбинироваться, создавая довольно сложные иерархически организованные структуры словообразова-

тельной связности.

Пример из художественного поэтического текста М. Цветаевой, который относится к жанру философского размышления о жизни, характеризуется сложной матричной системно-структурной организацией:

*По холмам – круглым и смуглым,
Под лучом – сильным и пыльным,
Сапожком – робким и кротким –
За плащом – рдяным и рваным.
По пескам – жадным и ржавым,
Под лучом – жгучим и пьющим,
Сапожком – робким и кротким-
За плащом – следом и следом.
По волнам – лютым и вздутым,
Под лучом – гневным и древним,
Сапожком – робким и кротким-
За плащом – лгущим и лгущим (М. Цветаева).*

Здесь представлена девятизвенная разнокорневая последовательность, которая последовательно включает:

1) фрагмент **словообразовательного типа (СТ 1)** прилагательных, мотивированных существительными, с суффиксом –Н-: три слова *сильный – пыльный – гневный* (одномодельная словообразовательная последовательность **слов с одинаковыми аффиксами**);

2) фрагмент **словообразовательной категории (СК 1)**, объединяющей фрагмент вышеуказанного словообразовательного типа и одно слово *круглый* того же словообразовательного значения, но с суффиксом –Л-: всего, таким образом, четыре слова (одномодельная словообразовательная последовательность **слов с синонимическими аффиксами**);

3) фрагмент **словообразовательной категории (СК 2)** прилагательных, мотивированных глаголами, но с разными суффиксами (-ЯН-, -УЧ-, -АН-): три слова *рдяный – жгучий – рваный* (одномодельная словообразовательная после-

довательность **слов с синонимическими аффиксами**);

4) фрагменты двух вышеуказанных категорий сами объединяются в фрагмент **словообразовательного разряда (СР)** всех суффиксальных прилагательных (итого – всего 7 слов);

5) фрагмент **словообразовательного типа (СТ 2)** адъективированных причастий, т.е. прилагательных, образованных из причастий неморфологическим способом, путем перехода из одной части речи в другую – они, из-за другого, не суффиксального способа образования, не входят в вышеупомянутый словообразовательный разряд: это два слова *лгуций* и *вздутый* (одномодельная словообразовательная последовательность **слов, образованных путем конверсии**).

б) А все девять слов вместе образуют фрагмент **словообразовательного класса (СКл)** всех производных прилагательных.

В результате образуется следующая иерархически-организованная структура словообразовательной связности:

{СР <СК 1 [СТ 1: <i>сильный – пыльный – гневный</i>] + <i>круглый</i> > + <СК 2: <i>рдяный – жгучий – рваный</i> >} + СТ 2: <i>лгуций – вздутый</i>

↑↑

СКл.

В целом следует отметить, что анализ роли отдельных видов однокорневых и разнокорневых словообразовательных последовательностей в формировании текстовой словообразовательной связности не случайно иллюстрировался нами на маленьких фрагментах текста. В макрофрагментах текста, как правило, присутствует не одна словообразовательная последовательность, а несколько, причем разных типов. Эти последовательности вступают между собой в «вертикальные» межпоследовательностные связи, образуя сложную иерархию уровней словообразовательной связности в тексте. Единый комплекс иерархически связанных словообразовательных последовательностей в роли средства глобальной текстовой связности в нашей работе получил название «**тектокогерентная словообразовательная матрица**». Анализ тектокогерентных слово-

образовательных матриц разных структурно-семантических типов в текстах разных стилей осуществлен в следующем разделе настоящего исследования.

2.2. Текстокогерентные словообразовательные матрицы как средство формирования текстовой связности

Разные словообразовательные последовательности в тексте могут соседствовать, комбинироваться или пересекаться, формируя смысловое пространство текста и его коммуникативную перспективу. Понятие *текстокогерентная словообразовательная матрица* используется в качестве обобщающего термина для обозначения объединения разных словообразовательных последовательностей в роли комплексного средства словообразовательной текстовой связности. Текстокогерентная словообразовательная матрица является не просто совокупностью всех словообразовательных последовательностей текста — она выступает как система, обладающая только ей присущими свойствами и выполняющая определенные функции.

В данном разделе на первом этапе анализа дается описание общих особенностей системно-структурного устройства текстокогерентных матриц на примере небольших фрагментов из текстов художественного, научного и публицистического стилей, показаны возможности текстов разных стилей формировать горизонтальный, вертикальный и интегрирующий уровни словообразовательной связности текста словообразовательными последовательностями в составе матрицы в разных комбинациях. Затем уже дается сравнительный системно-структурный количественно-качественный анализ свойств текстокогерентной матрицы (длина, ширина, плотность и концентрированность) на примере уже больших, тематически и структурно законченных, фрагментов из текстов художественного, научного и публицистического стилей (по 4 текста).

2.2.1. Особенности системно-структурной организации текстокогерентных словообразовательных матриц: горизонтальный, вертикальный и интегрирующий уровни словообразовательной связности текста

С точки зрения функционирования словообразовательных последовательностей в тексте текстокогерентная словообразовательная матрица актуализирует три уровня словообразовательной связности: горизонтальный, вертикальный и интегрирующий компоненты словообразовательных связей.

Горизонтальный компонент представляет собой текстовые связи словообразовательных единиц. *Вертикальным* компонентом является межпоследовательностные связи словообразовательных единиц. Наложение или пересечение горизонтальных и вертикальных словообразовательных связей через единство их элементов обеспечивает образование *интегрирующего* компонента текстовой связи. Роль указанных уровней в коммуникативной и тематической организации текста значительна. Они способствуют более монолитному построению текста.

Ниже анализируются разные типы структурно-семантической организации текстокогерентной словообразовательной матрицы, а также уровень ее сложности во фрагментах из текстов разных стилей. В целях наглядности анализ сопровождается графическим представлением в виде структурных схем.

1. Художественный стиль. Вопрос о выделении художественного стиля в качестве особого стиля литературного языка в современной науке решается неоднозначно. Одни ученые считают, что, поскольку в языке художественной литературы используются элементы всех стилей и даже внелитературных вариантов языка, но только в особой, эстетической функции, то нет оснований выделять художественный стиль в качестве особой функционально-стилевой раз-

новидности языка [Шмелев, 1972]. Другие ученые считают, что использование языка в эстетической сфере – одно из высших достижений литературного языка, и от этого ни литературный язык не перестает быть таковым, попадая в художественное произведение, ни язык художественной литературы не перестает быть проявлением литературного языка. В частности, этой точки зрения придерживался В.В. Виноградов [Виноградов, 1963].

Теоретическая квалификация статуса языка художественной литературы не входит в задачи нашего исследования – нам важно, что у этой разновидности языка есть своя специфика, в том числе и на словообразовательном уровне. Мы придерживаемся точки зрения В.В. Виноградова, который рассматривал язык художественной литературы в качестве особого стиля литературного языка [Виноградов, 1963]. Язык художественной литературы как особый стиль реализует себя в совокупности **художественных текстов**.

Н.А. Николина определяет художественный текст как «частную эстетическую систему языковых средств, характеризующуюся высокой степенью целостности и структурированности. Он уникален, неповторим и в то же время использует типизированные приемы построения. Это эстетический объект, который воспринимается во времени и имеет линейную протяженность» [Николина, 2003: 21]. Художественный текст, представляя частный вариант общенационального языка, позволяет автору создать свою художественную систему, которую читатель должен раскрыть.

Художественный текст характеризуется, наряду с функцией информационной, наличием функции эстетической. Автор, отражая и преломляя внешнюю действительность, созидает внутреннюю действительность произведения. Двуединство этих начал (внешнего и внутреннего) составляет единство художественного мира произведения. Результатом художественного освоения действительности является некая художественная картина мира (фрагмент мира) в виде развернутой системы представлений, суждений, идей, окрашенной субъективным отношением автора к этим представлениям и идеям, которая реализуется в языке данного произведения [Дымарский, 2001: 30]. Художественный

мир текста, в силу этого, строится на основе тех логических законов, которые обусловлены самим произведением.

Таким образом, художественный текст обладает логичностью, целостностью и связностью особого типа, вытекающими из специфики художественной задачи. М.Я. Поляков говорит, что художественное произведение представляет собой иерархически организованное единство трех пластов: «1) определенной материальной системы (звуков, слов, красок – в зависимости от типа искусства); 2) реализуемого этой системой сложного содержательного (семантического) поля; 3) идейно-эмоциональной системы (то есть цепи идей, порождающих определенную надтекстовую «модель жизни»). Три этих основных пласта эстетической информации и творят единство объективного и субъективного, сливающихся в органической целостности данного художественного произведения» [Поляков, 1986: 25].

Все средства связности, в том числе и словообразовательные, участвуют в формировании художественного образа мира, его событийного ряда, ассоциативно-смыслового фона и выражении авторского отношения к изображаемому. Поэтому в художественном тексте преобладает связность особого типа – ассоциативно-образная, эмоционально-экспрессивная. Все это, в свою очередь, определяет особенности структурно-семантической организации текстокогерентных словообразовательных матриц в роли словообразовательной связности художественных текстов.

Следующий пример показывает, как сложно могут быть организованы горизонтальные, вертикальные и интегрирующие текстовые словообразовательные связи даже в небольшом фрагменте из художественного текста:

*Как **приходит** темная ночь, все **конюхи** зажигают сальные свечи, в **конюшенки** идут новы. Ванюшка огня не берет, свету не имеет; **взойдет** в **конюшенку**, вынет из карману жар-птицы перо – вся **конюшенка** в огне горит. **Коней** напоит, накормит, выгладит и почистит». (Сказка «Конек-Горбунок»).*

Здесь представлено две однокорневых и одна разнокорневая словообразовательные последовательности.

1) Трехзвенная однокорневая последовательность (фрагмент словообразовательного гнезда с актуализованной вершиной *конь*): *конь – конюх – конюшенка* (с пропуском ступени *конюшня*) – является сквозной и создает содержательно-вещественную перспективу текста.

2) Двухзвенная однокорневая последовательность (фрагмент словообразовательного гнезда с актуализованной вершиной *идти*): *идут – взойдет* – выражает динамическую характеристику действий героя.

Обе последовательности, вступая в вертикальные межпоследовательностные связи, интегрируются в третью, разнокорневую последовательность.

3) Четырехзвенная разнокорневая последовательность (фрагмент словообразовательной категории производных приставочных глаголов с семантикой завершенного действия): *напоит – накормит – выгладит – почистит*, – находясь в финальной позиции, формирует результивную завершенность текста.

конь – конюх – конюшенка + идут – взойдет

напоит – накормит – выгладит – почистит

В следующем фрагменте текстокогерентной словообразовательной матрицы из текста М.А. Булгакова в создании динамичной картины изображаемого как основы художественного образа выступают одновременно лексемы с одинаковыми приставками и суффиксами, организованные в разнокорневые одно-модельные словообразовательные последовательности, которые, в свою очередь, объединяются в текстокогерентную словообразовательную матрицу:

Гору замело, засыпало сарайчики во дворе, и стояла гигантская сахарная голова. Дом накрыло шапкой белого генерала, а в нижнем этаже (на улицу – первый, во двор под верандой Турбинных – подвальный) засветился слабенькими желтенькими огнями инженер и трус, буржуй и несимпатичный Василий Иванович Лисович, а в верхнем – сильно и весело загорелись турбинские окна (М. Булгаков).

Здесь текстокогерентная словообразовательная матрица представлена следующими последовательностями:

1) Четырехзвенная разнокорневая одноmodelьная словообразовательная последовательность приставочных глаголов (фрагмент словообразовательного типа) – *замести, засыпать, засветиться, загореться*), которая проходит через весь фрагмент и организует смысловую перспективу текста – общий план начавшейся непогоды, который потом переходит в конкретный план – изображение противопоставления «нижнего (Лисовича) и верхнего (Турбиных)» этажей.

2) Две двухзвенные разнокорневые последовательности (фрагменты словообразовательного типа): *сильно – весело* (тип производных отадъективных суффиксальных наречий на –О) и *слабенькие – желтенькие* (модификационный тип экспрессивных прилагательных со слабой степенью выражения признака), способствуют усилению этого противопоставления: *засветился слабенькими желтенькими огнями ↔ сильно и весело загорелись*, что обеспечивает уже попарную вертикальную связь между тремя последовательностями.

В результате возникает интегрирующая имплицитная связь – антитеза двух миров, двух образов жизни, «несимпатичного» Лисовича и «симпатичных» автору Турбиных.

<замело – засыпало> →: засветились ↔ загорелись

↓

↓

слабенькими

сильно

желтенькими

весело

В следующем фрагменте из текста В. Солоухина обобщающий член словообразовательной матрицы, напротив, представлен не в начале, а в конце фрагмента, и к нему сходятся **вертикальные** межпоследовательностные связи трех однокорневых последовательностей:

Травка, которой заросло все село, тоже, как и ветлы, была бы совершенно зеленая, если бы старые липы, растущие в ограде, не начали ронять пожелтевшей листвы. А так как вчера был сильный ветер, листьев хватало

на то, чтобы запорошить все село, и теперь уж сквозь опавшие листья проглядывает **зелень** травы. Среди **желто-зеленого** яркая, мокрая, черная поблескивает неширокая проезжая дорога (В. Солоухин).

1) Трехзвенная однокорневая словообразовательная последовательность (фрагмент словообразовательного гнезда с актуализованной в тексте вершиной *зеленый*): *зеленая* – *зелень* – **желто-зеленый**.

2) Двухзвенная однокорневая словообразовательная последовательность (фрагмент словообразовательного гнезда с не актуализованной в тексте вершиной *желтый*): *пожелтевший* – **желто-зеленый**.

Желто-зеленый является общим членом двух последовательностей, сама возможность чего обусловлена двухкомпонентностью его основы (*желтый* и *зеленый*). Это еще раз подтверждает особый потенциал сложных слов в формировании словообразовательной связности – возможность эксплицировать межпоследовательностные вертикальные связи, что мы уже отмечали ранее.

3) Минимальная двухзвенная словообразовательная последовательность (словообразовательная пара) *листья* – *листва* формирует вещественный план текстовой перспективы.

В результате возникает интегрирующая имплицитная связь – желто-зеленый мир природы, окружающий автора.

[желтый → желтеть → пожелтеть] → **пожелтевший**

В целом можно сказать, что сложно организованные горизонтальные (внутри последовательностей), вертикальные (межпоследовательностные) и интегрирующие связи в текстокогерентной словообразовательной матрице в текстах художественного стиля играют значительную роль в формировании художественной целостности текста и его имплицитной глобальной связности ассоциативно-образного типа, за счет локальной словообразовательной связности, актуализованной возникающими в тексте системно-структурными отноше-

ниями между словообразовательными единицами различных видов.

2. Публицистический стиль. Публицистический стиль (публицистическая речь) выделяется как особая функционально-стилевая разновидность литературного языка. Как определяет «Лингвистический энциклопедический словарь»: «Публицистический стиль (газетно-публицистический, газетный, политический, газетно-журнальный) — один из функциональных стилей, обслуживающий широкую область общественных отношений: политических, экономических, культурных, спортивных и др. Публицистический стиль используется в политической литературе, его представляют средства массовой информации (СМИ) — газеты, журналы, радио, телевидение, документальное кино» [СЭС, 2003: 312].

При всем многообразии жанров, видов и тем публицистической речи, все они, по мнению Т.Г. Винокур, «выполняют одно назначение: воздействуя на мысли и чувства, сформировать общественное мнение» [Виноградова, Винокур и др., 1987: 55]. Д.Н. Шмелев считает, что главными факторами «самоопределения» публицистической речи являются контактообразующая и воздейственная функции [Шмелев, 1977: 162].

Главные задачи публицистического стиля — сообщение новостей и их комментирование, оценка фактов и событий. Публицистический стиль реализует две функции языка — *воздействующую и информативную*. Взаимодействие этих функций и составляет языковую специфику публицистического стиля: «Информативная функция ведет к формированию нейтрального слоя словаря, речевых стандартов, строевой лексики, необходимой для словесного оформления сообщений. Воздействующая функция обуславливает наличие и формирование оценочной лексики — прежде всего концептуальной, т.е. идеологической, общественно-политической (концептуальные слова, как правило, оценочны). Это наиболее важный разряд публицистического стиля, ключевые слова, характеризующие социально-политическую направленность газетно-публицистического текста. Воздействующая функция формирует и большой разряд оценочной (неконцептуальной) лексики» [СЭС, 2003, с. 312].

Главный критерий отбора языковых средств в публицистическом стиле – их общедоступность. Лексика этого стиля отличается многообразием и стилистическим богатством. Здесь широко представлена общеупотребительная, нейтральная лексика и фразеология, а также книжная и разговорная. Выбор словесного материала определяется темой. Для публицистического стиля характерно соединение контрастных по стилистической окраске слов, однако обращение к разноплановой лексике и фразеологии зависит от жанра и должно быть подчинено принципу эстетической целесообразности.

Публицистика призвана активно вмешиваться в происходящее, формировать общественное мнение, убеждать, агитировать. Это определяет такие важнейшие стилеобразующие черты публицистического стиля, как оценочность и эмоциональность. Информативная функция публицистического стиля обуславливает иные его стилеобразующие черты: точность, логичность, официальность, стандартизованность, клишированность. Благодаря взаимодействию информативной и воздействующей функций, публицистическому стилю свойственно сочетание **экспрессии** и **стандарта** [В.Г. Костомаров, 2005], поиски новых, необычных выразительных средств, переходящих нередко в стандарт, штамп.

Указанные признаки публицистического стиля обуславливают и особую роль словообразовательных средств в создании текстовой связности в текстах публицистики. Горизонтальные, вертикальные и интегрирующие связи словообразовательных последовательностей в текстокогерентной словообразовательной матрице публицистического текста участвуют в формировании структуры эмоциональной и рациональной аргументации авторской позиции, в выражении различного отношения автора к проблеме и экспрессивно-оценочного плана текста.

Так, в данном микрофрагменте текстокогерентной словообразовательной матрицы три словообразовательные последовательности участвуют в формировании логической структуры аргументации:

*Если ты хочешь **посадить дубраву**. Или хотя бы **десяток дубов**. Ну, в*

крайнем случае, одно **деревце**... прежде всего, надо найти единомышленников, ведь в одиночку справиться с процессом **посадки** и **взращивания** довольно трудно, да и веселее **сажать деревья** в компании (В. Захаров).

1) Трехзвенная однокорневая словообразовательная последовательность (фрагмент словообразовательного гнезда): **сажать** – **посадить** – **посадка** – является сквозной и формирует основную проблему текста.

2) Двухзвенные однокорневые словообразовательные последовательности (словообразовательные пары): **дуб** – **дубрава** и **дерево** – **деревце** – участвуют в формировании вещественной, тематической основы текста.

Все три последовательности интегрируются в главную идею текста – ‘сажать деревья в компании’.

↗ **дуб** – **дубрава**
↑
↘ **дерево** – **деревце**

сажать – **посадить** – **посадка**

В следующем микрофрагменте трехзвенная однокорневая последовательность с вершиной **ковер** создает иронический тон текста, а употребление авторских окказионализмов **ковромания** и **недоковренный** служит созданию экспрессивного эффекта:

*Три квадратных метра **цветного** пятна **сыграли роковую** роль в судьбе **бедной** женщины. Она **заболела ковроманией**. Не принижает ли **ковровая** малость моего авторитета? – **заметалась** мысль. Жить в **недоковренной** квартире стало невозможно. **Ковровый** аппетит разгорелся не на шутку* (А. Емельянов).

1) трехзвенная однокорневая словообразовательная последовательность с не актуализованной в тексте вершиной **ковер** (фрагмент словообразовательной парадигмы): **ковровый** – **ковромания** – **недоковренный** – является сквозной и формирует комическую окраску в выражении главной идеи текста;

2) четырехзвенная разнокорневая словообразовательная последовательность синонимическими суффиксами (фрагмент словообразовательной категории, образованный фрагментом двух словообразовательных типов – два производных прилагательные на базе существительных с суффиксом –Н- и два – с

суффиксом –ОВ-): *цветной – бедный – роковой – ковровый* – создает описательный компонент текста;

3) трехзвенная разнокорневая словообразовательная последовательность синонимическими префиксами (фрагмент словообразовательной категории, образованный фрагментом словообразовательного типа – два производных глагола совершенного вида с приставкой ЗА- + глагол того же вида с приставкой С-): *заболеть – замечаться + сыграть* – отвечает за динамический аспект изображения завершенности действий.

ковровый – ковромания – недоковренный

↓

+ заболеть – замечаться – сыграть

цветной – бедный – роковой

В данном фрагменте текстокогерентной словообразовательной матрицы однокорневые и разнокорневые последовательности создают содержательно-вещественную перспективу текста, что позволяет автору с максимальной точностью и подробностью выразить главную мысль текста:

*Университеты в США — такие непотопляемые островки **викторианской, а часто и католической** культуры. Своими *Alma Mater* американцы очень гордятся и бережно хранят традиции. Даже сами здания в **университетском городке** очень **часто** построены в средневековом стиле и **отличаются** от остальной части **города**. Порой это настоящий **город в городе**, а порой 80 процентов **городского** населения так или иначе связаны с **университетом**, и **город** только обслуживает **университетский городок** (кампус). В **больших университетах** кампусы бывают такие **большие**, что **несложно и потеряться**. Кроме **учебных** зданий и общежитий, обязательными атрибутами кампуса будут **столовая, кафе, университетский книжный магазин, церковь, почта, спортзал, бассейн (с джакузи и сауной), корты и стадион (или два)**. **Большинство** студентов живут в общежитиях, потому что это удобнее: не нужно **долго** ехать на машине по утрам, не нужно самим готовить, компьютеры и библиотека рядом (О. Панфилова).*

1) двухзвенная однокорневая словообразовательная последовательность,

представленная словообразовательной парой *университет – университетский*, является сквозной и создает тематическую перспективу текста;

2) трехзвенная однокорневая словообразовательная последовательность, представленная фрагментом словообразовательного гнезда с актуализованной вершиной *город*: *город – городок – городской*, вступает с первой последовательностью в непосредственную вертикальную связь, создавая ассоциативно-образную параллель (университет = город в городе);

3) двухзвенная однокорневая словообразовательная последовательность, представленная словообразовательной парой *большой – большинство*;

4) трехзвенная разнокорневая словообразовательная последовательность, представленная фрагментом словообразовательного типа суффиксальных прилагательных со значением принадлежности: *викторианский – католический – университетский – городской*, вступает в непосредственную вертикальную связь с главной последовательностью за счет наличия общих членов *университетский* и *городской*, формируя признаковый фон текста.

Эту же роль, но опосредованно, играют также следующие разнокорневые последовательности:

1) двухзвенная разнокорневая словообразовательная последовательность относительных прилагательных (фрагмент словообразовательного типа): *учебный – книжный*;

2) четырехзвенная разнокорневая словообразовательная последовательность наречий на –О (фрагмент словообразовательного типа): *часто – бережно – несложно – долго*.

3) За динамический фон отвечает двухзвенная разнокорневая словообразовательная последовательность производных возвратных глаголов: *отличаться – потеряться*.

университет – университетский		учебный – книжный
=	+	← часто – бережно – несложно – долго
город – городок – городской		отличаться – потеряться
	+	

викторианский католический

Отметим, что в проанализированном фрагменте средства словообразовательной связности выступают в комплексе с средствами связности лексического уровня языка, а именно повторов ключевых слов *университет, университетский, город, городок* и др., что усиливает структурную сложность, плотность и насыщенность средств текстовой связности во фрагменте, образуя многочисленные параллельные и пересекающиеся ряды взаимозависимости единиц разных уровней языка.

В целом можно сказать, что публицистический текст так же, как и художественный, демонстрирует богатство и разнообразие сложно организованных горизонтальных (внутри последовательностей), вертикальных (межпоследовательностных) и интегрирующих связей в текстокогерентной словообразовательной матрице, которые подчинены иной задаче: детально и подробно выразить и аргументировать мысль автора, систему авторских оценок, добившись при этом максимального экспрессивного эффекта. Здесь мы имеем дело с целостностью текста, скорее, логического и эмоционально-экспрессивного типа, в сравнении с художественным текстом, средства связности в большей мере эксплицитные, большую роль играют повторы и перифрастические наименования одного и того же явления, за счет чего эксплицитная словообразовательная связность имеет в текстах публицистического стиля большую плотность и насыщенность.

3. Научный стиль. Научный стиль отличается своей специфической сферой употребления – это научная деятельность. Кроме функции общения в научном стиле реализуется информативная и воздействующая (доказательство) функции языка. Он выступает главным образом в письменной форме, но может выступать и в устной (лекция, доклад). Как пишет А.И. Горшков: «Общие черты научного стиля, определяемые единством содержания и языкового выражения научных текстов, таковы: 1) отвлеченность и обобщенность, 2) подчеркнутая логичность (последовательность, связность) изложения, 3) точность [Горш-

ков, 2001: 271].

Итак, научный стиль речи есть речевая система, функционирующая как форма логически организованного существования научной информации, представляющей результаты научного творческого мышления, и как средство обмена этой информацией в обществе. Принцип логической организации содержания и формы пронизывает научную речь. А.Н. Васильева констатирует, что «в научной речи главным стилоопределяющим фактором является её содержательная сторона, где господствуют принципы объективности (бессубъективности), абстрактности (отвлечения от частных, несущественных признаков), логичности (не зависящей от субъективных стимулов говорящего последовательности речевого движения)» [Васильева, 1976: 21-22].

В целях нашего исследования важно, что в научном стиле допустима образность, экспрессивность, эмоциональность, поскольку словесные образы помогают разъяснению понятий, а экспрессия способствует убеждению, доказательству. «Научный стиль не подавляет авторской индивидуальности. Образ автора просматривается в нем достаточно явственно. Научному стилю не свойственна замкнутость, он не отгорожен ни от официально-делового и публицистического стилей, ни от языка художественной литературы и разговорного языка» [Горшков, 2001: 271].

Все это обуславливает особый характер текстовой связности в научном тексте, в том числе словообразовательной связности. Все виды связности в научном стиле подчинены задаче логического обоснования доказываемого тезисы или опровержение чужих взглядов на рационально-логической основе.

Так, в примере из монографии «Принципиальные вопросы квантовой механики» логическая связность достигается включением в последовательности отвлеченных отглагольных и отадъективных существительных суффиксального типа и относительных прилагательных на базе абстрактных существительных, принадлежащих к научному стилю речи:

Мы рассмотрели влияние некоторой неопределенности в начальных данных на предсказуемость состояния механической системы в будущем.

Однако и в процессе самого **движения** частицы на нее будут действовать силы, **которые** не могут быть точно предсказаны. В реальных **физических** условиях эти силы неизбежны, они могут быть весьма малыми. Это могут быть, например, силы, вызванные толчками, сообщаемыми телу молекулами среды, или ее **турбулентностью**, или другими **неоднородностями** среды, носящими **случайный** характер (Д.И. Блохинцев).

Текстокогерентная словообразовательная матрица текста включает следующие словообразовательные последовательности:

1) двухзвенная однокорневая словообразовательная последовательность (словообразовательная пара): *который – некоторый*;

2) трехзвенная разнокорневая одномодельная словообразовательная последовательность (фрагмент словообразовательного типа отвлеченных отглагольных существительных): *влияние – движение – состояние*;

2) трехзвенная разнокорневая одномодельная словообразовательная последовательность (фрагмент словообразовательного типа отвлеченных отадъективных существительных): *неопределенность – предсказуемость – неоднородность*;

4) Четырехзвенная разнокорневая одномодельная словообразовательная последовательность отвлеченных прилагательных с синонимическими суффиксами, представленная фрагментом словообразовательной категории (фрагмент словообразовательного типов отвлеченных прилагательных с суффиксом **-(И)ЧЕСК-** и с суффиксом **-Н-**): *механический – физический + начальный – случайный*.

Разнокорневые последовательности с отвлеченными существительными формируют смысловую перспективу текста – его тематику и проблематику, а последовательность с прилагательными создает требуемую признаковую детализацию изображаемого объекта в тексте.

влияние	неопределенность		механический – физический
движение	= предсказуемость	← +	
состояние	неоднородность		начальный – случайный
			который – некоторый

В следующем фрагменте текстокогерентной словообразовательной матрицы из современного текста по философии семиотики наблюдаются аналогичные отношения схождения, пересечения, включения горизонтальных, вертикальных и интегрирующих связей в разнотипных словообразовательных последовательностях в ее составе, которые представлены в основном словообразовательными типами отвлеченных отглагольных существительных и прилагательных:

Семиотические идеи, хотя и содержатся в любой серьезной философской системе, далеко не всегда выделяются в отдельный раздел. Однако история философской семиотики требует извлечения и отдельного описания последовательного развития семиотических идей в философии. Эта задача представляется очень нелегкой, так как каждая философская система рассматривает проблему семиотики в своем контексте, и поэтому необходимо считаться как со всем контекстом системы, в который семиотические идеи входят как составная часть, так и с поступательным ходом развития философского знания в его исторической конкретности, когда наряду с реальным продвижением существует и мнимое, а нередко и отступление назад, прикрытое философской терминологией (И.А. Хабаров).

Здесь можно выделить две сквозные, стержневые двухзвенные однокорневые словообразовательные последовательности, которые формируют содержательно-вещественный план и смысловую перспективу текста:

- 1) двухзвенная однокорневая словообразовательная последовательность (словообразовательная пара): *философия – философский*;
- 2) двухзвенная однокорневая словообразовательная последовательность (словообразовательная пара): *семиотика – семиотический*.

Параллельны и пересекающиеся вертикальные межпоследовательностные связи с базовыми последовательностями обнаруживают следующие последовательности:

- 3) пятизвенная разнокорневая одномодельная словообразовательная по-

следовательность, представленная фрагментом словообразовательной категории (фрагмент словообразовательного типа отвлеченных производных отглагольных существительных с суффиксом -(Е)НИ(Я) + существительное с суффиксом -(Т)И(Я)-): *извлечение – описание – знание – отступление + развитие*;

4) двухзвенная разнокорневая одноmodelьная словообразовательная последовательность, представленная фрагментом словообразовательного типа отвлеченных производных прилагательных на базе глагола: *отдельный – последовательный*;

5) двухзвенная разнокорневая одноmodelьная словообразовательная последовательность, представленная фрагментом словообразовательного типа возвратных глаголов с семантикой логического отношения: *содержаться – выделяться*.

философия – философский = семиотика – семиотический

↑

**извлечение – описание – знание – отступление – развитие
+ отдельный – последовательный
+ содержаться – выделяться**

Вертикальные межпоследовательностные связи в матрице формируют эксплицитную логическую связность, что усиливается их взаимодействием со средствами связи лексического уровня – разнообразными **повторами** ключевых слов: *философия, философский, семиотика, семиотический, развитие, система, контекст* и др., и грамматического уровня – анафорическими указательными местоимениями *это*, синтаксическим параллелизмом, союзами и пр.

Это еще раз доказывает мысль о тесном взаимодействии разнообразных средств, формирующих связность текста на всех уровнях языка (лексический, словообразовательный, грамматический): таким образом, текстокогерентная словообразовательная матрица выступает как часть более общего единого межуровневого комплекса средств эксплицитной и имплицитной текстовой связности.

Текстокогерентная словообразовательная матрица, даже на малом фрагменте микротекста научного стиля, может иметь очень богатую и разветвленную структуру горизонтальных, вертикальных и интегрирующих связей, что демонстрирует следующий пример:

Ритмика экспрессивной речи ни в одном языке и ни при каких условиях не может оказаться тождественной ритмической организации нейтральной речи. Увеличение числа пауз и их протяжённости, неустойчивый темп, эмфатические ударения, специфическая сегментация, более контрастная мелодика, удлинение сонантов, шипящих, затянутая выдержка смычки у взрывных, волюнтаривная растяжка гласных, влияющие на соотношение длительности ударного и безударного слогов в ритмогруппе, нарушают господствующие в языке ритмические тенденции (Т. Поплавская).

Отметим, что здесь в формировании словообразовательной связности участвуют практически все слова текста, которые организованы в большое количество разнообразных однокорневых и разнокорневых последовательностей:

1) Трехзвенная однокорневая словообразовательная последовательность, представленная фрагментом словообразовательной парадигмы от *ритм*: *ритмика – ритмический – ритмогруппа*, которая является сквозной и формирует смысловую перспективу текста.

За счет общих компонентов *ритмика* и *ритмический* эта последовательность вступает в вертикальные межпоследовательностные связи с двумя разнокорневыми последовательностями;

2) двухзвенная разнокорневая одномодельная последовательность абстрактных производных существительных (фрагмент словообразовательного типа): *ритмика – мелодика*;

3) трехзвенная разнокорневая одномодельная последовательность производных абстрактных относительных прилагательных терминологического значения, представленная фрагментом словообразовательного типа с суффиксом –(И)ЧЕСК-: *ритмический – специфический – эмфатический*.

Структурные вертикальные параллельные связи со второй последовательностью *ритмика – мелодика* составляют:

4) двухзвенная разнокорневая одно модельная последовательность абстрактных производных отглагольных существительных с суффиксом –АЦИ(Ј)- (фрагмент словообразовательного типа): *организация – сегментация*;

5) четырехзвенная разнокорневая одно модельная последовательность абстрактных производных отглагольных существительных с суффиксом –(Е)НИ(Ј)- (фрагмент словообразовательного типа): *увеличение – ударение – удлинение – соотношение*;

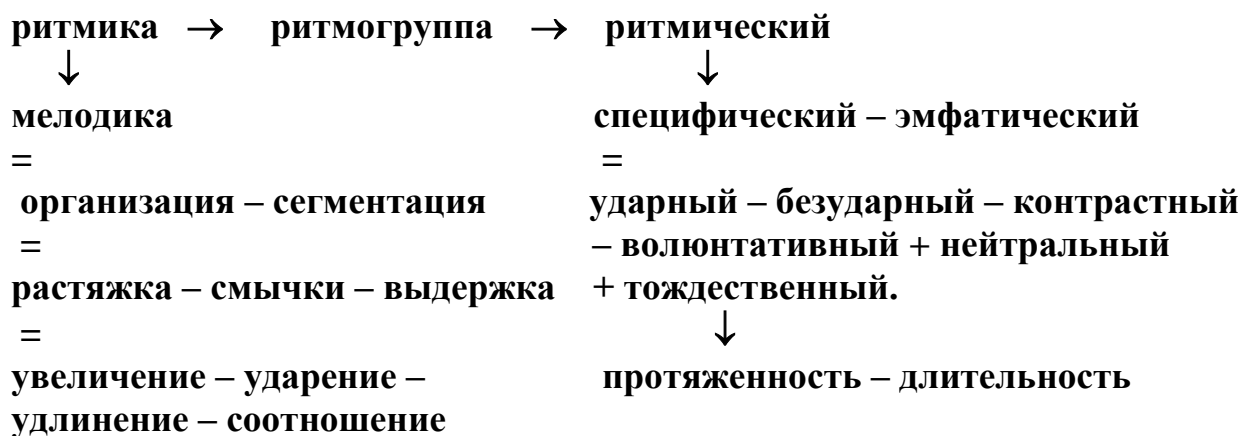
6) трехзвенная разнокорневая одно модельная последовательность абстрактных производных отглагольных существительных с суффиксом –К- (фрагмент словообразовательного типа): *растяжка – смычки – выдержка*.

Структурную вертикальную параллельную связь с третьей последовательностью *ритмика – мелодика* составляет:

7) шестизвенная разнокорневая одно модельная последовательность производных абстрактных относительных прилагательных терминологического значения, представленная фрагментом словообразовательного типа с суффиксом -Н- (с его формальным вариантом – ЕНН-): *ударный – безударный – контрастный – волюнтаривный + тождественный*.

8) Интегрирующей по отношению к последовательностям, включающими прилагательные, является двухзвенная разнокорневая последовательность абстрактных производных отадъективных существительных с суффиксом –ОСТЬ- (фрагмент словообразовательного типа): *протяженность – длительность*.

В результате получается довольно сложная структурная организация, включающая структурно-семантические горизонтальные отношения внутри последовательностей, на которые накладываются вертикальные межпоследовательностные связи, непосредственно эксплицированные общностью членов последовательности, и параллельные имплицитные вертикальные связи, обусловленные структурным сходством моделей.

В целом, как проанализированные примеры, так и другие тексты в обследованном материале показывают, что в составе текстокогерентных словообразовательных матриц научных текстов присутствуют самые разнообразные словообразовательные последовательности, непосредственно связанные между собой вертикальной межпоследовательностной связью посредством всевозможных повторов, параллелизмов и наложений, что позволяет матрице максимально эксплицировать текстовую целостность логического типа.

2.2.2. Сравнительный структурно-семантический количественно-качественный анализ параметров текстокогерентной словообразовательной матрицы в текстах разных стилей

Следующим этапом исследования текстокогерентных словообразовательных матриц как средства словообразовательной связности текстов разных стилей является обобщающий сравнительный структурно-семантический и количественно-качественный анализ свойств текстокогерентных словообразовательных матриц разного типа на материале более обширных фрагментов текста, которые дают более явственное представление об особенностях структурно-семантической организации текстокогерентных словообразовательных матриц в разных стилях.

Очевидно, что чем больший фрагмент текста мы берем, тем больше структурная сложность и насыщенность матрицы в роли средства текстовой словообразовательной связности. Эмпирически выяснено, что оптимальная размерность анализируемого фрагмента текста, который является или законченным текстом или представляет собой структурно и содержательно завершённый фрагмент большого текста (микротекст), составляет ± 270 слов.

В данном разделе представлен опыт сравнительного анализа параметров матрицы на примере **16** законченных текстовых фрагментов (по **4** текста, соответственно, художественного, публицистического и научного стиля). Мы выбрали, на наш взгляд наиболее репрезентативные примеры, понимая, что столь небольшое количество текстовой выборки недостаточно для релевантных статистических выводов. Однако объём настоящего исследования не позволяет включить около пяти сотен текстов полной выборки из НКРЯ. Кроме того, здесь мы демонстрируем только начальную стадию задуманного нами проекта масштабного контент-аналитического сопоставительного исследования роли текстокогерентной словообразовательной матрицы в формировании словообразовательной связности текстов разных жанров, дальнейшее развитие которого входит в перспективы дальнейшей работы.

Мы постарались, чтобы выбранные нами в качестве примера тексты отличались как тематическим разнообразием, так и разнообразием представленных в них моделей словообразовательной текстовой связности.

Сравнительному анализу подвергаются такие свойства текстокогерентной словообразовательной матрицы, как *длина*, *ширина*, *плотность* и *концентрированность*, обоснованные выше, в первой, теоретической главе исследования. Здесь, на наш взгляд, имеет смысл еще раз привести расшифровку значений основных параметров анализа.

Длина определяется наибольшим объемом звеньев словообразовательной последовательности, т.е. имеется в виду самая длинная словообразовательная последовательность определенного фрагмента текста. Этот показатель характеризует возможность словообразовательных единиц участвовать в формирова-

нии текстовой прогрессии.

Ширина сводится к общему количеству словообразовательных последовательностей, выделенных в данном фрагменте текста. Этот показатель характеризует общий (высокий, средний или низкий) уровень представленности в тексте словообразовательных последовательностей как комплексных средств словообразовательной связности.

Плотность словообразовательной матрицы определяется установлением отношения количества слов и словоформ (звеньев), входящих в состав словообразовательных последовательностей, к общему количеству слов анализируемого фрагмента текста. Этот показатель характеризует общий (высокий, средний или низкий) уровень представленности в тексте слов и словоформ в роли элементарных единиц словообразования (производных слов, словообразовательных пар, фрагментов однокорневых и разнокорневых словообразовательных последовательностей) в пределах комплексных средств словообразовательной связности.

Концентрированность словообразовательной матрицы определяется установлением отношения общего числа словообразовательных последовательностей («ширины») и общего числа производных слов и словоформ. Этот показатель характеризует уровень внутренней системной организации словообразовательных средств текстовой связности, т.е. меру структурированности элементарных словообразовательных единиц (слов и словоформ), объединяемых в состав словообразовательных последовательностей.

Длина, ширина, плотность и концентрированность матрицы – это статистические параметры уровня сложности и насыщенности словообразовательных единиц в пределах анализируемого фрагмента текста, и потому они являются объективными показателями, которые можно установить количественно. Ниже приводится примерный образец расчетов длины, ширины, плотности и концентрированности матрицы на примере фрагмента из текста П.Я. Чаадаева:

*Народы — в такой же мере **существа** нравственные, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как отдельных **людей** воспитывают годы.*

*Но мы, можно сказать, некоторым образом — народ исключительный. Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав **человечества**, а существуют лишь для того, чтобы **дать** миру какой-нибудь важный урок. **Наставление**, которое мы призваны **преподать**, конечно, не будет потеряно; но кто может сказать, когда мы обретем себя среди **человечества** и сколько бед суждено нам испытать, прежде, чем исполнится наше **предназначение**?* (П.Я. Чаадаев)

В данном тексте всего 44 производных слов, производящих слов в составе словообразовательной пары и слов, включающих словообразовательные или формообразующие форманты, потенциально способные участвовать в выражении словообразовательной связности. Общее количество непосредственно участвующих в словообразовательной связности (в составе матрицы) словообразовательных единиц 12.

В тексте представлены следующие словообразовательные последовательности:

1) *люди* (исходная форма *человек*) – *человечество* (однокорневая словообразовательная последовательность: словообразовательная пара)

2) *наставление* – *предназначение* (разнокорневая одномодельная словообразовательная последовательность: фрагмент словообразовательного типа)

3) *отдельный* – *исключительный* (разнокорневая одномодельная словообразовательная последовательность: фрагмент словообразовательной категории)

4) *дать* – *преподать* (однокорневая словообразовательная последовательность: словообразовательная пара)

5) *существовать* – *существо* (однокорневая словообразовательная последовательность: словообразовательная пара)

Длина (максимальное число слов / словоформ в какой-либо словообразовательной последовательности) – **2** словообразовательные единицы. Это довольно низкий показатель.

Ширина (количество словообразовательных последовательностей) – **5** словообразовательных последовательностей. Это довольно низкий показатель.

Плотность (отношение общего числа связующих словообразовательных единиц в составе последовательностей к общему числу единиц в тексте) – $12 : 44 = 0,27$. Это средний показатель.

Концентрированность (отношение количества словообразовательных последовательностей и общего числа словообразовательных единиц) – $5 : 12 = 0,41$. Это довольно высокий показатель.

В анализируемом тексте словообразовательная связность в целом реализована на среднем уровне, но это стало возможным за счет того, что в нем активно представлены средства связности других уровней языка, в основном лексические: повторы, слова одной тематической группы, квазисинонимические ряды и квазиантонимические пары, родовидовые отношения лексем, анафорические местоимения и пр.

I. Текстогерентная словообразовательная матрица в текстах художественного стиля. Анализируется 4 законченных текстовых фрагмента среднего объема ± 270 слов из произведений И. Шмелева, И.С. Тургенева, А.П. Чехова и И.А. Бунина.

1) Отрывок из повести «Лето Господне» И. Шмелева (273 слова):

*Я просыпаюсь, **радостный**, меня ослепляет блеском и в этом блеске – веселый **звон**. Сразу я не могу понять, отчего такой **блеск и звон**. Будто еще во сне – **звонкие золотые яблочки**, как в **волшебном саду**, из сказки. Открываю опять глаза – и вдруг вспоминаю: да это **Пасха!**.. яркое утро, солнце, **пасхальный звон!**.. Розовый накомодник, вышитый белыми цветами...его только на **Пасху** стелят! – яркие розы на иконе...**Пасха!** – и меня заливает **радостью**. На **столике** у постели - **пасхальные подарки**. **Серебряное портмоне** – **яичко** на **золотой цепочке**, а внутри **радостное**, и светится **золотой и серебрецо**, – подарил мне вчера отец. Еще большое **сахарное яйцо**, с **золотыми** большими буквами **Х. и В.**, а за **стеклышком** в **золотом овале**, за цветами бессмертника, - **радостная картина Христова Воскресения**. И еще – **золотисто-хрустальное яичко**, граненое все, **чудесное!** если в него смотреть, светится все, как в солнце, – веселое все, **пасхальное**. Смотрю через **яичко**, – ну до чего*

чудесно! Вижу окошечки, много солнц, много воздушных шариков, вместо одного, купленного на Вербе...множество веток тополя, много иконок и лампадок, комодиков, яичек, мелких, как зернышки, как драже. Отнимаю яичко, вижу: живая комната, красный шар, приклеившийся к потолку, на комод пасхальные яички - зеленые, красные, лиловые, луковые... А вон – жестяная птичка, в золотисто-зеленых перышках, – «водяной соловей, самопоющий»; если дуть через воду в трубочку, он начинает чвокать и трепетать. Пасха! .. – будет еще шесть дней, и сейчас будем разговляться, как и вчера, будет кулич и пасха...и еще будем, каждое утро будем, еще шесть дней...и будет солнце, и звон-перезвон, особенно радостный, пасхальный, и красные яички, и запах пасхи...а сегодня поедem в Кремль, будем смотреть соборы, всякие свято-сти...и будет еще хорошее... Что же еще- то будет? (И. Шмелев).

В формировании художественной целостности фрагмента, тема которого – изображение пасхального утра глазами ребенка, принимают участие средства словообразовательной последовательности. Не случайно в этой связи самые длинные разнокорневые словообразовательные последовательности в составе матрицы – фрагмент словообразовательной парадигмы уменьшительно-ласкательных существительных: *столлик, шарик, комодик, столлик + иконка, лампадка, трубочка, цепочка, птичка + окошечко, яичко, зернышко, перышко, стеклышко + серебрецо* (15 звеньев) и фрагмент словообразовательной парадигмы производных прилагательных в роли изобразительных и выразительных эпитетов (12 звеньев). Также важны в плане формирования текстовой словообразовательной связности разнокорневая последовательность производных безаффиксных отглагольных существительных – *звон, блеск, перезвон* и однокорневая словообразовательная последовательность, представленная фрагментом словообразовательного гнезда: *золотой, золотисто-хрустальный, золотисто-зеленый*. Входя в состав текстокогерентной словообразовательной матрицы, они, в комплексе с лексическими повторами ключевых единиц текста (*Пасха, пасхальный, радостный, золотой, звон, блеск, солнце, утро* и др.), создают главный художественный образ текста – *Пасха*, его смысловую перспективу

(предметный ряд уменьшительно-ласкательных слов) и образно-ассоциативный фон (признаковый ряд прилагательных, наречий и глаголов).

Всего в тексте 52 связующих словообразовательных единиц. Словообразовательных последовательностей – 13. Самая длинная последовательность включает в свой состав 15 звеньев.

Длина текстокогерентной словообразовательной матрицы (в дальнейшем – ТКСМ) – 15;

Ширина ТКСМ – 13;

Плотность ТКСМ – $52 : 273 = 0,20$;

Концентрированность ТКСМ – $13 : 52 = 0,25$.

2) Отрывок из рассказа «Бежин луг» (сборник «Записки охотника») И.С. Тургенева (289 слов).

Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром; она разливается кротким румянцем. Солнце – не огнистое, не раскаленное, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно-лучезарное – мирно всплывает над узкой и длинной тучкой, свежо просияет и погрузится в лиловый ее туман. Верхний, тонкий край растянутого облачка засверкает змейками; блеск их подобен блеску кованого серебра. Но вот опять хлынули играющие лучи, и весело и величаво, словно взлетая, поднимается могучее светило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглых высоких облаков, золотисто-серых, с нежными белыми краями. Подобно островам, разбросанным по бесконечно разлившейся реке, обтекающей их глубоко прозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогается с места; далее, к небосклону, они сдвигаются, теснятся, синевы между ними уже не видишь; но сами они так же лазурны, как небо; они все насквозь проникнуты светом и теплотой. Цвет небосклона, легкий, бледно-лиловый, не изменяется во весь день и круги? одинаков; нигде не темнеет, не густеет гроза; разве кое-где протянутся сверху вниз голубоватые полосы: то сеется едва заметный

дождь. К вечеру эти облака исчезают; последние из них, **черноватые** и неопределенные, как дым, ложатся розовыми клубами напротив **заходящего** солнца; на месте, где оно **закатилось**, так же **спокойно**, как **спокойно** вошло на **небо**, алое **сиянье** стоит недолгое время над потемневшей землей, и, **тихо** мигая, как **бережно** несомая **свечка затеплится** на нем вечерняя звезда. В такие дни краски все смягчены; **светлы**, но не яркие; на всем лежит печать какой-то трогательной **кротости**. В такие дни **жар** бывает иногда весьма силен, иногда даже "парит" по скатам полей; но ветер **разгоняет, раздвигает** накопившийся зной, и вихри-круговороты – несомненный признак постоянной погоды – высокими белыми столбами гуляют по дорогам через пашню (И. Тургенев).

В данном тексте в формировании художественной целостности текста, посвященного изображению мирной картины июльского дня на природе, участвуют прежде всего последовательности признакового типа: это разнокорневая словообразовательная последовательность, представленная фрагментом словообразовательного типа производных качественных наречий на –О: *ясно, мирно, свежо, весело, глубоко, величаво, спокойно, тихо, бережно, долго* (10 звеньев); разнокорневая словообразовательная последовательность, представленная словообразовательной категорией производных суффиксальных прилагательных в роли изобразительных эпитетов: *знойный, длинный, лазурный, нежный + светлый + огнистый*, к которым примыкает разнокорневая последовательность (фрагмент словообразовательного типа) с прилагательными со значением слабой степени выражения признака (фрагмент словообразовательного типа): *голубоватый, черноватый* – и со сложными прилагательными (фрагмент словообразовательного типа): *тускло-багровое, приветно-лучезарное, золотисто-серые, бледно-лиловые*. В создании образно-ассоциативного фона участвует разнокорневая последовательность уменьшительно-ласкательных существительных: *тучка, облачко, змейка, свечка*. Динамику действия создают разнокорневые глагольные последовательности возвратных глаголов: *разливаться, установиться, сдвигаться, тесниться, закатиться, изменяться* – глаголов со-

вершенного вида с семантикой изменения состояния: *густеть, темнеть* или действия в разные стороны *разгонять, раздвигать*. В формировании вещественной перспективы текста участвуют однокорневые последовательности: *свет – светлый – светись – светило; утро – утренний; небо – небесный – небо-склон*.

Всего в тексте 57 связующих словообразовательных единиц. Словообразовательных последовательностей – 14. Самая длинная последовательность включает в свой состав 10 звеньев.

Длина ТКСМ – 10;

Ширина ТКСМ – 14;

Плотность ТКСМ – $57 : 289 = 0,20$;

Концентрированность ТКСМ – $10 : 57 = 0,17$.

3) Отрывок из повести «Степь» А.П. Чехова (270 слов):

В то время, как Егорушка смотрел на сонные лица, неожиданно слышалось тихое пение. Где-то не близко пела женщина, а где именно и в какой стороне, трудно было понять. Песня тихая, тягучая и заунывная, похожая на плач и едва уловимая слухом, слышалась то справа, то слева, то сверху, то из-под земли, точно над степью носился невидимый дух и пел. Егорушка оглядывался и не понимал, откуда эта странная песня; потом же, когда он прислушался, ему стало казаться, что это пела трава; в своей песне она, полумертвая, уже погибшая, без слов, но жалобно и искренно убеждала кого-то, что она ни в чем не виновата, что солнце выжгло ее напрасну; она уверяла, что ей страстно хочется жить, что она еще молода и была бы красивой, если бы не зной и не засуха; вины не было, но она все-таки просила у кого-то прощения и клялась, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя...

Егорушка послушал немного, и ему стало казаться, что от заунывной, тягучей песни воздух сделался душнее, жарче и неподвижнее... Чтобы заглушить песню, он, напевая и стараясь стучать ногами, побежал к осоке. Отсюда он поглядел во все стороны и нашел того, кто пел. Около крайней

избы поселка стояла баба в короткой исподнице, *длинноногая и голенастая*, как цапля, и что-то *просеивала*; из-под ее решета вниз по бугру *лениво шла* белая пыль. Теперь было *очевидно*, что *пела* она. На сажень от нее *неподвижно* стоял маленький мальчик в одной сорочке и без шапки. Точно очарованный *песнею*, он не *шевелился* и глядел куда-то вниз, вероятно, на *кумачовую* рубаху Егорушки.

Песня стихла. Егорушка *попелся* к брочке и опять, от нечего делать, занялся стружкой воды. И опять *послышалась* тягучая *песня* (А.П. Чехов).

В данном тексте формирование художественной целостности текста, посвященного изображению поющей женщины на фоне жаркого степного утра, определяет сквозная, стержневая однокорневая последовательность, представленная фрагментом словообразовательного гнезда: *петь – песня – пение – напевать (напевая)* – именно она организует смысловую и эмоционально-экспрессивную перспективу изображаемого. В создании образно-ассоциативного фона участвуют прежде всего разнокорневые словообразовательные последовательности признакового типа: фрагмент словообразовательного гнезда наречий на -О-: *неожиданно, близко, жалобно, страстно, искренно, неподвижно, лениво, невыносимо* (8 звеньев) – и фрагмент словообразовательного гнезда слов категории состояния на -О-: *трудно, больно, грустно, жалко, очевидно*. В создании динамики действия участвуют разнообразные разнокорневые словообразовательные последовательности, представленные глаголами разных способов действия: а) *слышаться, носиться, шевелиться*; б) *прислушаться, оглянуться, б) послышаться, поплестись поглядеть*.

Всего в тексте 73 связующих словообразовательных единиц. Словообразовательных последовательностей – 14. Самая длинная последовательность включает в свой состав 8 звеньев.

Длина ТКСМ – 8;

Ширина ТКСМ – 14;

Плотность ТКСМ – $73 : 270 = 0,27$;

Концентрированность ТКСМ – 14 : 73 = 0, 19.

4) Отрывок из романа «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунина (299 слов):

Помню поездки к обедне, в Рождество. Тут все необычайно, празднично: кучер в желтой шелковой рубахе и плисовой безрукавке на козлах тарантаса, запряженного тройкой; отец с свежесвыбритым подбородком и по-городскому одетый, в дворянском картузе с красным околышем, из под которого еще мокро чернеют по-старинному, косицами начесанные от висков к бровям волосы, мать в красивом, легком платье со множеством оборок; я, напомаженный, в шелковой рубашечке, с праздничной напряженностью в душе и теле ...В поле уже душно, жарко, дорога среди высоких и недвижных хлебов узка и пылит, кучер барственно обгоняет мужиков и баб, тоже наряженных и тоже едущих к празднику. В селе весело замирает сердце от спуска с необыкновенно крутой каменистой горы и от новизны, богатства впечатлений: в селе мужицкие дворы все большие, зажиточные, с древними дубами на гумнах, с пасеками, с приветливыми, но независимыми хозяевами, рослыми, крупными однодворцами, а под горой извивается в тени высоких лозин, усеянных орущими грачами, глубокая черная речка, прохладно пахнущая и этими лозинами, и сыростью низины, на которой они растут. На противоположной горе, на которую поднимаешься, переехав каменный затонувший в светлых струях мост, на выгоне перед церковью – цветистое многолюдство: девки, бабы, гнутые, гробовые старики в чистых свитках и шляпах-черепенниках. А в церкви – теснота, теплая, пахучая жара от этой тесноты, от пылающих свечей, от солнца, льющегося в купол, и чувство тайной гордости: мы впереди всех, мы так хорошо, умело и чинно молимся, священник после обедни подает нам целовать пахнущий медью крест прежде всех, кланяется подобострастно... Во дворе старика Данилы, ласкового лешего с сивыми кудрями, с коричневой шеей, похожей на потрескавшуюся пробку, мы после обедни отдыхали, пили чай с теплыми лепешками и медом, горой наваленным в деревянную миску, и мне на всю жизнь запомнилось, – оскорбило! – что он однажды взял прямо своими черными не-

гнуцимся пальцами кусок *текущего, тающего янтарного* сота и положил мне в рот...(И.А. Бунин).

Здесь художественную целостность текста создает однокорневая словообразовательная последовательность: *помнить – запомниться*, члены которой обрамляют текст, находясь в его начале и конце, и тем самым создают смысловую перспективу текста, выражая его идею – воспоминание о детстве. Впечатление радости и праздника создает однокорневая словообразовательная последовательность – словообразовательная пара: *праздник – праздничный*. Образно-ассоциативный фон организуют разнокорневые последовательности: представленная фрагментом словообразовательной категории – рядом суффиксальных прилагательных с синонимическими суффиксами: *праздничный, каменный, янтарный, тайный, деревянный + плюсовый, шелковый + каменистый, цветистый* (9 звеньев); представленная фрагментом словообразовательного типа производных наречий на –О: *необычайно, мокро, празднично, весело, прохладно, хорошо, необыкновенно, барственно, умело, чинно, подобострастно, душно, жарко* (13 звеньев) и приставочно-суффиксальных наречий: *по-городскому, по-старинному* (2 звена) .

Всего в тексте 104 связующих словообразовательных единицы. Словообразовательных последовательностей – 18. Самая длинная последовательность включает в свой состав 13 звеньев.

Длина ТКСМ – 13;

Ширина ТКСМ – 18;

Плотность ТКСМ – $104 : 299 = 0,35$;

Концентрированность ТКСМ – $18 : 104 = 0,17$.

Результаты анализа параметров ТКСМ в текстах художественного стиля графически представлены в **Табл. 2.1**.

Таблица 2.1.
Параметры текстокогерентной словообразовательной матрицы в художественных текстах

Параметры \ Примеры текстов	Текст 1	Текст 2	Текст 3	Текст 4	Среднее
Общее число слов в тексте	273	289	270	299	282,80

Общее число связующих с/о единиц	52	57	73	104	71,50
Длина ТКСМ	15	10	8	13	11,50
Ширина ТКСМ	13	14	14	18	14,75
Плотность ТКСМ	0,20	0,20	0,27	0,35	0,26
Концентрированность ТКСМ	0,25	0,17	0,19	0,17	0,20

II. Текстокогерентная словообразовательная матрица в текстах публицистического стиля. Анализируется 4 законченных текстовых фрагментов среднего объема ± 270 слов воспоминаний В.В. Шульгина, нехудожественной прозы В. Крупина, а также тексты из журнала «Второй съезд» и из газеты «Аргументы и факты».

1) Отрывок «Делайте богатых русских» из книги воспоминаний В.В. Шульгина (285 слов).

Нужны деньги. Поэтому нам нужно создавать богатых русских. Не только им не завидовать, а наоборот, радоваться их появлению; всячески их поддерживать, как своих естественных «национальных представителей».

Entendons nous! Надо понять, что богатые люди — это резервуар, из которого черпаются независимые. О, конечно, я не хочу этим сказать, что нельзя быть бедным и вместе с тем гордым, как испанец. Конечно, можно; но такие люди, ведь это — порода, находящаяся в родстве с Дон-Кихотом. Один Дон-Кихот — это прекрасно; для него всегда найдется «в сердце уголок»; но тысяча дон-Кихотов — национальное бедствие! Ведь они и себя-то прокормить не могут; и непременно попадут в тяжелую зависимость от голода и холода. А тысяча русских богачей (в том случае, если они получили разумное воспитание и душа их вытрена в сознании накладываемых на них их богатством обязанностей) может быть кладом. Им никому не нужно «кланяться». Они могут смель свое суждение иметь; и имеют возможность это свое суждение, при помощи опытных и талантливых русских писателей, ежедневно бросать в свет в миллионах экземпляров, составляя нужный и естественный противовес богачам еврейским. Этим, разумеется, не исчерпывается польза от богатых, независимых. Этот класс людей может быть ценной коллекцией якорей в тех случаях, когда государственный корабль мчится, уносимый течением. В этом потоке беспомощно барахтаются лю-

ди, имеющие ровно столько сил и времени, чтобы заработать хлеб насущный. Да и это ли одно? Чем была бы Россия и русская культура без так называемой «дворянской литературы»? А ведь эта литература обязана своим возникновением тем помещичьим усадьбам, о которых говорит Пушкинская Татьяна:

«... За полку книг, за дикий сад,/ За наше бедное жилище...»

В переводе на прозаический язык это «бедное жилище» обозначает материальную обеспеченность, которая дает свободу «мыслить и страдать», а также возможность свои незримые страдания превратить в общедоступные мысли и пустить их в обращение (В.В. Шульгин).

В формировании логической и эмоционально-экспрессивной целостности текста участвуют прежде всего однокорневые словообразовательные последовательности: *богатый, богач, богатство ↔ бедный, бедствие*, выражающие главную идею текста – противопоставление богатых и бедных, а также богатых русских богатым других национальностей. Модальную перспективу текста – модальность долженствования – обеспечивает однокорневая последовательность: *мочь, можно, возможность*. Они вступают в межпоследовательностные связи с разнокорневыми последовательностями, представленными прежде всего рядами слов с абстрактной семантикой: отглагольных существительных с суффиксом –(Е)НИ(Я)-: *появление, сознание, воспитание, суждение, течение, возникновение, страдание, обращение* (8 звеньев); отадъективных существительных с суффиксом –ОСТЬ: *зависимость, возможность, обязанность, обеспеченность* (4 звена), которые формируют вещественную основу аргументации авторской позиции. Признаковую детализацию создают последовательности с прилагательными отвлеченной семантикой, образованных по идентичным моделям: *бедный, разумный, опытный, ценный* + примыкающих к ним *национальный, материальный* + *естественный, государственный*, а также прилагательных с семантикой принадлежности – территориальной, социальной, индивидуальной: *русский – еврейский – европейский – дворянский – пушкинский*. В комплексе с словообразовательными средствами текстовую связность образуют лексические средства – многочисленные повторы ключевых слов: *русский, бо-*

гатый, бедный, национальный и др.

Всего в тексте 66 связующих словообразовательных единиц. Словообразовательных последовательностей – 18. Самая длинная последовательность включает в свой состав 8 звеньев.

Длина ТКСМ – 8;

Ширина ТКСМ – 18;

Плотность ТКСМ – $104 : 299 = 0,23$;

Концентрированность ТКСМ – $18 : 104 = 0,28$.

2) Отрывок «Главные черты русского характера» из публицистической прозы В. Крупина (275 слов).

Слово для русских язычников было равно грому небесному, оно могло воскресить, убить, ранить, могло дать счастье, сделать несчастным, прогоняло болезни, останавливало кровь, укрощало злых духов. Словами сопровождали посадку и уборку, все времена года, все виды работ. Заклинания усиливали мощь воинов в битве. На смену заговорам, заклинаниям, нашептываниям, закличкам, причитаниям Господь дал величайшее всепобеждающее оружие: крест и молитву. Магическое значение слов одушевлялось Божественным смыслом.

Именно молитва была главной в выработке главных черт русского характера, они таковы: чувство согласия, единения, уважения к старикам, почитание могил, мужество, помощь слабым, забота о природе, милосердие и мужество, чутье правды и истины, воспитание разума, открытость, незлобивость, терпение, усердие, добросовестность, прощение врагов, чувство долга и гостеприимство. Хитрость отсутствовала в русских, ибо нигде в молитве она не внушалась, напротив, была опознавательным знаком змия. Русские были простодушны, как полевые цветы. Эти качества вошли в сознание и подсознание, в состав национальной психики, в структуру генов, своими качествами русский не гордится, они – его естественная натура.

Так вот, задевая, искажая эти качества характера русского человека,

искажают его психику. Многое, например, **целомудрие**, **стыд** объявляются **смешными**, а это путь к трагедиям в семье и **разврату**, и тому подобное.

Вспомним **благословение**, с каким **выносятся** для чтения Евангелие. Таково было **отношение** русских к Слову, вера в него. И эту веру бесовски использовали **антирусские** силы. Самая откровенная **печатная** ложь читается с **доверием**, ведь это же напечатано, рассуждают люди. От лжи, которая сдается полуправдой, теряется ориентация, **ясность мышления**. Тем более добавляют охмуряющего **дымного** чада всякие "Костерки", "Массовые новости", "Всхлип газеты", повторяющие **визгливыми** голосами, что русский человек плохой **работник**, **раб**, ни на что не способен. Да, **русский** человек – **раб**, но **раб** Божий, в этом все дело, а враги **русского** человека – **рабы** куска, **кормушки**, **мафии**, **бича** (В. Крупин).

В формировании логической и эмоционально-экспрессивной целостности текста участвует однокорневая словообразовательная последовательность: *русский* ↔ *антирусский*, члены которой находятся, соответственно, в начальной и в завершающей частях отрывка. Она называет главное противопоставление текста. В аргументирующей части автор приводит развернутый перечень свойств и качеств идеального русского человека. Поэтому в формировании связности в этом фрагменте участвуют ряды слов с отвлеченной семантикой. Это разнокорневые словообразовательные последовательности, представленные фрагментами словообразовательных типов: а) отглагольных существительных с суффиксом –(Е)НИ(Ь)-: *заклинание*, *нашептывание*, *причитание*, *значение*, *единение*, *уважение*, *почитание*, *воспитание*, *терпение*, *прощение*, *сознание*, *подсознание*, *благословение*, *отношение*, *мышление* (15 звеньев), – к нему примыкают ряды слов с синонимичными суффиксами: *битва* – *молитва* + *закличка*, *выработка*; б) отадективных существительных с суффиксом –ОСТЬ: *открытость*, *незлобивость*, *добросовестность*, *хитрость*, *ясность* (5 звеньев) + примыкающие к ним отадективных существительных с суффиксом –И(Ь)-: *согласие*, *усердие*, *целомудрие*, *доверие* (4 звена); в) отглагольных безаффиксных существительных с варьирующимися моделями словообразования: *работа*, *забота*, *смена* +

мощь, помощь + заговор, стыд.

Всего в тексте 62 связующих словообразовательных единицы. Словообразовательных последовательностей – 20. Самая длинная последовательность включает в свой состав 15 звеньев.

Длина ТКСМ – 15;

Ширина ТКСМ – 20;

Плотность ТКСМ – $62 : 275 = 0,23$;

Концентрированность ТКСМ – $20 : 62 = 0,32$.

3) Отрывок из редакционной статьи в журнале «Второй съезд» (260 слов).

Россия остро нуждается в идеологии национального успеха, заявит он с трибуны съезда, в окружающем нас мире будущее уже наступило, и Россия должна стать его органичной частью, а не оставаться в стороне. Давайте забудем разногласия, вспомним наше великое прошлое, трезво оценим совершенные ошибки, в едином порыве примемся за работу и построим «подлинное социальное государство», основанное на экономических свободах. Сложность тут даже не в том, что платформа «Единой России», как и любая центристская программа, не очень конкретна и остается сводом благих намерений. И уж тем более не в том, что в представлениях партии о человеческом достоинстве не нашлось места для коренного принципа Свободы, понимаемой партийными идеологами лишь как личная безопасность граждан в сочетании с поощряемой предпринимательской активностью. Тут как раз всё в порядке: это и есть её "Единой России", практическое идеологическое предложение. Сложность в том, что идеология солидарного коллективного усилия, в том виде, в каком она сформулирована сегодня конструкторами партии путинского большинства, фактически предполагает отказ от федерального парламента как от политического института и ветви власти, в лучшем случае сохраняя за ним роль экспертного законотворческого совета. Поскольку в парламенте, где большинство принадлежит партии, официально представляющей единую неделимую нацию и мыслящей выражение национальных интересов своей основной и, в сущности, единственной партий-

ной задачей, в таком парламенте политическая полемика невозможна в принципе. Национальные интересы точно не могут являться предметом парламентских дебатов. Маргинальное меньшинство должно либо согласиться с монополией Партии и присоединиться к "коалиции национального успеха", либо оно будет записано в коалицию поражения. На самом деле интересов Народа, не совпадающих с интересами Государства, не существует, и в этом смысле государство и народ — это одно и то же (Журнал «Второй съезд»).

Текстовую связность этого текста на содержательном уровне формирует жанр программного политического заявления, поэтому в роли средств текстовой словообразовательной связности выступают однокорневые последовательности, включающие общественно-политическую лексику: а) *идеология – идеолог – идеологический*; б) *нация – национальный*; в) *партия – партийный*. Полемическое противостояние воплощается в использовании разнокорневых последовательностей, включающих лексику антонимического значения: *большинство – меньшинство; прошлое – будущее*. За детализацию признаков и свойств, присущих основным объектам и явлениям, декларируемым в тексте, отвечают разнокорневые последовательности: а) отглагольных существительных с суффиксом –(Е)НИ(Я)-: *намерение, предложение, выражение, поражение, представление* (5 звеньев); б) прилагательных с абстрактной семантикой – ряд прилагательных с суффиксальным элементом –АЛЬН-: *национальный, социальный, федеральный, маргинальный*, – и с суффиксом –(Е)СК-: *экономический, идеологический, практический, политический*. Динамический фон текста создает разнокорневая последовательность, представленная фрагментом словообразовательного типа безаффиксных отглагольных существительных: *работа, порыв, отказ, съезд*.

Всего в тексте 76 связующих словообразовательных единиц. Словообразовательных последовательностей – 23. Самая длинная последовательность включает в свой состав 5 звеньев.

Длина ТКСМ – 5;

Ширина ТКСМ – 23;

Плотность ТКСМ – $76 : 260 = 0,29$;

Концентрированность ТКСМ – $23 : 76 = 0,30$.

4) Отрывок из статьи В. Аркадьевой «Звездная дурь» в газете «Аргументы и факты» (277 слов).

*Все мы знаем – публичные люди тоже имеют право на **ошибки и вредные привычки**. Они так же **курят, выпивают**, дебоширят и даже грызут ногти! Одним словом, ни в кино, ни в шоу-бизнесе нет такой звезды, которая не наделена была бы каким-нибудь **пагубным пристрастием**. О самых **известных и вредных привычках публичных персон** в нашем материале.*

*Поскольку **знаменитостям**, имеющим **склонность к выпивке**, мы уже посвящали материал, начнем с одной из самых «невинных» и распространенных **привычек** в актерской среде – с **курения**.*

***Известно**, что **эксцентричный** британец Робби Уильямс за один концерт способен **повергнуть** в ужас **пожарных**. И **неудивительно** – на протяжении нескольких часов певец **выкуривает** две с половиной пачки сигарет, требуя в гримерку перед **выступлениями** четыре пепельницы, а на сцену — два **огнетушителя** и **поглотитель** запахов.*

*Что до **отечественных** звезд, то, например, **примадонна российской эстрады** Алла Пугачева вообще не расстаётся с пачкой сигарет, носит ее на груди в **специальной** сумочке. Одним словом, «**дымит по-черному**» и бросать пока не собирается. Впрочем, как-то она пыталась **покончить с пагубной привычкой**, даже кодировала себя от **никотиновой зависимости**, но **безуспешно**. Возможно, причина в том, что, бросив **курить**, Алла Борисовна начинала сильно полнеть, что ей не понравилось, потому она вновь взялась за сигарету.*

*Певица Ирина Аллегрова также не представляет свою **жизнь** без **табачного дыма**. Причем **курит** она и во время пресс-конференций, и на интервью, и даже в радиостудии. Обычно это крепкие сигареты, нормального размера.*

*Кстати, среди эстрадных артистов есть и табачные гурманы. Так, Ирина Понаровская предпочитает дорогие сигары и только по праздникам, Николай Расторгуев **раскуривает** трубку. Леонид Агутин курит только **дамские** сигареты, в которых якобы в два раза меньше никотина. А известная балерина Анастасия Волочкова, пропагандирующая здоровый образ жизни, покуривает кальян. Особенно ей нравится табак с клубничным и яблочным вкусом (В. Аркадьева).*

Логическую и эмоционально-оценочную связность текста формирует сквозная пятизвенная однокорневая словообразовательная последовательность, представляющая собой фрагмент словообразовательного гнезда с вершиной *курить*: *курить – выкуривать – раскуривать – покуривать – курение*; в вертикальную межпоследовательностную связь с ней вступает последовательность, включающая слова той же тематической группы: *выпивать – выпивка*. Наиболее детализировано представлена в тексте последовательность, формирующая признаковый фон – это разнокорневая последовательность, образованная фрагментом словообразовательного разряда, включающим производные прилагательные с одинаковым формантом – суффиксом –Н-: *вредный, пагубный, табачный, известный, клубничный, яблочный, эксцентричный, эстрадный, публичный* + прилагательные с морфонологическим вариантом данной морфемы – АЛЬН-: *специальный, нормальный* (всего 11 звеньев).

Всего в тексте 58 связующих словообразовательных единиц. Словообразовательных последовательностей – 18. Самая длинная последовательность включает в свой состав 11 звеньев.

Длина ТКСМ – 11;

Ширина ТКСМ – 18;

Плотность ТКСМ – $58 : 277 = 0,21$;

Концентрированность ТКСМ – $18 : 58 = 0,31$.

Результаты анализа параметров ТКСМ в текстах публицистического стиля графически представлены в **Табл. 2.2**.

Таблица 2.2.

*Параметры текстокогерентной словообразовательной матрицы
в публицистических текстах*

Параметры \ Примеры текстов	Текст 1	Текст 2	Текст 3	Текст 4	Среднее
Общее число слов в тексте	285	275	260	277	274,25
Общее число связующих с/о единиц	66	62	76	58	65,5
Длина ТКСМ	8	15	5	11	9,75
Ширина ТКСМ	18	20	23	18	19,75
Плотность ТКСМ	0,23	0,23	0,29	0,21	0,24
Концентрированность ТКСМ	0,28	0,32	0,30	0,31	0,30

III. Текстокогерентная словообразовательная матрица в текстах научного стиля. Анализируется 4 законченных текстовых фрагментов среднего объема ± 270 слов из статьи С.М. Толстой по лингвистике и Д.С. Лихачева о «Троице» Андрея Рублева, из словарной статьи о глазури в «Краткой химической энциклопедии» и из книги Г.Г. Дилигенского «Социально-политическая психология».

1) Отрывок из статьи С.М. Толстой «Мотивационные семантические модели и картина мира» по этнолингвистике (246 слов).

Регулярность мотивационных отношений проявляет себя в существовании мотивационных моделей, охватывающих не единичные пары слов, а целые классы слов — семантические поля. Мощност этих моделей, т.е. объем покрываемой ими лексической «массы», *может быть различной. Это могут быть такие обширные поля, как, например, названия деятеля, которые связаны регулярным мотивационным отношением с названиями действия (писать — писатель, учить — учитель и т. д.), или менее крупные лексические объединения, как наименования учреждений, которые могут регулярно приобретать значение «здание, в котором помещается учреждение» (школа, суд, больница и т. д.), причем возможна и обратная мотивация (ср. значение слова Кремль, Белый дом в выражениях: планы Кремля, реакция Белого дома и т. п.), или еще менее крупные лексические группы, как, допустим, названия мифологических персонажей, мотивированных «локативами» (ср. домовой, домовик, полевой, банник, водяной, леший и т. д.). Это могут быть и «предметные» поля, как, например, названия животных, которые могут с высокой*

степенью *регулярности* «*мотивировать*» названия растений (ср. растения *барашки, блошник, волчье лыко, воробейник, воронец, вороний глаз, дятлина, жабовник, журавельник, заячья капуста, козляк, кошачий горох, кротовик, кукушкины слезки, курячьи очи, львиный зев, лягушечник, медвежье ухо, мышинный горох, петушки, рачки, свинорой, собачник, соколка, ужовник, утичье молоко, чижик, щучка, ястребинка* и мн. др.). В первом случае *семантическое единство* слов в «*мотивированном*» поле носит *категориальный* характер и получает *формальное выражение* по большей части в *общей семантике, суффиксальной морфеме*. Во втором - *семантическое единство* носит *предметный характер* и *формально выражается* в *общности (принадлежности к одному семантическому полю) корневой (или «ключевой») морфемы*; в обоих случаях *возможно и полное формальное тождество мотивирующего и мотивированного слова* (С.М. Толстая).

Логическую связность данного текста, связанную с разворачиванием рационального обоснования проблемы мотивации в теории номинации, формирует сквозная, стрежневая пятизвенная однокорневая словообразовательная последовательность, представленная фрагментом словообразовательного гнезда: *мотивировать – мотивация – мотивационный – мотивированный – мотивирующий*. Логические отношения, развивающие основную мысль, выражены однокорневыми последовательностями: *регулярный – регулярно – регулярность; деятель – действие; выразить – выразиться – выраженный – выражение*.

За счет общих членов последовательностей: *регулярность, регулярный, регулярно* образуются вертикальные межпоследовательностные связи с разнокорневыми последовательностями, представленные разными словообразовательными типами: а) *регулярность, мощность, общность, принадлежность*; б) *мотивационный, регулярный, единичный, различный*; в) *регулярно, формально*. Понятийно-логическую, объектную основу текста создает разнокорневая последовательность отглагольных существительных с суффиксом –(Е)НИ(Ь): *отношение, существование, название, объединение, наименование, выражение, название* (7 звеньев). Признаковый фон рассуждения формируется разнокорне-

вой последовательностью с прилагательными с синонимическими суффиксами в терминологическом значении: *семантический, лексический, мифологический + категориальный, формальный.*

Всего в тексте 57 связующих словообразовательных единиц. Словообразовательных последовательностей – 21. Самая длинная последовательность включает в свой состав 7 звеньев.

Длина ТКСМ – 7;

Ширина ТКСМ – 21;

Плотность ТКСМ – $57 : 246 = 0,23$;

Концентрированность ТКСМ – $21 : 57 = 0,37$.

2) Отрывок из статьи Д.С. Лихачева о «Троице» Андрея Рублева (268 слов).

Лучшее и самое достоверное из произведений Рублева – это знаменитая «Троица».

Сергей Радонежский построил в своей обители Троицкий собор, в котором была поставлена затем икона Рублева «Троица», «дабы воззрением на святую Троицу побеждался страх ненавистной розни мира сего». Это был призыв к объединению всех русских людей – призыв, опиравшийся на глубокое философское осознание устройства мира, нравственной сплоченности людей.

Троичность была для Рублева не только законом геометрического построения Вселенной, его диалектики, но и идеальным выражением не замкнутой двойною связью любви, и любви разомкнутой, включающей в себя все мироздание. Три ангела собраны в треугольник, треугольник вписан в восьмигранник — символ вечности, все объединено в круге. Законы земного тяготения не властвуют в этой композиции. Ангелы как бы парят в воздухе, на одеждах их, как бы «дымом писанных», ложатся отблески небесной голубизны. В нежных ликах ангелов ясно ощущается высокая нравственная сила, способность полагать жизнь «за други своя».

Трое ангелов парят над землей, их обнаженные ступни не опираются на

землю, их тончайшие посохи – лишь символы **странничества**, напоминающие человеку, что он только **временно** здесь, на земле, и ничего не **сможет** унести с собой отсюда, кроме своей души и царящей в ней правды.

Отблеск голубого цвета – это опрокинутое в **человеческой** природе **небо**. **Жизненная мудрость** не отягощает ангелов, а делает их как бы возвышающимися над миром. И этому же вторит и **надмирное** сияние красок. И оттого, может быть, так **радостна грусть** рублевских ангелов. На **творение** это легко смотреть. Не **случайно** и сам Рублев писал свою «Троицу», «**неуклонно** взирающе на всечестные иконы, наполняясь **радости и светлости**».

В композиции Страшного суда во владимирском Успенском соборе Рублев точно так же **изображает** людей как бы в **предстоянии** перед **конечной ответственностью** за свою **жизнь** (Д.С. Лихачев).

Логическую целостность этого текст создается последовательным развертыванием противопоставления ‘земное – небесное’, в формировании которого участвуют однокорневые последовательности, образующие вертикальные межпоследовательностные связи: с одной стороны, *жизнь – жизненный, человек – человеческий*, с другой стороны, *вечный – вечность, небо – небесный*, которые интегрируются в последовательности, оба члена которой находятся в отношениях противопоставления: *мир – надмирный*. Символику геометрических форм воплощает разнокорневая последовательность сложных слов: *треугольник, восьмигранник*.

Логическую основу текстовой системы аргументации оставляют разнокорневые последовательности, включающие слова словообразовательного типа отвлеченных отглагольных существительных: *произведение, воззрение, объединение, осознание, выражение, построение, предстояние, творение* (8 звеньев) – и словообразовательного типа отвлеченных отадъективных существительных: *сплоченность, троичность, ответственность, радость, светлость, вечность, способность, мудрость* (8 звеньев). Признаковый фон аргументации детализуют слова разнокорневой последовательности прилагательных: *ненавистный,*

конечный, двойной, земной, вечный, небесный.

Всего в тексте 52 связующие словообразовательные единицы. Словообразовательных последовательностей – 19. Самая длинная последовательность включает в свой состав 8 звеньев.

Длина ТКСМ – 8;

Ширина ТКСМ – 19;

Плотность ТКСМ – $52 : 268 = 0,19$;

Концентрированность ТКСМ – $19 : 52 = 0,37$.

3) Отрывок из словарной статьи о глазури в «Краткой химической энциклопедии» (265 слов).

Глазурь – блестящий стекловидный слой в виде тонкой (0,1...0,3 мм) пленки, покрывающей поверхность керамического материала для придания ему красивого внешнего вида и повышения стойкости против коррозии. Сырьем для получения глазурей являются кварцевый песок, каолин, полевой шпат, мел, бура, оксиды свинца, борная кислота и др. Глазурь – тонкое стекловидное покрытие на керамических изделиях, получаемое при нанесении на них минеральных композиций с последующим обжигом изделий при высоких температурах. Глазурь придает керамическим изделиям водонепроницаемость, предохраняет от загрязнений, действия кислот и щелочей, а также используется в декоративных целях. По составу и характеру строения глазури – стекловидный твердый раствор кремнезема и глиноземо-щелочных силикатов и окислов металлов. Глазури делят на тугоплавкие и легкоплавкие. Тугоплавкие глазури применяются для покрытия фарфора, санитарного фаянса и полуфарфора. Легкоплавкие глазури применяются для покрытия фаянса, керамических и майоликовых изделий. Так как многие компоненты легкоплавких глазурей растворимы в воде, то смесь этих компонентов предварительно сплавляется, после чего расплав выливается в воду, а затем размалывается. Для окрашивания глазурей в их состав вводятся красящие окислы или соли металлов, которые при сплавлении растворяются в глазури с образованием цветных силикатов. Для получения белой глазури в состав легкоплавкой

глазури добавляют криолит, *двуокись* олова или циркония. Непрозрачной белой *глазурью* покрывают *печные* кафели, изразцы, *стенные* плитки, блюда, сосуды и др.

Нанесение размолотой в воде глазурной массы на сырые или предварительно обожженные керамические пористые изделия производится: окуна-нием в водную суспензию глазури; распылением из пульверизатора; кистью или припудриванием порошком. Изделия с нанесенной на них глазурью подвер-гаются сушке, а затем обжигу. Коэффициент расширения глазури должен быть близок к коэффициенту расширения керамического материала, и при обжиге и охлаждении глазурь не должна давать трещин и откалываться от поверхности изделия (Краткая химическая энциклопедия).

Логическую целостность данного текста, связанную с идеей последова-тельного научного описания свойств химического вещества, выражает ше-стизвенная однокорневая словообразовательная последовательность, включа-ющая слова с общим семантическим признаком главного способа пригото-вления этого вещества – плавки: *сплавляться, сплавление, сплав, расплав, туго-плавкий, легкоплавкий*, которая представляет все стадии этого действия: про-цесс, результат, признаки и свойства. Разнокорневая словообразовательная по-следовательность отвлеченных отглагольных существительных на –(Е)НИ(Ж)-: *придание, повышение, получение, нанесение, загрязнение, строение, окрашива-ние, образование, сплавление, охлаждение, припудривание, окунание, распыле-ние, расширение* (14 звеньев) – образует вещественную основу логической ар-гументации, осуществляет ее детализацию.

Всего в тексте 57 связующих словообразовательных единиц. Словообра-зовательных последовательностей – 20. Самая длинная последовательность включает в свой состав 14 звеньев.

Длина ТКСМ – 14;

Ширина ТКСМ – 20;

Плотность ТКСМ – $57 : 265 = 0,22$;

Концентрированность ТКСМ – $20 : 57 = 0,35$.

4) Отрывок из книги Г.Г. Дилигенского «Социально-политическая психология» (253 слова).

Психология исторических деятелей – монархов и государственных лидеров, вождей партий и массовых движений, министров и революционеров – одна из наиболее древних и в то же время наиболее молодых сфер научных исследований. Люди, внесшие заметный вклад в историю, всегда вызывали интерес у своих современников и потомков. И этот интерес никогда не ограничивался тем, что делали эти люди на политической и общественной арене. Известный деятель всегда привлекает внимание именно как личность – всем своим психологическим, нравственным и интеллектуальным обликом, мотивами своих действий, своими прозрениями и просчетами. Жанр исторической биографии со времен Плутарха – едва ли не самый популярный в историографии; герои всемирной истории вновь и вновь становятся персонажами романов, пьес, кинофильмов.

Психология политиков – это и совсем новая, переживающая еще младенческий период область знаний. Ибо первые попытки применить к исследованию их личностей данные, понятийный аппарат и концепции психологической науки относятся к середине и второй половине нашего века. В этом сказались и относительная молодость самой этой науки, и совсем недавнее ее «вторжение» в сферу политики. Сегодня не имеет смысла рассуждать о сравнительных достоинствах традиционных – научно-исторических и художественных – и новых, научно-психологических методов: эти новые методы только начинают разрабатываться. Более того, позволительно усомниться в том, что, даже достигнув в будущем гораздо большего совершенства, они смогут превзойти по своим познавательным возможностям методы традиционные. Любая личность и тем более личность выдающегося деятеля целостна и уникальна, а эти ее целостность и уникальность скорее «улавливаются» языком, мышлением и интуицией добросовестного и объективного историка или умного и талантливого беллетриста, чем психолога, «рассекающего» целостную личность на некую сумму ее структурных ком-

понентов и классифицирующего ее по теоретически разработанной им типологии (Г.Г. Дилигенский).

Логическая целостность данного научного текста, представляющего собой научный тип развернутого определения понятия 'научно-психологический метод в истории' через описание его признаков, организована сложным пересечением и взаимобратимым схождением трех однокорневых последовательностей: а) *психология – психологический – научно-психологический*; б) *история – исторический – научно-исторический – историк – историография*; в) *наука – научный – научно-исторический – научно-психологический*, – которые, за счет своих общих членов (выделенных полужирным шрифтом) находятся в вертикальном межпоследовательностном взаимодействии между собой, при этом указанные общие члены сами образуют разнокорневую последовательность сложных слов: *научно-исторический – научно-психологический*, – создавая интегрирующую межпоследовательностную связь.

Похожий параллелизм, образованный одновременно двумя рядами однокорневых, и двумя рядами разнокорневых словообразовательных последовательностей, повторяется в другом месте матрицы: с одной стороны: *целостный – целостность + уникальный – уникальность* (две однокорневые), с другой стороны: *целостный – уникальный* и *целостность – уникальность* (две разнокорневые).

В свою очередь, указанные разнокорневые последовательности сам являются членами более длинных разнокорневых последовательностей, соответственно, отадъективных существительных: (*целостность, уникальность*) + *возможность*, и производных прилагательных: *структурный, умный, (целостный), объективный, понятийный + (уникальный) + традиционный + государственный, общественный* (9 звеньев). В результате в текстокогерентной словообразовательной матрице текста образуется сложная и иерархически организованная система логических связей между компонентами, обеспечивающая глубину и разноплановость развертывания главной идеи текста.

Всего в тексте 56 связующих словообразовательных единиц. Словообра-

зовательных последовательностей – 22. Самая длинная последовательность включает в свой состав 9 звеньев.

Длина ТКСМ – 9;

Ширина ТКСМ – 22;

Плотность ТКСМ – $56 : 253 = 0,22$;

Концентрированность ТКСМ – $22 : 56 = 0,39$.

Результаты анализа параметров ТКСМ в текстах научного стиля графически представлены в **Табл. 2.3**.

Таблица 2.3.

Параметры текстокогерентной словообразовательной матрицы в научных текстах

Параметры \ Примеры текстов	Текст 1	Текст 2	Текст 3	Текст 4	Среднее
Общее число слов в тексте	246	268	265	253	258,00
Общее число связующих с/о единиц	57	52	57	56	55,50
Длина ТКСМ	7	8	14	9	9,50
Ширина ТКСМ	21	19	20	22	20,50
Плотность ТКСМ	0,23	0,19	0,22	0,22	0,22
Концентрированность ТКСМ	0,37	0,37	0,35	0,39	0,37

Результаты количественно-качественного анализа текстокогерентных словообразовательных матриц в текстах художественного, публицистического и научного стилей были обобщены и графически представлены в сводной **Табл.2.4**.

Таблица 2.4.

Параметры текстокогерентной словообразовательной матрицы в художественных, публицистических и научных текстах (сравнительный анализ)

Параметры \ Примеры текстов	Художественный стиль	Публицистический стиль	Научный стиль	Среднее значение
Общее число слов в тексте	282,80	274,25	258,00	271,68
Общее число связующих с/о единиц	71,50	65,50	55,50	64,17
Длина ТКСМ	11,50	9,75	9,50	10,25
Ширина ТКСМ	14,75	19,75	20,50	18,33
Плотность ТКСМ	0,26	0,24	0,22	0,24
Концентрированность ТКСМ	0,20	0,30	0,37	0,29

Далее была осуществленная качественная интерпретация полученных статистических данных.

В процессе анализа матриц текстов различных стилей было выявлено, что характеристики матриц находятся в прямой зависимости от факторов двух типов. **Факторы первого порядка**, напрямую влияющие на свойства матрицы, – это факторы субъективного характера, к которым можно отнести, например, жанр, тематику и проблематику конкретного текста, особенности индивидуально-авторской манеры (насыщенность текста сложными словами, однокорневыми образованиями, окказионализмами и т.п.). Принадлежность же текста к определенному функциональному стилю, что можно характеризовать как фактор объективного характера, все же относится, скорее, к **факторам второго порядка**, не в полной мере определяющим числовые параметры текстокогерентных словообразовательных матриц.

Надо также принять во внимание и относительную условность числовых показателей, полученных в результате анализа на довольно малом текстовом материале, недостаточность этого материала для исчерпывающих и полных выводов относительно возможностей словообразовательных единиц языка участвовать в роли средств текстовой связности в текстах, принадлежащих к разным стилям.

Однако все же полагаем, что некоторые закономерности, возможно, нам удалось обнаружить. Прежде всего, надо уяснить смысл каждого параметра с точки зрения возможностей оценки меры словообразовательной связности в текстокогерентной матрице текста.

Параметр *длины ТКСМ* (максимальное число звеньев в словообразовательной последовательности), на наш взгляд, является самым индивидуальным, самым зависимым от субъективных факторов, которые редко поддаются статистической интерпретации: в каждом тексте, даже в каждом законченном фрагмент он свой и варьируется в достаточно широких пределах, независимо от стилевой принадлежности. С другой стороны, он отражает и такие объективные свойства словообразовательной системы национального языка, как продуктивность словообразовательных моделей или словообразовательный потенциал отдельных основ. Поэтому единственно, что может представлять интерес в

этом плане, – это выяснение возможностей самой системы языка образовывать словообразовательные последовательности разной длины, установление, например, какой максимальной длины могут быть однокорневые матрицы (нами эмпирически установлено, что не больше 8-10) или разнокорневые матрицы (достигают 15- 20 звеньев).

Параметр *ширины ТКСМ* (количество последовательностей) также зависим, скорее, от субъективных факторов, хотя здесь, например, можно установить определенную статистическую зависимость этого показателя от «степени логичности», точнее, эксплицированности логических отношений, в тексте, так как словообразовательные связи отражают эксплицитные мотивационные логические связи между понятиями, называемыми словами, естественным образом.

В наших данных это можно увидеть по резкой противопоставленности текстов художественного стиля (показатель 14,75), наименее «логичным» в узком смысле слова, – текстам публицистического и научного стилей (соответственно, 19,75 и 20,50).

Параметр *плотности ТКСМ* (отношение количества связующих словообразовательных единиц в составе последовательностей к общему числу слов в тексте) отражает, скорее, общий системно-языковой показатель соотношения слов и словоформ, формирующих словообразовательную связность, и всех слов текста, который от стилевой принадлежности не зависит, а определяется возможностями системы.

Наши данные показали, что в текстах разных стилей он примерно одинаков и колеблется вокруг 0, 24 (это, похоже, средний показатель по языку вообще). Он тоже по-своему интересен – этот параметр, в частности, может означать, что в русском языке, как в языке с развитым морфологическом словообразованием, в формировании словообразовательной связности участвует около четверти всех слов текста).

Самый интересный в плане функционально-стилевой квалификации текста параметр *концентрированности ТКСМ* (отношение количества последовательностей к количеству слов, входящих в состав последовательностей в каче-

стве их звеньев) важен в том плане, что он показывает меру системно-структурной организации матрицы, меру структурированности словообразовательных единиц в тексте.

Так, эта мера самая низкая у художественного текста (0,2), средняя – у публицистического текста (0,30) и высокая – у художественного текста (0,37). Тому, как эти показатели могут быть связаны со стилевой принадлежностью, можно дать следующую интерпретацию.

Художественный текст располагает значительным и разнообразнейшим арсеналом средств текстовой связности, среди которых словообразовательная связность, как наиболее эксплицитная и явная и в силу этого обладающая меньшим потенциалом художественной выразительности, занимает не самое первое место.

Художественный текст предпочитает использовать неявные, образные, ассоциативные средства имплицитной связности на глобальном уровне текстовой связности. К тому же связность художественного текста имеет особый, эстетически значимый характер и отличается скорее качественным разнообразием, чем количественной однородностью.

Научный текст, ориентированный на логическую мотивирующую связность как главный признак, как правило, предпочитает максимально эксплицитно прояснить существующие логические связи: поэтому, в частности, столь разнообразны в нем средства синтаксической связности, напрямую ориентированные на логику.

Среди же средств связности других языковых уровней наиболее приспособлены для решения такой задачи как раз средства словообразовательной связности, у большинства из которых в языке имеется рационально прозрачная и прогнозируемая, регулярная модель отношений между словами, а логическая мотивированность, как правило, очевидна и выражена эксплицитно.

Публицистический текст закономерно занимает на этой условной шкале среднее, промежуточное положение, потому что совмещает в себе, с одной стороны, задачи максимальной, в том числе рационально-логической аргумента-

ции, обоснования авторской идеи, а с другой стороны – задачи экспрессивно-оценочного воздействия на адресата посредством образных средств.

Таким образом, сравнительный анализ полученных данных позволяет заключить, что параметр концентрированности текстокогерентной словообразовательной матрицы, действительно, может служить одним из диагностических показателей стилевой принадлежности того или иного текста.

ВЫВОДЫ

Словообразовательные последовательности, как однокорневые, так и разнокорневые, вступают в тексте в разнообразные отношения и образуют тем самым структурно организованное целое – текстокогерентную словообразовательную матрицу как комплексное средство текстовой словообразовательной связности. Тексткогерентные словообразовательные матрицы имеют структурно-семантические особенности своей реализации в текстах разных стилей.

Сложно организованные горизонтальные (внутри последовательностей), вертикальные (межпоследовательностные) и интегрирующие связи в тексткогерентной словообразовательной матрице в текстах художественного стиля играют значительную роль в формировании художественной целостности текста и его имплицитной глобальной связности ассоциативно-образного типа.

Публицистический текст так же, как и художественный, демонстрирует богатство и разнообразие сложно организованных горизонтальных (внутри последовательностей), вертикальных (межпоследовательностных) и интегрирующих связей в тексткогерентной словообразовательной матрице, которые подчинены иной задаче: детально и подробно выразить и аргументировать мысль автора, систему авторских оценок, добившись при этом максимального экспрессивного эффекта. В целом эксплицитная словообразовательная связность имеет в текстах публицистического стиля большую плотность и насыщенность, чем в художественном тексте

В составе тексткогерентных словообразовательных матриц научных текстов также присутствуют самые разнообразные словообразовательные по-

следовательности, непосредственно связанные между собой вертикальной межпоследовательностной связью посредством всевозможных повторов, параллелизмов и наложений, что позволяет матрице максимально эксплицировать текстовую целостность логического типа.

Сравнительный количественно-качественный анализ свойств текстокогерентных словообразовательных матриц (длины, ширины, плотности и концентрированности) в текстах разных стилей показал, что такие параметры, как длина матрицы и плотность матрицы, в малой степени значимы для определения стилевой принадлежности текста, хотя сами по себе могут дать интересные результаты в плане выявления общих свойств словообразовательной системы языка.

Анализ ширины матрицы позволил в известной степени противопоставить художественный текст публицистическому и научному по мере эксплицированности логических отношений в тексте: меньшая ширина матрицы в художественном тексте доказывает меньшую степень явности, эксплицированности словообразовательной связности.

Анализ концентрированности матрицы оказался наиболее показательным, так как он также позволил установить зависимость этого показателя от уровня максимальной эксплицированности логических мотивирующих связей в тексте, который оказался закономерно низким для художественных текстов, средним для публицистических текстов и высоким для текстов научных.

В целом мы можем сделать вывод, что значения тех или иных параметров текстокогерентной словообразовательной матрицы может иметь определенную значимость для определения стилевой принадлежности текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование конкретного материала, представленного текстами художественного, публицистического и научного стилей в Национальном корпусе русского языка, подтвердило основную гипотезу исследования, состоявшую в том, что числовые значения параметров длины, ширины, плотности и концентрированности текстокогерентной словообразовательной матрицы являются одним из диагностических показателей стилевой принадлежности того или иного текста.

Полностью реализованы цель и задачи исследования – осуществлен комплексный структурно-семантический количественно-качественный анализ особенностей реализации текстокогерентных словообразовательных матриц состоит в художественных, публицистических и научных текстах современного русского языка.

В процессе исследования получены следующие результаты.

Проведенный анализ научной литературы позволил дать теоретическую характеристику одной из наиболее значимых категорий текста – категории связности, под которой понимается объединение текстовых элементов в одно целое, являющееся результатом взаимодействия смыслового, коммуникативного и структурного аспекта. Показано, что в формировании связности текста активно участвуют словообразовательные единицы, которые функционируют как эксплицитные средства создания связности текста, а также выражают имплицитную логическую связь его глубинных пропозиций.

Главную роль в формировании текстовой словообразовательной связности играют комплексные единицы словообразования, представляющие собой классы слов, сходных по значимому словообразовательному признаку. Комплексные единицы системы словообразования формируются противопоставлениями разного рода: соотношением однокоренных слов (однокорневые) и соот-

ношением слов, имеющих разные корни, но одно и то же словообразовательное строение (разнокорневые, одно модельные).

Поскольку в формировании текстовой связности участвуют разнообразные комбинации словообразовательных единиц языка, нам понадобилось обобщающее понятие, объединяющее элементы разных в структурном или семантическом отношении словообразовательных единиц по принципу участия в формировании текстовой связности данного фрагмента текста. Для этого в нашей работе было обосновано и введено в научный оборот понятие *словообразовательная последовательность*.

Было теоретически обосновано, что словообразовательные последовательности могут быть однокорневыми, если они представлены фрагментами словообразовательных цепочек, парадигм или гнезд, и разнокорневыми (одно модельными), если они представлены фрагментами словообразовательных типов, категорий, рядов или разрядов.

Также было теоретически доказано, что словообразовательные последовательности разных типов объединяются в тексте в роли комплексного средства словообразовательной текстовой связности, для обозначения которого было обосновано и введено в научный оборот новое научное понятие *текстокогерентная словообразовательная матрица*. Текстокогерентная словообразовательная матрица является не просто совокупностью всех словообразовательных последовательностей текста – она выступает как система, обладающая только ей присущими свойствами и выполняющая определенные функции.

Это позволило обосновать концепцию исследования, которая заключается в сравнительном анализе основных видов и способов словообразовательной связности, представленных разными типами словообразовательных последовательностей, в текстах разных стилей, который состоит в качественном и количественном сопоставлении характеристик текстокогерентных словообразовательных матриц.

Для анализа средств словообразовательной текстовой связности на смысловом, структурном и коммуникативном уровнях были взяты фрагменты тек-

стов русского языка художественного, научного и публицистического стилей из текстового массива Национального корпуса русского языка.

Исследование особенностей структурно-семантической организации текстокогерентной словообразовательной матрицы в художественном, публицистическом и научном текстах позволило выявить определенные черты сходства и различия в характере функционирования матриц в формировании словообразовательной связности текста и в мере насыщенности текстов разных стилей средствами выражения словообразовательной связности.

Анализ структурно-семантической организации текстокогерентной словообразовательной матрицы в художественном тексте показал, что сложно организованные горизонтальные (внутри последовательностей), вертикальные (межпоследовательностные) и интегрирующие связи в текстокогерентной словообразовательной матрице играют значительную роль в формировании художественной целостности текста и его имплицитной глобальной связности ассоциативно-образного типа, за счет локальной словообразовательной связности, актуализованной возникающими в тексте системно-структурными отношениями между словообразовательными единицами различных видов.

Анализ структурно-семантической организации текстокогерентной словообразовательной матрицы в публицистическом тексте показал, что в целом публицистический текст так же, как и художественный, демонстрирует богатство и разнообразие сложно организованных горизонтальных, вертикальных и интегрирующих связей в текстокогерентной словообразовательной матрице, которые подчинены иной задаче: детально и подробно выразить и аргументировать мысль автора, систему авторских оценок, добившись при этом максимального экспрессивного эффекта. Выявлено, что мы имеем дело с целостностью текста, скорее, логического и эмоционально-экспрессивного типа, средства связности в большей мере эксплицитные, большую роль играют повторы и перифрастические наименования одного и того же явления.

Анализ структурно-семантической организации текстокогерентной словообразовательной матрицы в научном тексте показал, что в составе текстоко-

герентных словообразовательных матриц также присутствуют самые разнообразные словообразовательные последовательности, непосредственно связанные между собой вертикальной межпоследовательностной связью посредством всевозможных повторов, параллелизмов и наложений, что позволяет матрице максимально эксплицировать текстовую целостность логического типа.

Следующим этапом исследования текстокогерентных словообразовательных матриц как средства словообразовательной связности текстов разных стилей стал обобщающий сравнительный структурно-семантический и количественно-качественный анализ свойств текстокогерентных словообразовательных матриц разного типа. Сравнительному анализу были подвергнуты такие свойства текстокогерентной словообразовательной матрицы, как длина, ширина, плотность и концентрированность. Статистические данные анализа были обобщены и графически представлены в виде таблиц.

Далее была осуществленная качественная интерпретация полученных статистических данных.

Выяснилось, что такой параметр, как длина матрицы (максимальное число звеньев в словообразовательной последовательности), в малой степени значим для определения стилевой принадлежности текста, хотя сами по себе может дать интересные результаты в плане выявления общих свойств словообразовательной системы языка. В частности, он отражает такие объективные свойства словообразовательной системы национального языка в целом, как продуктивность словообразовательных моделей или словообразовательный потенциал отдельных основ.

К схожему выводу мы пришли и при анализе параметра плотности матрицы, который отражает, скорее, общий системно-языковой показатель соотношения слов и словоформ, формирующих словообразовательную связность, и всех слов текста, который от стилевой принадлежности не зависит, а определяется возможностями системы. Наши данные показали, что в текстах разных стилей он примерно одинаков. Это позволило выдвинуть предположение, что данный показатель является средним для русского языка вообще и что он обна-

руживает важную статистическую закономерность, согласно которой в русском языке, как в языке с развитым морфологическим словообразованием, в формировании словообразовательной связности участвует около четверти всех слов текста).

Анализ ширины матрицы показал, что можно установить определенную статистическую зависимость этого показателя от «степени логичности», точнее, эксплицированности логических отношений, в тексте: в наших данных это можно увидеть по резкой противопоставленности низкого значения показателя в текстах художественного стиля, наименее «логичных» в узком смысле слова, высокому значению данного показателя в текстах публицистического и научного стилей.

Самым интересным в плане функционально-стилевой квалификации текста оказался параметр концентрированности матрицы (отношение количества последовательностей к количеству слов, входящих в состав последовательностей в качестве их звеньев), который непосредственно указывает на меру системно-структурной организации матрицы, меру структурированности словообразовательных единиц в тексте.

Выяснилось, что этот показатель – самый низкий у художественного текста, средний – у публицистического текста и высокий – у научного текста. Благодаря этому была установлена зависимость числового значения этого показателя от уровня максимальной эксплицированности и развернутости логических мотивирующих связей в тексте.

В частности, выяснилось, что уровень эксплицированности, развернутости логических связей оказался закономерно низким для художественных текстов, связность которых часто ориентируется на имплицитный, образно-ассоциативный способ формирования, высоким для научных текстов, где как раз важна максимальная экспликация логической основы текстовой связности, и средним для публицистических текстов, которые совмещает в себе, с одной стороны, задачи максимальной, в том числе рационально-логической аргументации, обоснования авторской идеи, а с другой стороны – задачи экспрессивно-

оценочного воздействия на адресата посредством образных средств.

Таким образом, осуществленный в исследовании сравнительный анализ полученных данных привел к вводу, что свойства текстокогерентной словообразовательной матрицы могут рассматриваться в качестве одного из диагностических показателей стилевой принадлежности того или иного текста.

Настоящее исследование является лишь начальным этапом задуманного нами проекта масштабного контент-аналитического сопоставительного исследования роли текстокогерентной словообразовательной матрицы в формировании словообразовательной связности текстов разных жанров, что позволяет наметить перспективы дальнейшей работы.

Дальнейшие перспективы связаны с продолжением намеченной программы исследований на большем массиве текстов художественного, публицистического и научного стилей современного русского языка и дальнейшим расширением текстовой базы исследования за счет включения в нее текстов официально-делового стиля, философского и религиозного дискурсов, а также других культурно-значимых видов дискурсивной практики, которые характерны для современного состояния социальной стратификации русского языка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

1. www.ruscorgpora.ru (Национальный корпус русского языка)

Научная и научно-методическая литература

2. Абрамов, В.П. Синтагматика семантического поля / В.П. Абрамов. – Краснодар: Академия пед. и соц. наук, 1998. – 337 с.
3. Аврасин, В. М. Характеристика текста и система стилевых черт / В. М. Аврасин // Сб. научн. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза, 1973. – Вып. 73. – 152 с.
4. Адмони, В. Г. Грамматика и текст / В. Г. Адмони // Вопросы языкознания. – 1985. – № 1. – С. 63– 65.
5. Алексеев, А.Я. Эмоциональность, экспрессивность и словообразование / А.Я. Алексеев // Словообразование и его место в курсе обучения иностранным языкам. – Владивосток, 1977. – Вып.4. – С. 43– 49.
6. Алимпиева, Р.В. Семантическая значимость слова и структура лексико–семантической группы: На материале прилагательных – цветообозначений рус. яз. / Р.В. Алимпиева. – Л.: Издательство ЛГУ, 1986. – 177 с.
7. Алферов, А.В. Интеракциональный дейксис как средство организации речевого взаимодействия (на материале французского языка): автореф. дис. ... док. филол. наук / А.В. Алферов. – М., 2001. – 16 с.
8. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика / Ю.Д. Апресян // Избранные труды. – М.: Языки русской культуры, 1995. – Т. 1. –318 с.
9. Арнольд, И.В. О контекстуальном значении и семантической структуре слова / И.В. Арнольд // Английская филология. – Л.: Ученые записки Ленинградского государственного пединститута, 1965. – С.18– 41.

10. Арнольд, И.В. О термине «семантическая структура слова» / И.В. Арнольд // Актуальные проблемы лексикологии. – Новосибирск, 1969. – Вып. 2. – Ч. 2. – С.159–162.
11. Арнольд, И.В. Лексико–семантическое поле в языке и тематическая сетка текста / Арнольд И.В. // Текст как объект комплексного анализа в вузе. – Л.: ЛГУ, 1984. – С. 3–11.
12. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 339 с.
13. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: Логико–семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. –383 с.
14. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 895 с.
15. Байдакова, Т.Н. Словообразовательные цепочки и номинативные ряды с локативным значением / Т.Н. Байдакова // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: Тез. докл. II республиканской конференции, 25–26 сентября. – Гродно, 1986. –Ч.1. – С. 141–143.
16. Балалыкина, Э.А. Русское словообразование / Э.А. Балалыкина, Г.А. Николаева. – Казань: Изд–во Казан.ун–та, 1985. – 184 с.
17. Баранник, Д.Х. Текст как высшая форма реализации коммуникативной функции речи и его основные единицы / Д.Х. Баранник /Семантические и коммуникативные категории текста (Типология и функционирование): Тезисы докл. Всесоюзной научной конференции. – Ереван, 1990.
18. Барлас, Л. Г. Русский язык. Стилистика / Л. Г. Барлас. – М.: Просвещение, 1978. – 255 с.
19. Барлас, Л.Г. Источники текстовой выразительности / Л.Г. Барлас // Проблемы экспрессивной стилистики. – Ростов, 1987. – С. 30–35.
20. Бахмутова, Е.А. История приставочного образования соотносительных по виду глаголов в русском языке / Е.А. Бахмутова. – М., 1963. – 139 с.

21. Блинова, О.И. Фактор мотивированности и вариантность слова / О.И. Блинова. – М.: Высшая школа, 1974. – 108 с.
22. Блинова, О.И. Мотивационное значение слова и его статус / О.И. Блинова // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. – Гродно, 1986. – Ч.1. – С.46–49.
23. Бодуэн де Куртене, И.А. Введение в языкознание: сб. задач по «Введению в языкознание» / И.А. Бодуэн де Куртене. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 320 с.
24. Бойко, Б.Л. Формы существования языка и текст / Б.Л. Бойко // Методы сопоставительного изучения языков. – М., 1988. – С. 71–76.
25. Бондарко, А.В. Грамматическая категория и контекст / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1978. – 115 с.
26. Бондарко, А. В. Формообразование, словоизменение и классификация морфологических категорий. На примере русского языка / А.В. Бондарко // Вопросы языкознания. – 1991.– № 2. – С. 3–14.
27. Бортник, Г.В. Переносные значения слов в словопроизводной паре «существительное–прилагательное» / Г.В. Бортник // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. – Гродно, 1986. – Ч.1. – С.220–222.
28. Бочкарев, А.Е. Изотопия как способ оформления субстанции содержания / А.Е. Бочкарев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – М., 2008. – С.78.
29. Будагов Р.А. Художественное произведение и его язык / Р.А. Будагов // Филологические науки. – 1985. – №4. – С. 3–16.
30. Будагов, Г.А. Человек и его язык / Г.А. Будагов. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 429 с.
31. Булыгина, Т. В. Человек о языке (метаязыковая рефлексия в лингвистических текстах) / Т. В. Булыгина, Шмелев А. Д. // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. – М.: Языки славянской культуры, 1997. – С. 146–161.

32. Булыгина, Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи / Т. В. Булыгина // *Аспекты семантических исследований*. – М.: Наука, 1980. –С. 320– 355.
33. Булыгина, Т.В. О границах и содержании прагматики / Т. В. Булыгина // *Изв. АН СССР: Сер. лит. и яз.* – М., 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 333– 342.
34. Бурвикова, Н.Д. К вопросу о лингвистических единицах текста / Н.Д. Бурвикова // *Синтаксис текста*. – М.: Наука, 1979. –С. 103– 112.
35. Быкова, Л.А. Современный русский язык. Морфемика и словообразования / Л.А. Быкова. – Харьков: Вища школа, 1974. – С.95.
36. Вайнрих, Х. Лингвистика лжи / Х. Вайнрих // *Язык и моделирование социального взаимодействия*. – М.: Наука, 1993. – С. 44–87.
37. Ваганова Е. Н. Корреференция и коннекция как основные свойства смысловой и структурной организации текста: дис. ... канд. филол. наук. / Е. Н. Ваганова. – Н.Новгород, 2006. – 231 с.
38. Валгина, Н.С. Теория текста: Учебное пособие / Н.С. Валгина. – Москва: Изд-во МГУП «Мир книги», 1998. – 210 с.
39. Варакин, Л.А. Семантический аспект русской глагольной префиксации / Л.А. Варакин. – Екатеринбург, 1996. – 238 с.
40. Васильев, Л.М. Современная лингвистическая семантика / Л.М. Васильев. –М.: Высш. школа, 1990. – 75 с.
41. Васильев, Л.М. Словообразовательные значения, значимости и функции как типы языкового знания // *Словообразовательная и номинативная деривация в славянских языках: Тезисы докл. II республиканской конференции*. – Гродно, 1986. – Ч.1. – С. 21–23.
42. Васильева, А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль речи / А.Н. Васильева. – М.: «Русский язык», 1976. – 192 с.
43. Васильева, А.Н. Некоторые вопросы словообразования в русском языке и в русской разговорной речи / А.Н. Васильева // *Исследования по стилистике*. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1971. – Вып. 3. – С. 3–24.

44. Вендина, Т.Н. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания / Т.Н. Вендина // Вопросы языкознания. – 2002. – №4. – С.42–73.
45. Вержбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вержбицкая / Отв. ред, сост. М.А. Кронгауз. – М.: Русские словари, 1999. –С. 41.
46. Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 3–е изд., исп. / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1986.– 639 с.
47. Виноградов, В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – М.: Новое слово, 1977. – 312 с.
48. Виноградов, В.В. История слов / В.В. Виноградов. – М.: Просвещение, 1994. – 438 с.
49. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – М.: Изд–во АН СССР, 1963. – 256 с.
50. Виноградова В.Н. Стилистика словообразовательно мотивированного слова / В.Н. Виноградова // Русский язык. – М.: Наука, 1987. – С. 175–192.
51. Виноградова, В.Н. Стилистические средства словообразования / Виноградова В.Н. // Стилистические исследования. – М.: Наука, 1972. – 201 с.
52. Виноградова, В.Н. Стилистический аспект русского словообразования / В.Н. Виноградова. – М.: Наука, 1984. – 183 с.
53. Виноградова, В.Н. Стилистика русского языка. Жанрово–коммуникативный аспект стилистики текста / В. Н. Виноградова, Т. Г. Винокур, Л. И. Еремина и др. – М. : Наука, 1987. – 236 с.
54. Винокур, Г.О. Заметки по русскому словообразованию / Г.О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. – М.: Государственное учебно–педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959. – С. 419–442.
55. Винокур, Г.О. Избранные работы по русскому языку / Г.О. Винокур. – М., 1959. – 419 с.

56. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн. – М.: Гнозис, 1994. – Ч.1. – 264 с.
57. Воборжил Л. Лексические и другие средства когезии текста: на материале русского договора. Электронный ресурс. / Л. Воборжил (<http://www.rusistika.upol.cz/publikace/voborilkohezekoherence.pdf>). 1998. – 10 с.
58. Волохина, Г.А. Русские глагольные суффиксы: семантика, функции / Г.А. Волохина, З.Д. Попова. – Воронеж: Истоки, 2007. – 86 с.
59. Гак, В.Г. К проблеме семантической синтагматики / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1971. – С. 367– 395.
60. Гак, В.Г. Новые слова и новые словари / В.Г. Гак // Новые слова и словари новых слов. – Л.: Книга, 1983. – С. 15– 29.
61. Гак, В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания / В.Г. Гак // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. – М.: Наука, 1977. – С. 78– 96.
62. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 144 с.
63. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / общ. ред., послесл. и коммент. Л.М. Скрелиной / Г. Гийом. – М.: Прогресс, 1992. – 224 с.
64. Герд, А.С., Захаров В. П. Национальный корпус русского языка в свете проблем современной филологии // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика—2004». – Санкт–Петербург: СПбГУ, 2004. – С. 122.
65. Гиндин, С. И. Что такое текст и лингвистика текста / С. И. Гиндин // Аспекты изучения текста. – М.: Наука, 1981. –С. 25– 32.
66. Гинзбург, Е.Л. Словообразование и синтаксис / Е.Л. Гинзбург. – М.: Наука, 1979. –264 с.
67. Гловинская, М.Я. О зависимости морфемной членимости слова от степени его синтагматической фразеологизации. / М.Я. Гловинская // Развитие современного русского языка. – М.: Наука, 1975. – 264 с.

68. Голев, Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации / Н.Д. Голев. – Томск: Изд-во ТГУ, 1989. – 245 с.
69. Головин, Б.Н. Словообразовательная типология русских приставочных глаголов / Б.Н. Головин // Славянское языкознание: Сб. научн. трудов. – М.: Наука, 1959. – С. 44–52.
70. Горелов, И.Н. Основы психолингвистики / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 1998. – 190 с.
71. Горшков, А.И. Русская стилистика: Учеб. пособие / А. И. Горшков. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 367 с.
72. Гулыга, Е.В. О компонентном анализе значимых единиц языка / Е.В. Гулыга // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 29–314.
73. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт; Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
74. Долинин, К.А. Интерпретация текста / К.А. Долинин. – М.: Наука, 1985. – 304 с.
75. Драганова, Г.В. О прагматическом аспекте художественного текста / Г.В. Драганова // Сб. Семантико–синтаксическая организация предложения и текста: Межвузовский сборник научных трудов. – Грозный, 1980. – С. 66–70.
76. Думбрэвяну, И.М. О понятии продуктивности в словообразовании / И.М. Думбрэвяну // Функционально–семантический аспект языковых единиц разных уровней: Романо–германская филология, межвуз.сборник. – Кишинев, 1986. – С.16–21.
77. Дымарский, М.Я. О лингвистическом статусе сложного синтаксического целого / М.Я. Дымарский // Текстовый аспект в изучении синтаксических единиц: межвуз. сб. науч. тр. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1990. – С. 70–86.

78. Дымарский, М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX –XX вв.) / М.Я. Дымарский. – СПб., 2001. – 298 с.
79. Ермакова, О.П. Проблемы лексической семантики производных и членимых слов / О.П. Ермакова. – М.: Наука, 1982. –137 с.
80. Ермакова, О.П. Значение морфем в составе сложных слов / Ермакова О.П. // Морфемика. Принципы и методы системного описания. – Л.: ЛГУ, 1987. – С. 59– 65.
81. Жаналина, Л.К. О содержании и средствах выражения словообразовательного значения / Л.К. Жаналина // Филологические науки. – 1992. – №4. – С.62– 74.
82. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации / Н. И Жинкин. – М.: Политиздат, 1982. – 250 с.
83. Жирмунский, В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В.М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1977. – 408 с.
84. Земская, Е.А. Заметки по современному русскому словообразованию / Е.А. Земская // Вопросы языкознания. – 1965. – № 3. – С. 102– 110.
85. Земская, Е.А. Словообразование как деятельность.– Изд. 2. / Е.А. Земская. –М.: КомКнига, 2005. –224 с.
86. Земская, Е.А. Современный русский язык. Словообразование / Е.А. Земская. – М.: Наука, 1981. – 304 с.
87. Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
88. Зубкова, Л.Г. Общая теория языка в развитии: учеб. пособие / Л.Г. Зубкова. – М: Изд-во РУДН, 2003. – 472 с.
89. Иванова, Е.И. Лексико–семантическая сетка в структурно семантической и коммуникативно прагматической организации текста: автореф. дис. ... канд.филол.наук / Иванова Е.И. – Иркутск, 2000. – 16 с.
90. Иванова, О.Е. Контекст: слово в языке и словаре / О.Е. Иванова // Русская речь. – 1994. – №3. – С.39–44.

91. Ильенко, С.Г. Синтаксические единицы в тексте / С.Г. Ильенко. – Л.:ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1989. – 84 с.
92. Ионова, С.В. Когнитивный подход к исследованию текстовой эмотивности / С.В. Ионова // Вестник ВолГУ. Сер.2. Филология, журналистика. – Волгоград, 2000. – Вып.5. – С. 116–121.
93. Ионова С.В. Роль эмоций в процессе текстообразования: структурно-семантический аспект / С.В. Ионова // Эмотивный код языка и его реализация: Коллектив. монография. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 120–134.
94. Казак, М.Ю. Интегративный подход к описанию словообразовательного гнезда / М.Ю. Казак // Вестник БГУ. Серия: Филология. Журналистика. – Белгород, 2004. – №2. – С.25.
95. Каменская, О.Л. Текст и коммуникация / О.Л. Каменская. – М.: Высш. шк., 1990. – 152 с.
96. Карасик, В.И. Значение слова: определение и толкование / В.И. Карасик // Коммуникативные аспекты значения: межвуз. сб. науч. работ. – Волгоград: Волга, 1990. –С. 58–67.
97. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – Изд. 5–е, стер. / Ю.Н. Караулов. – М.: КомКнига, 2006. –261 с.
98. Караулов, Ю.Н. Структура лексико семантического поля / Ю.Н. Караулов // Филологические науки. –М.,1972. –№1. –С. 57–68.
99. Кардович, И.К. Связность в научно–техническом тексте: автореф.дис. ... канд. филол.наук / И.К. Кардович. – М., 2001. –16 с.
100. Катагощина, Н.А. Как образуются слова во французском языке / Н.А.Катагощина; Предисл. И.Б. Воронцовой.– Изд. 2–е, стереотипное.– М.: Ком Книга, 2006. – 112 с.
101. Катлинская, Л.П. Проблема слова и словообразование / Л.П. Катлинская // Филологические науки. – 2003. – №3. – С.102–111.
102. Катлинская, Л.П. Место семантики в описании русского словообразования / Л.П. Катлинская // Филологические науки. – 1995. – №4. – С. 12.

103. Катоянц, С.В. Эпическая функция обстоятельств времени и места в структуре текста / С.В. Катоянц // Сб. научных трудов МГПИИЯ. – М.: МГПИИЯ, 1982. – Вып. 189. – С. 50–66.
104. Кацнельсон, С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. – Изд. 2. / С.Д. Кацнельсон; Под общ. ред. В.М. Жирмунского. – М.: УРСС, 2004. – 108 с.
105. Кацнельсон, С.Д. Общее и типологическое языкознание / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1986. – 344 с.
106. Кечик, Е.В. Семантика языковых единиц / Е.В. Кечик. – Л.: Наука, 1975. – 278 с.
107. Ким, О.М. К изучению семантической структуры словообразовательного гнезда / О.М. Ким // Актуальные проблемы русского словообразования: Тезисы V республиканской научно–теоретической конференции: Ч.1. – Самарканд, 1987. – С.76–78.
108. Кистанова, М.А. Некоторые вопросы современного словообразования / М.А. Кистанова // Проблемы лингвистического анализа. – М.: Наука, 1969. – С. 90– 02.
109. Клоков, В.Г. Символический компонент значения в семантике языковых единиц / В.Г. Клоков, Е.А. Алексеева // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж: ВАорГУ, 2001. – Вып.1. – С. 34–39.
110. Кобрин, Н.А. Понятийные категории и их реализация в языке / Н.А. Кобрин // Понятийные категории и их языковая реализация. – Л.: ЛГУ, 1989. – С. 40–49.
111. Ковалик И.И. Вопросы славянского существительному словообразования. – М.: Изд–во Львов. ун–та, 1958. – С. 10–11.
112. Колшанский, Г.В. Контекстная семантика / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1980. – 148 с.
113. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 174 с.

114. Костомаров, В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики / В. Г. Костомаров. – М. : Гардарики, 2005. – 287 с.
115. Кравченко, А.В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейкитичность. Индексальность / А.В. Кравченко. – Иркутск: ИрГУ, 1992. – 212 с.
116. Кронгауз, М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика / М.А. Кронгауз. – М.: Языки славянской культуры, 1999. – 156 с.
117. Кубрякова, Е.С. Основы морфологического анализа слова / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1974. – 178 с..
118. Кубрякова, Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
119. Кубрякова, Е. С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования / Е.С. Кубрякова // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – М., 2002. – Т. 61. – № 1. – С.13– 24.
120. Кубрякова, Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1986. – 156 с.
121. Кубрякова, Е.С. Производное как особая единица системы языка / Е.С. Кубрякова // Теория языка. Англистика. Кельтология. – М.: Наука, 1992. – С.76– 84.
122. Кубрякова, Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М.: Просвещение, 1996. – С.141– 173.
123. Кузнецов, А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу / А.М. Кузнецов. – М.: Наука, 1986. – 124 с.
124. Кудрина, Н.А. Поликатегориальность глаголов звучания в русском и французском языках / Н.А. Кудрина // Актуальные проблемы языкознания и методики обучения иностранным языкам. Материалы международной конференции. – Воронеж, 2000. – С.115.

125. Кумлева, Т.М. Коммуникативная установка художественного текста и ее лингвистическое воплощение / Т.М. Кумлева // Филологические науки. – 1988. – №3. – С. 59–66.
126. Курилович, Е. Заметки о значении слова / Курилович Е. // Очерки по лингвистике. – М.: Прогресс, 1962. – С. 448–449.
127. Левковская, К.А. О специфике префиксации в системе словообразования. Вопросы грамматического строя / К.А. Левковская. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С.190.
128. Левковская, К.А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. – Изд. 2-е, стереотипное / К.А. Левковская – М.: КомКнига, 2005. – 296 с.
129. Лейкина, Б.М. Некоторые аспекты характеристики валентностей / Б.М. Лейкина // Доклады на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста / Институт научной информации АН СССР. – М.: Наука, 1961. – Вып. 5.
130. Леонтьев, А.А. Признаки связности и цельности текста // Лингвистика текста. Материалы научной конференции. – М.: Высш. школа, 1979.
131. Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. – М.: Книга, 1979. – 372 с.
132. Лопатин, В.В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания / В.В. Лопатин. – М.: Наука, 1977. – 315 с.
133. Лопатин, В.В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании / В.В. Лопатин // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1975. – С. 53–57.
134. Лопатин, В.В. Словообразовательные средства субъективно-оценочной прагматики высказывания и текста / В.В. Лопатин // Русский язык: языковые значения в функциональном и эстетических аспекта: Виноградовские чтения. – М.: Наука, 1987. – 235 с.
135. Лотман, Ю.М. Анализ художественного текста / Ю.М. Лотман. – Л.: Просвещение, 1972. – 271 с.

136. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
137. Лурия, А.Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1979. – 320 с.
138. Ляпон, М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений / М. В. Ляпон. – М.: Наука, 1986. – 199 с.
139. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М., 2003.
140. Максимов, В.И. Структура и членение слова / В.И. Максимов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. – 147 с.
141. Максимов, В.И. Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке / В.И. Максимов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. – 224 с.
142. Максимова, А.А. К вопросу об употреблении прилагательных в тексте / А.А. Максимова // Проблемы лингвистического анализа текста и лингводидактические задачи. – Иркутск, 1983. – С.37.
143. Малинович, Ю.М. Прагматика текста и составляющих его единиц / Ю.М. Малинович // Проблемы лингвистического анализа текста и лингводидактические задачи. – Иркутск, 1983. – С.3–6.
144. Мартынов, В.В. Категории языка: Семиологический аспект / В. В. Мартынов. – М.: Наука, 1982. – 192 с.
145. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В.А. Маслова. 2-е изд. – М.: ТетраСистемс, 2005. – 256 с.
146. Мельчук, И. А. Русский язык в модели «Смысл–текст» / И. А. Мельчук. – М.: Школа «Языки русской культуры»; Вена: Венский славистический альманах, 1995. – 682 с.
147. Милославский, И.Г. К вопросу о морфеме как значимой единице языка / И.Г. Милославский // Филологические науки. – 1969. – № 2. – С. 74–82.
148. Милославский, И.Г. О регулярном приращении значения при словообразовании / И.Г. Милославский // Вопросы языкознания. – 1975. – №6. – С. 62–65.

149. Михневич, А.Е. О взаимодействии семантики и синтаксиса (Понятийная категория и ее языковое выражение) / А. Е. Михневич // Филологические науки. – 1969. – №6. – С.101–108.
150. Моисеев, А.И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке. Учеб. пособие / А.И. Моисеев; ЛГУ им. А.А.Жданова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – 207с.
151. Мороховская, Э.Я. Взаимодействие грамматических категорий в тексте / Э.Я. Мороховская // Текст и его категориальные признаки: Сб.науч.тр. – Киев: КГПИИЯ, 1989. – С.101-108 .
152. Москальская, О.И. Грамматика текста: пособие по грамматике немецкого языка для институтов и факультетов иностранных языков / О.И. Москальская. – М.: Высшая школа, 1981. – 117 с.
153. Москальская, О.И. Семантика текста / О.И. Москальская // Вопросы языкознания. – 1980. – №6. – С. 32–42.
154. Мурзин, Л.Н. Текст и его восприятие / Л.Н. Мурзин, А. С. Штерн. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. –172 с.
155. Мурясов, Р.З. Некоторые вопросы словообразовательной структуры слова / Р.З. Мурясов // Вопросы языкознания. – 1974. – №4. – С. 97–105.
156. Мурясов, Р.З. О словообразовательном значении и семантическом моделировании частей речи / Р.З. Мурясов // Вопросы языкознания. – 1976. – №5. – С. 126–137.
157. Мурясов, Р.З. Словопроизводство и грамматические категории / Р.З. Мурясов // Вопросы языкознания. – 1979. – №3. – С. 60–69.
158. Мышкина, Н.Л. Динамико–системное исследование смысла текста / Н.Л. Мышкина. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. – 212 с.
159. Насилов, Д.М. Уровни семантической абстракции и соотношение языковой и внеязыковой семантики в функциональной грамматике / Д.М. Насилов // Проблемы функциональной грамматики. – М.: Наука, 1985. – С. 120–132.

160. Немченко, В.Н. Некоторые замечания о семантике производной лексики и структурных элементах слова / В.Н. Немченко // Актуальные проблемы русского словообразования: Материалы III республ. науч. конференции: Ч. 2. – Ташкент, 1980. – С. 7–11.
161. Немченко, В.Н. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие для вузов / В.Н. Немченко. – М.: Просвещение, 1984. – 255 с.
162. Никитевич, В.М. Слово и морфема как единицы значения и выражения / В.М. Никитевич. – М.: Наука, 1984. – 53 с.
163. Никитин, М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика) / М.В. Никитин. – М.: Высш. шк., 1983. – 127 с.
164. Николаева, Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы / Т.М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. Вып. VIII. – М.: Прогресс, 1978. – С.13.
165. Николина, Н. А. Филологический анализ текста / Н. А. Николина. – М.: Академия, 2003. – 256 с.
166. Новиков, А.И. Семантика текста и ее формализация / А.И. Новиков. – М.: Наука, 1983. – 215 с.
167. Новиков, А.И. Лингвистические и экстралингвистические элементы семантики текста / А.И. Новиков // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. – М.: Наука, 1982. – С.10–22.
168. Новицкая, И.М. К синтаксису связного текста: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / И.М. Новицкая. – Л., 1973. – 16 с.
169. Ноздрина, Л.А. Взаимодействие грамматических категорий в художественном тексте: автореф. дисс... док. фил. наук / Л.А. Ноздрина. – М., 1997. – 17 с.
170. Одинцов, В. В. Стилистика текста / В. В. Одинцов. – М.: Наука, 1980. – 280 с.
171. Орлова, О.А. Роль словообразовательных средств в формировании когерентности текста в немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Орлова О.А. – Нижний Новгород, 2002. – 150 с.

172. Падучева, Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е.В. Падучева. – М.: Наука, 1985. – 111 с.
173. Падучева, Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке / Е.В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 1996. 464 с.
174. Плотникова, С.Н. Стилистические функции морфологических средств в художественном тексте / С.Н. Плотникова // Проблемы лингвистического анализа текста и лингводидактические задачи. – Иркутск: ИрГУ, 1983. – 360 с.
175. Плунгян, В. А. Национальный корпус русского языка: 2006–2009. Новые результаты и перспективы / В. А. Плунгян. – СПб.: Нестор–История, 2009. – 502 с.
176. Плунгян, В.А. Зачем мы делаем национальный корпус русского языка? / В.А. Плунгян // Отечественные записки. – 2005. – №2. – С. 296–308.
177. Поляков, М.Я. Вопросы поэтики и художественной семантики / М. Я. Поляков. – М. : Совет. писатель, 1986. – 480 с.
178. Поспелов, Н.С. Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке / Поспелов Н.С. // Ученые записки МГУ. – М.: Изд-во МГУ, 1948. – Вып. 137. – Кн. 2. – С. 31–41.
179. Рахимов, С.Н. Проблема дейксиса как категория сопоставительной грамматики / С.Н. Рахимов // Филологические науки. – 1986. – №3. – С. 62–69.
180. Реферовская, Е. А. Коммуникативная структура текста в лексико – грамматическом аспекте / Е. А. Реферовская // Отв. ред. А. В. Бондарко. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. – 167 с.
181. Романова Т.В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе / Т.В. Романова. – СПб.: Изд-во С.– Петерб. ун-та, 2003.
182. Самрина, Г.И. Структурно–семантические особенности фразеологических сочетаний типа «прилагательное+существительное» / Г.И. Самрина //

- Проблемы лингвистического анализа текста и лингводидактические задачи. – Иркутск: ИрГУ, 1983. – Ч.2. – С. 59–61.
183. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир // Под ред. и с предисловием докт. филол. наук, проф. А. Е. Кибрика. – М.: Прогресс, 2002. – 655 с.
184. Смирницкий, А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. – М.: Высшая Школа, 1998. – 260 с.
185. Соболева, П.А. О структуре словообразовательного форманта / П.А. Соболева // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М.: Наука, 1969. – 206 с.
186. Соболева, П.А. Аппликативная грамматика и моделирование словообразования. – М.: Наука, 1970. – 130 с.
187. Соболева, П.А. Словообразовательная полисемия и омонимия / П.А. Соболева. – М.: Наука, 1980. – 295 с.
188. Солганик, Г.Я. О синтаксической структуре текста / Г.Я. Солганик // Русский язык в школе. – 1984. – № 5. – С. 80–85.
189. Соссюр, Ф. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр // Пер. с франц. под ред. А.А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
190. Степанов, Ю.С. Функции и глубинное / Ю.С. Степанов // Вопросы языкознания. – 2002. – № 5. – С. 3–18.
191. Степанова, М.Д. Словообразование, ориентированное на содержание и некоторые вопросы анализа лексики / М.Д. Степанова // Вопросы языкознания. – 1966. – № 6. – С. 48–59.
192. Стернин, И.А. Значение слова и его компоненты / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2003. – 180 с.
193. Стернин, И.А. Контрастивная лингвистика / И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2004. – 188 с.
194. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. Члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.

195. Тер–Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер–Минасова. – М: Слово, 2000. – 220 с.
196. Тихонов, А.Н. Гнездо однокоренных слов как многоуровневая единица // Актуальные проблемы русского словообразования: Тезисы V республиканской научно–теоретической конференции: Ч.1. / А.Н. Тихонов. – Самарканд, 1987. – С. 11–114.
197. Тихонов, А.Н. О семантической соотносительности производных и производящих основ / А.Н. Тихонов // Вопросы языкознания. – 1967. – №1. – С. 112–120.
198. Тихонов, А.Н. Семантические проблемы изучения словообразовательного гнезда / А.Н. Тихонов // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. – М.: Ин–т Языкознания, 1974. – С.118.
199. Тихонов, А.Н. Проблемы изучения комплексных единиц системы словообразования / А.Н. Тихонов // Актуальные проблемы русского словообразования: Сб. науч. ст. – Ташкент, 1982. – С. 3–14.
200. Тихонов, А.Н. Словообразовательное гнездо как единица системы словообразования и как единица сравнительного изучения славянских языков / А.Н. Тихонов // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М.: Наука, 1987. – С. 104 – 111.
201. Тураева, З.Я. Лингвистика текста / З.Я. Тураева. – М.: Просвещение, 1986.
202. Улуханов, И.С. Мотивация и производность / И. С. Улуханов // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2. – С. 5–20
203. Улуханов, И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И.С. Улуханов. – М.: Наука, 1996. –305 с.
204. Улуханов, И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И. С. Улуханов. – М.: Наука, 2007. – 256 с.
205. Улуханов, И.С. Значение словообразовательных аффиксов и часть речи мотивирующих слов / И. С. Улуханов // Филологические науки. – 1974. – №4.

206. Улуханов, И.С. О словообразовательной категории: (на материале глаголов, мотивированных глаголами) / И.С. Улуханов // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. – 1975. – № 1.– С. 4–7.
207. Уфимцева, А.А. Типы словесных знаков / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1974. –159 с.
208. Фигуровский, И.А. Синтаксис целого текста и ученические письменные работы / Фигуровский И.А. – М.: Учпедия, 1961. – 171 с.
209. Фреге, Г. Смысл и значение / Г. Фреге // Избранные работы – М.: Дом интеллектуальной книги, 1997. – 28 с.
210. Хартманн, П. Текст, тексты, классы текстов / П. Хартманн // Проблемы теории текста: Реферативный сборник. – М.: Наука, 1978. – 307 с.
211. Холлидей, М.А.К. Когезия в английском языке: Пер. с англ. / М.А.К. Холлидей – М.: Прогресс, 1976.
212. Хохлачева, В.Н. К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени. – М.: Наука, 1969. – 351 с.
213. Хохлачева, В. Н Словообразование существительных в русском языке: автореф. докт. филол. наук / В. Н Хохлачева. М., 1976. –37 с.
214. Худяева, Ю.Ю. Различие в степени когезии отдельных элементов в общей структуре текста (на материале пейзажных описаний во французской художественной литературе): дис... канд. филол. наук / Ю.Ю. Худяева. – СПб., 2001. – 224 с.
215. Чернухина, И.Я. Очерк стилистики художественного прозаического текста / И.Я. Чернухина. – Воронеж, 1984. – 155 с.
216. Шанский, Н.М. Очерки по русскому словообразованию / Н.М. Шанский. – М.: Наука, 2005. –310 с.
217. Шведова, Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н.Ю. Шведова. – М., 1998. – 176 с.

218. Ширшов, И.А. Проблемы словообразовательного значения в современной отечественной науке / И.А. Ширшов // Вопросы языкознания. – 1979. – №5. – С. 29–40.
219. Шипицына, Г.М. Структура значения слова и отношения между образующими ее компонентами / Г.М. Шипицына // Филологические науки. – 1993. – №3. – С. 67–76.
220. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) / Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
221. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. (к постановке проблемы) / Д.Н.Шмелев. – М.: Наука, 1977. – 168 с.
222. Щерба, Л.В. Избранные труды по русскому языку / Л.В. Щерба. – М., 1957. – 187 с.
223. Щерба, Л.В. Очередные проблемы языковедения / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 47–48.
224. Янценецкая, М.Н. Семантические вопросы теории словообразования / М.Н. Янценецкая. – Томск: Томск. ун–т, 1979. – 242 с.
225. Bally, Ch. Le langage et la vie / Ch. Bally. – Gen., 1977. –3 éd, – 219 p.
226. Boost, K. Neue Untersuchungen zum Wesen and zur Struktur des deutschen Satzes / K. Boost. – Berlin: Akademie-Verlag, 1955. – 88 p.
227. Dijk, T.A. van. Text and Context / T.A. Dijk. – London – New York, 1977. – 287 p.
228. Dobzynska, T. Tekst. Proba syntezy / T. Dobzynska. – Warszawa, 1983. – С. 24–56.
229. Dressler, W.U., R. de Beaugrande. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen, Niemeyer / Dressler, Beaugrande // Introduction to Text Linguistics. – London: Longman, 1981. – 290 p.
230. Halliday, M. Language, Context, and Text: Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective / M. Halliday. – Geelong: Deakin University, 1985. – 341 p.

231. Jespersen, O. The Philosophy of Grammar / O. Jespersen. – Chicago: University Of Chicago Press, 1992. – 372 p.
232. Lakoff, G. Metaphors We Live By / Lakoff, G. – Chicago: University of Chicago Press, 2003. – 238 p.
233. Lyons, J. Linguistic semantics: An introduction. Cambridge / J, Lyons, – England: Cambridge University Press, 1995. – 376 p.
234. Morris, Ch. Writings on the General Theory of Signs / Ch. Morris. – The Hague–Paris: Mouton, 1971. – 486 p.
235. Rastier, F., Sémantique interprétative / F. Rastier, –Paris: Presse universitaire de France, 1996. – 277 p.

Словари

236. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1999. – 608 с.
237. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Невская книга, 2000. – 1536 с.
238. Бочкарев, А.Е. Семантический словарь / А.Е. Бочкарев. – Н.Новгород: Деком, 2003. – 200 с.
239. Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 1996. – 636 с.
240. Кондаков, Н.И. Логический словарь–справочник / Н.И. Кондаков – М.: Наука, 1978. – 720 с.
241. Кузнецова, А.И. Словарь морфем русского языка / А.И. Кузнецова. – М.: Рус. язык, 1986. – 1136 с.
242. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
243. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. РАН, Ин–т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 14–е изд., дополненное / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1993.

244. Словарь синонимов русского языка. В 2-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Т. 1. – Л.: АН СССР, Институт русского языка, 1970.
245. Словарь современного русского литературного языка: в 17-и т. // Под ред. В.И. Чернышева, С.П. Обнорского, В.В. Виноградова, Ф.П. Филина и др. / АН СССР, Ин-т рус. яз. – М., 1948–1965.
246. Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – М.:Русский язык, 1983. – 534 с.
247. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. / А.Н. Тихонов. – М.: Рус. яз. 1990. – Т. 1. – 854 с; – Т. 2. – 885 с.
248. ЯБЭС 1998 – Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: ЭКСМО, 1998. – 685 с.

Электронные ресурсы:

249. <http://cyberleninka.ru/article/n/angliyskiy-yazyk-kak-lingua-franca-nktsiya-yazyka-ili-yazykovaya-forma#ixzz2jzLefjl6> (Научная библиотека КиберЛенинка)
250. <http://www.winglion.ru/physics/matrix.htm> (Ivan Mak, Четырехмерная математика и ее применение в СТО)
251. http://company.yandex.ru/press_releases/2004/0428/ (Яндекс компания. Пресс-релизы, 2004)
252. <http://dic.academic.ru/> (Словари и энциклопедии на Академик.ру)